

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2017**

2

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор
А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики)
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, профессор
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор
Г.С. Денисова – доктор социологических наук, профессор
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор
В.С. Савчук – кандидат исторических наук, доцент
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор
Е.А. Шинкаренко – редактор отдела журнала
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Кубанский государственный лингвистический университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 22.06.2017. Выход в свет 26.06.2017.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,27.

Тираж 250 экз. Заказ № 5841

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfnu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - the Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of Historical Sciences, Professor
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor
A.P. Gorbunov - Candidate of History, Doctor of Economics, Professor
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Professor
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor
G.S. Denisova - Doctor of Social Sciences, Professor
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor
V.S. Savchuk - Candidate of History, Associate Professor
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor
E.A. Shinkarenko - Editor-in-Card
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State Linguistic University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print 22.06.2017. The publication 26.06.2017.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 13.02. Publ. sign. 13.27.

Edition 250 copies. Order number 5841

Address editorial board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfnu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfnu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2

*Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации*

по печати

Научно-образовательный

и прикладной журнал

Издается с 1973 г.

Периодичность серии 4 номера в год

№ 2 (194) 2017 г.

Reg. No. 011018

Of the Russian Federation Committee

for the Press

Educational-research journal

of applied sciences

Published since 1973.

4 issues per a year

No. 2 (194) 2017

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

- Алексеев И.Н.** Динамика становления профессиональной субъектности будущего педагога в культурно-образовательном пространстве..... 4
- Веремчук А.С., Сорокин Г.В.** Утопизм в сознании русской интеллигенции XIX – начала XX века 9
- Икиликян С.Г.** Роль языка в формировании этнической идентичности как предмет изучения научно-исследовательских практик..... 16

- Alekseenko I.N.** Dynamics of Professional Subjectivity of the Future Teacher Formation in the Cultural and Educational Space..... 4
- Veremchuk A.S., Sorokin G.V.** Utopianism in the Minds of the Russian Intelligentsia XIX – Early XX Century 9
- Ikilikyan S.G.** The Role of Language in Formation of Ethnical Identity as a Subject of Scientific Research Practices..... 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

- Агафонов А.И.** От Великой Тартарии к Земле Донского войска (XVI – первая треть XIX века)..... 22
- Венков А.В.** Казаки Юга России и завершение Первой мировой войны..... 32
- Гусейнов М.Ш.** Выравнивание уровня экономического развития автономных республик и областей юго-востока России в составе Северо-Кавказского края (1920–1930 гг.)..... 40
- Заварухина О.А.** Италия глазами Б.И. Куракина 46
- Кислицын С.А., Терентьева М.С.** Современная Украина: политическая система, режимы и элиты 50
- Паламарчук Е.А., Подольников В.П.** Статус замужней женщины в нацистской Германии (1933–1939) 62

- Agafonov A.I.** From the Great Tartarya to the Land of the Don Army (XVI - the first third of the XIX century)..... 22
- Venkov A.V.** Cossacks of Russia South and Completion of the First World War..... 32
- Guseynov M.Sh.** Alignment of Economic Development Level of the Autonomous Republics and Regions of the Southeast of Russia as the part of the North Caucasus Area (1920-1930)..... 40
- Zavarukhina O.A.** Italy Through the Eyes of B.I. Kurakin 46
- Kislitsyn S.A., Terent'eva M.S.** Modern Ukraine: Political System, Regimes and Elites 50
- Palamarchuk E.A., Podolnikov V.P.** The Status of Married Woman in Nazi Germany (1933-1939)..... 62

- Сароглиди А.В.** Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи..... 71
- Филатова Н.В.** Ведовские практики в Шотландии раннего Нового времени 76

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Никитин Д.А.** Эффективность использования заемного капитала..... 84
- Хохлов А.А.** Модель импортозамещения в промышленности региона на основе идей глокализации..... 90

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

- Асексов З.И., Велиев О.В.** О формировании эстетической потребности у студентов средствами литературы..... 97

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

- Дзидзоев В.Д.** Вклад в национальный региональный компонент исторического образования (Трехбратов Б.А. Кто есть кто в кубановедении : библиографический словарь-справочник; 2-е изд. Краснодар : Традиция, 2014. 528 с.)..... 103
- Корзун В.П.** Вотчинная теория: траектория движения в историографическом пространстве (Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной историографии XIX – XXI вв. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с.)..... 105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Савченко Л. А., Вялых Н. А.** Четырнадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные отношения в России за 100 лет» (Ростов-на-Дону, 31 марта 2017 г.)..... 110
- Рекомендации по оформлению транслитерации (References)..... 112**

- Sarogliidi A.V.** The Agitation and Propaganda Activities of the Red Army of the Workers and Peasants in the Don Region in the 1920s and Changing Way of Life of the Youth..... 71
- Filatova N.V.** Witching Practices in Early Modern Scotland 76

ECONOMIC SCIENCE

- Nikitin D.A.** The Efficiency Loan Use..... 84
- Khokhlov A.A.** Model of Import Replacement in the Industry of the Region on the Basis of Glocalization Ideas..... 90

TO HELP THE TEACHER

- Asekov Z.I., Veliyev O.V.** On the Formation of Students' Aesthetic Needs by Means of Literature..... 97

BOOKS REVIEW

- Dzidzoev V.D.** Contribution to the National Regional Component of Historical Education (Trekhratov B.A. Who is Who in Cuban Studies. Bibliographic Dictionary-Guidebook. 2nd ed., Krasnodar, Traditsiya, 2014, 528 p.)... 103
- Korzun V.P.** Patrimonial Theory: Trajectory of Movement in the Historiographic Space (Mininkova L.V. Theory of Patrimonial State in the Russian Historiography of the XIX - XXI Centuries. Rostov-on-Don, Izd-vo SFU, 2015, 138 p.)..... 105

SCIENTIFIC LIFE

- Savchenko L.A., Vyalykh N.A.** Fourteenth International Gender Readings «Gender Relations in Russia for 100 Years» (Rostov-on-Don, March 31, 2017)..... 110
- Recommendations for the design of transliteration (References)..... 112**

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 101.1:316

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-4-8

ДИНАМИКА СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2017 г. И.Н. Алексеенко^а

^аДонской педагогический колледж, Ростов-на-Дону, Россия

DYNAMICS OF PROFESSIONAL SUBJECTIVITY OF THE FUTURE TEACHER FORMATION IN THE CULTURAL AND EDUCATIONAL SPACE

I.N. Alekseenko^а

^а*Don Pedagogical College, Rostov-on-Don, Russia*

*Алексеенко Иван Николаевич –
кандидат педагогических наук,
заместитель директора
по учебно-производственной работе,
Донской педагогический колледж,
ул. Ленина, 92, г. Ростов-на-Дону, 344023, Россия.
E-mail: donpedcollege@donpac.ru*

*Ivan N. Alekseenko –
Candidate of Pedagogic Science,
Deputy Director on Educational
and Practical Work,
Don Pedagogical College,
Lenina St., 92, Rostov-on-Don, 344023, Russia.
E-mail: donpedcollege@donpac.ru*

Определяется сущность динамики развития личности как субъекта в культурно-образовательном пространстве. На основе анализа структурных компонентов культурно-образовательного пространства выявлена последовательность самоопределения образующейся личности. Целостность изменений личности представлена в рамках возможностей познавательного-развивающей парадигмы образования, когда объектом педагогических усилий выступают отношения между субъектами образования как ориентир, внедренный социокультурным механизмом развития личности в постоянно изменяющихся образовательных условиях.

Ключевые слова: *природа культурно-образовательного пространства, структура становления профессиональной субъектности личности, образовательное движение будущего педагога, социализирующая траектория становления субъектности.*

The essence of the dynamics of the personality development as a subject in the cultural and educational space is determined. Based on the analysis of the structural components of the cultural and educational space, the sequence of self-determination of the personality is revealed. The integrity of personality changes is presented within the scope of the cognitive-educational paradigm of education, when the object of pedagogical efforts is the relationship between subjects of education as a landmark, introduced by the socio-cultural mechanism of personality development in constantly changing educational conditions.

Keywords: *the nature of the cultural and educational space, the structure of the formation of the professional subjectivity of the individual, the educational development of the future teacher, the socializing trajectory of the emergence of subjectivity.*

Трудность перевода социально-философского понимания культурно-образовательного пространства в реальный механизм педагогического действия связана с тем, что оформилась идея обоснования понятия «социально-педагогическое пространство», в качестве которого в социально-педагогическом его измерении выступают, к примеру, «интегративное» или «деятельностное» пространство, либо «творческое образовательное» пространство. Между тем само по

ческое пространство», в качестве которого в социально-педагогическом его измерении выступают, к примеру, «интегративное» или «деятельностное» пространство, либо «творческое образовательное» пространство. Между тем само по

себе пространство не может быть ни деятельностным, ни творческим, ни каким-либо другим. Оно может быть только пространством, порождающим потребность в деятельности или творчестве, с системно организованными условиями развития такого рода потребностей [1]. Концептуальный подход, которого мы принципиально придерживаемся, складывается из того, что понимание пространства становления личности рассматривается не просто как образовательного, а как культурно-образовательного, поскольку всякое отношение человека с окружающим его миром происходит сквозь призму культуры. В этих целях выделяется «культурный принцип образования» как ценностное осмысленное личностью своего «Я» во взаимодействии с окружающей действительностью [2].

Природа самого «культурного пространства» заключается в том, что, с одной стороны, оно предзадано объективной реальностью в виде репрезентативной культуры, с другой – содержательно и технологически обеспечивается усилиями педагога, который работает не со знанием-информацией, а с культурной ситуацией [3].

Социальная сущность культурно-образовательного пространства, во-первых, предусматривает организацию взаимодействия образовательных субъектов посредством применяемых технологий с учетом специфики и возможностей каждого из субъектов. Во-вторых, границы такого пространства задаются двумя полюсами их взаимоотношения в образовательном процессе: предметом культуры и внутренним миром, проявляющимся как процесс раскрытия сущностных сил человека.

В структуре культурно-образовательного пространства выделяются сферы организационно-методического обеспечения, среди которых социальная сфера ценностно-смыслового и профессионального самоопределения, информационно-коммуникационного обеспечения процесса становления и развития профессиональной субъектной позиции, проектирования и реализации личностного процесса саморазвития [4]. Каждая из сфер культурно-образовательного пространства представляет собой сочетание необходимых и достаточных организационно-методических условий становления личностной профессиональной позиции с сущностно-содержательной характеристикой самой субъектности индивида.

Образовательное движение в культурно-образовательном пространстве выстраивается вокруг самоопределения образующейся личности как

отправного момента в становлении ее субъектности, которое возможно только во взаимодействии с профессионально оформившимся субъектом деятельности. Вследствие этого очевидно обращение к форме организации такого взаимодействия. Родовой характеристикой выступает свобода выбора. Исходя из потребности совершенствования социокультурного механизма самоопределения личности как неизбежного этапа становления профессиональной субъектности, возникает необходимость решения минимум двух задач, корректирующих целенаправленную ориентацию образовательного процесса и всей жизнедеятельности системы формирования целостной личности будущего профессионала. Первая – обеспечение направленности социально-педагогического процесса на актуализацию личностного развития и саморазвития студентов и их педагогическую поддержку. Вторая – обеспечение целенаправленной оптимизации культурно-образовательного пространства в контексте становления профессиональной субъектности будущего специалиста [5]. Таким образом, «объектом образовательных усилий» выступает не какая-либо учебная дисциплина, не образовательная программа, ориентированная на овладение совокупностью компетенций, наконец, даже не личность студента в его продвижении к профессии, а процессы и отношения, содержательно характеризующие культурно-образовательное пространство как ситуации самоопределения и самореализации субъекта образования в их событийной форме.

Предметом социального регулирования образовательного процесса в рамках культурно-образовательного пространства становится адекватная этому пространству его часть, актуализированная на основе субъектного опыта личности и присвоенная ею в качестве собственного пространства жизненного самоопределения и последующей самореализации. Это личностное культурно-образовательное пространство имеет целостную природу, в которой проявляется индивидуальная форма развертывания сущностных сил в единстве потребностей, способностей и деятельности [6].

Такая постановка вопроса привлекает внимание к определенной роли индивидуализации социализирующих траекторий становления профессиональной субъектности студента, где они понимаются как технологически обеспечиваемое образовательное движение, исходящее от импульса (готовность и способность) самоопре-

деления личности, выстраивающей свою ценностно-смысловую сферу в качестве ядра уже целостного личностного культурно-образовательного пространства [7]. Их естественную основу составляет субъектно-развивающая социализация будущего профессионала.

Диалектика становления субъектности личности, в том числе и профессиональной, в рамках индивидуальной социализирующей траектории имеет свою структуру, компоненты которой, составляя целостность определяемую с момента самоопределения, не только отличаются содержательно, но и имеют разный тип и степень устойчивости: это – статическая составляющая, представляющая ядро субъектности в виде субъектной позиции; динамическая как репрезентативная сфера событийно ситуативного характера в виде субъектно-ориентированной образовательной ситуации; результирующая, опирающаяся на степень самореализации личности, ориентированной на достижение вершины в развитии индивидуальной эксклюзивности.

Центральным звеном целостного процесса становления субъектности выступает формирование ее относительно статичного ядра профессионально-субъектной позиции как формы и способа личностного и профессионального осуществления человека (самоопределение, самоактуализация, самоутверждение и саморазвитие). Диалектика процесса «здесь и сейчас» явлена как разрешаемое противоречие между состоявшейся личностной и профессиональной идентичностью и качественным уровнем личностной и профессиональной индивидуализации.

Целостность профессиональной субъектности личности вообще и профессионально-педагогической в частности подразумевает потребность в парадигмальном подходе, реализующем системно-деятельностный принцип организации субъектно-ориентированного образовательного процесса, поскольку он уже сам по себе есть не что иное, как целостное отражение явления во всем его многообразии [8, с. 112–118]. С этой точки зрения наиболее адекватным исходя из указанных концепций является опора на возможности познавательно-развивающей парадигмы образования, сущность которой заключается в том, что содержанием образования выступает «мир человека», а логика образовательного движения личности обосновывается и воспроизводится как логика познания (диалектичная, противоречивая по своей сущности), а не как логика

научения, обучения (которая всегда формализована и линейно выстроена). Этот анализ дает возможность утверждать, что познавательно-развивающая парадигма в полной мере отвечает природе субъектно-ориентированного образовательного процесса и может служить основанием для его проектирования.

С данных позиций определяется как содержательная сторона субъектно-ориентированного (по характеру) и профессионально-педагогического (по предметно-деятельностному предназначению) образовательного процесса, так и его структурное построение [9]. При этом организующим началом образовательного движения личности, его сквозным принципом, обеспечивающим целостность и направленность вектора становления и развития субъектности, является ясно осознаваемый смысл жизни, определяющий иерархию системы ценностей в личностно значимых сферах, в том числе и в профессиональной. В центр социально-культурной регуляции субъектно-образовательного движения личности перемещается смысложизнедеятельностное самоопределение как основная движущая сила становления и развития личности, в том числе и ее профессиональной определенности.

К социокультурным условиям субъектного смыслообразования в ходе образовательного процесса относятся: установление соотношения между созданными и потерянными ценностями; «раскристаллизация» смыслов, их радикальный характер и модификация; этапность становления смыслов; их профессионализация и феноменальность. Каждый из элементов системы смыслообразования, выполняя конкретную задачу, обеспечивает целостность явления посредством диалектики «движения смыслов», заключающейся в том, что возникают условия «ситуации развития» субъектно-ориентированного образовательного процесса, а самоформление иного смысла и переход в новое качество самоопределения образующейся личности есть индивидуально значимое событие как очередной шаг к следующему этапу самоопределения образующейся личности.

Иная сторона субъектно-ориентированного образовательного процесса, реализуя принцип дополненности, насыщает целостность спецификой профессионального характера деятельности личности и отношений. Напомним, что в первую очередь речь идет об уникальной особенностях, во многом определяющей характер субъектности, заключающейся в том, что основой

ценностно-смысловой самоорганизации деятельности и жизнестворчества в педагогической профессии выступает так называемая «отраженная субъектность».

Профессиональная субъектность личности педагога проявляется в осуществлении функции воспроизводства субъектности посредством как преобразования осуществляемого за счет отдельных элементов структуры субъектности образующейся личности, так и воспроизводства субъектности в целом.

Еще одной принципиальной характеристикой культурных условий развития субъектно-ориентированного образовательного процесса, направленного на выращивание профессионально-педагогической субъектной позиции, является уникальная возможность непосредственной рефлексии профессионала в процессе реальной педагогической деятельности и в процессе ее становления у образующейся личности (студента). Поскольку оба действующих субъекта находятся в одном культурно-образовательном пространстве с максимально возможным пересечением разнородных личностных пространств, то это облегчает решение перехода от «учебной ситуации» к «ситуации профессионального действия». Само культурно-образовательное пространство рассматривается не только объективно необходимым условием профессионального становления, но и фактором формирования профессионально-педагогической позиции.

Что касается «диалектического восхождения к вершинам профессионализма», то необходимо исследовать разные основания определения этапности субъектно-ориентированного образовательного процесса и на диалектике процессов идентификации и обособления при разрешающей роли специально организуемых продуктивных ситуаций взаимодействия студентов и преподавателя, определять логически последовательный социокультурный образовательный механизм [10].

Интеграционная составляющая процесса профессионального и личностного становления в культурно-образовательном пространстве профессиональной педагогической школы позволяет сформировать главную цель усилий всех субъектов образовательного процесса, имеющих к нему прямое отношение, – создание условий ознакомления, понимания, апробации, освоения, рефлексии (позитивных и негативных сторон) деятельности и на этой основе – стремление к выработке собственной системы педагогических

действий, что является ведущим признаком и показателем степени сформированности профессиональной позиции будущего педагога.

Литература

1. Капарулина О.Н. Педагогические возможности образовательного пространства комплекса «лицей – вуз»: теоретический аспект // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/33130> (дата обращения: 22.03.2016).
2. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии. М. : Прометей: МПГУ, 2003. 240 с.
3. Швырев В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 107–115.
4. Кагермазова Л.Ц. Смысловые коммуникации в учебном процессе: теория и технологии направленной трансляции в обучении : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 33–37.
5. Мушкирова А.Н. Развитие субъектности обучающихся в образовательном процессе вуза // Вестн. Бурятского гос. ун-та. 2014. Вып. 5. С. 94–98.
6. Наливайко А.В., Панарин В.И. О современной специфике развития отечественного образования // Философия образования. 2009. № 2. С. 27.
7. Пронина Л.А. Открытое культурно-образовательное пространство как образовательная парадигма общества знаний // Аналитика культурологии. 2007. Вып. № 8. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1649> (дата обращения: 22.03.2016).
8. Скуднова Т.Д. Социально-философские основания трансформации педагогического образования. М. : Социально-гуманитарные знания, 2009. 290 с.
9. Субъект действия, взаимодействия, познания (психологические философские социокультурные аспекты) / под ред. Э. Сайко. Москва; Воронеж : МПСИ, 2001. 288 с.
10. Кочеткова Т.Н. Условие, способствующее развитию субъектности студентов в процессе получения высшего образования // Вестн. ТГПУ. 2012. № 6. С. 190–197.

References

1. Kaparulina O.N. Pedagogicheskie vozmozhnosti obrazovatel'nogo prostranstva kom-

pleksa “litsei – vuz”: teoreticheskii aspekt [Pedagogical Possibilities of the Educational Space of the “Lyceum - University” Complex: the Theoretical Aspect]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*. 2014, No. 3. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/03/33130> (accessed 22.03.2016).

2. Baeva L.V. *Tsenostnye osnovaniya individual'nogo bytiya: opyt ekzistentsial'noi aksiologii* [Value Foundations of Individual Existence: the Experience of Existential Axiology]. Moscow, Prometei, MPGU, 2003, 240 p.

3. Shvyrev V.S. O deyatel'nostnom podkhode k istolkovaniyu “fenomena cheloveka” [On the Activity Approach to the Interpretation of the “Human Phenomenon”]. *Voprosy filosofii*. 2001, No. 2, pp. 107-115.

4. Kagermazova L.Ts. *Smyslovye kommunikatsii v uchebnom protsesse: teoriya i tekhnologii napravlennoi translyatsii v obuchenii*: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk [Semantic Communication in the Educational Process: Theory and Technology of Directional Translation in Teaching]. Rostov-on-Don, 2009, pp. 33-37.

5. Mushkirova A.N. Razvitie sub"ektnosti obuchayushchikhsya v obrazovatel'nom protsesse vuza [Development of Subjectivity of Students in the Educational Process of the University]. *Vestn. Bur'yatskogo gos. un-ta*. 2014, No. 5, pp. 94-98.

6. Nalivaiko A.V., Panarin V.I. O sovremennoi spetsifike razvitiya otechestvennogo obrazovaniya [On the Modern Specifics of the Development of National Education]. *Filosofiya obrazovaniya*. 2009, No. 2, p. 27.

7. Pronina L.A. Otkrytoe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo kak obrazovatel'naya paradigma obshchestva znaniy [Open Cultural and Educational Space as Educational Paradigm of the Knowledge Society]. *Analitika kul'turologii*. 2007, No. 8. Available at: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/1649> (accessed 22.03.2016).

8. Skudnova T.D. *Sotsial'no-filosofskie osnovaniya transformatsii pedagogicheskogo obrazovaniya* [Socio-philosophical Grounds for the Transformation of Teacher Education]. Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2009, 290 p.

9. *Sub"ekt deistviya, vzaimodeistviya, poznaniya (psikhologicheskie filosofskie sotsiokul'turnye aspekty)* [The Subject of Action, Interaction, Cognition. (Psychological Philosophical Sociocultural Aspects)]. Ed. E. Saiko. Moscow, Voronezh, MPSI, 2001, 288 p.

10. Kochetkova T.N. Uslovie, sposobstvuyushchee razvitiyu sub"ektnosti studentov v protsesse polucheniya vysshego obrazovaniya [The Condition Conducive to the Development of Subjectivity of Students in the Process of Obtaining Higher Education]. *Vestn. TGPU*. 2012, No. 6, pp. 190-197.

УТОПИЗМ В СОЗНАНИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

© 2017 г. А.С. Веремчук^а, Г.В. Сорокин^а

^аДонской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

UTOPIANISM IN THE MINDS OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA XIX - EARLY XX CENTURY

A.S. Veremchuk^а, G.V. Sorokin^а

^аDon State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Веремчук Алла Сергеевна –
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственной технической университет,
пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: emealla@yandex.ru

Alla S. Veremchuk –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Socio-Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: emealla@yandex.ru

Сорокин Геннадий Вениаминович –
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственной технической университет,
пл. Гагарина 1, г. Ростов-на-Дону, 344000, Россия.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Gennady V. Sorokin –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy
and Socio-Humanitarian Disciplines,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: gennadi-sorokin@yandex.ru

Исследуются утопические проекты идеального общества, сформулированные различными направлениями русской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. Отмечается важность утопического творчества для культуры и её неразрывная связь с духовностью эпохи. Дается рабочее определение термину «утопия». Идеология определяется как оружие интеллигенции. Рассматриваются три формы утопий: теократическая, социальная, технократическая. Религиозная мысль в лоне христианства формирует идеал Царства Божьего. Она прививает русскому сознанию стремление к идеальному. Россия в XIX в. оказывается отстающей от Запада в области мировоззрения, государственного строительства и материального производства. В связи с этим интеллигенция берёт на себя роль активного действующего субъекта по социальным преобразованиям общества, становится творцом социальных утопических проектов. В среде российской интеллигенции начинается широкое функционирование как западных философских и мировоззренческих идей, так и собственного утопического творчества. В значительной мере это социальные и технократические утопии. Выделяется особый вид утопии, являющийся синтезом этих трёх форм, – русский космизм. Подчёркивается, что в русском космизме достигается гармоничное сочетание форм утопического строительства, религиозных идей и современных космологических представлений. Анализируются статические и основанные на мифологическом мышлении религиозные и народные утопии, которым противопоставляются рациональные, конкурентные и динамичные авторские утопии интеллигенции. Делается вывод о диалектической взаимосвязи социального прогресса и утопического строительства.

Ключевые слова: утопия, утопизм, русская идея, интеллигенция, религия, социум, технократия, будущее, русский космизм.

This article examines utopian projects of an ideal society, by the various directions of the Russian intelligentsia at the turn of XIX-XX centuries. The importance of utopian creativity for culture and its inextricable link with the spirituality of the era. We give a working definition of the term utopia. The authors clarify the terminology in the summary. Ideology is defined as a weapon of intellectuals. The article considers three forms of utopia: theocratic, social, and technocratic. Religious thought in the bosom of Christianity forms the ideal of the Kingdom of God. It instills in Russian consciousness striving for the ideal. Russia in the XIX century is lagging behind the West in the field of ideology, nation-building and material production. In this regard, the intelligentsia takes on the role of an active actor on the social transformation of society; it becomes a creator of social utopian projects. Among the Russian intelligentsia, both broad

Western philosophical and ideological ideas and utopian own creativity begins functioning. This is largely social and technocratic utopia. It provided a special kind of utopia, which is the synthesis of these three forms - Russian cosmism. It is emphasized that the Russian cosmism achieved a harmonious blend of forms of utopian construction, religious ideas and modern cosmological ideas. The analysis of static based on the mythological thinking and people's theocratic utopia, which are opposed to rational and dynamic authoring utopia intelligentsia is given. The conclusion about the relationship of social progress and utopian construction is made.

Keywords: *utopia, utopianism, the Russian idea, intelligentsia, religion, society, technocracy, future, Russian cosmism.*

Российская интеллигенция, ее идейные искания, конструирование ею моделей идеального общества стоят в центре нашего исследования. В данной статье попробуем проанализировать диалектическую связь бытия идей в обществе и социальных изменений на примере сотворения коллективного идеального российской интеллигенцией на рубеже XIX–XX вв. Современная российская действительность является не только сформированной прямым воздействием этих идей, но и ныне находится в процессе трансформации и модернизации, «точкой отсчета» которой видится указанный рубеж. Однако разная ценностная и идеологическая ориентация идейных течений исследуемого времени и осязаемая современность и злободневность приводят к сложности и пристрастности в изучении и интерпретациях. Так, М. А. Маслин считает, что в истории общественной мысли сформировались «двойники» известных социальных мыслителей того времени, зачастую представляющих разных «Ломоносовых, Добролюбовых, Чернышевских, Герценов и многих других» [1, с. 44].

Широким распространением утопических проектов по переустройству общества характеризуется XIX в. в России. В сознании русской интеллигенции, в ее многочисленных направлениях мысли лежат представления о справедливом общественном устройстве будущего, утопические проекты идеального общества, ради которых интеллигенция жертвовала своими силами, социальной устроенностью, а иногда и своими жизнями ради общественных преобразований, ради всеобщего счастья на Земле. «Дух утопизма веет... над русской мыслью», – писал В. В. Зеньковский [2, с. 575].

В качестве элементов коллективного идеального выделяют мифологию, религию, идеологию, утопию и пр. По мнению И. В. Кондакова, «культурное наследие в каждую историческую эпоху существует как архитектоника четырех (как минимум) смысловых слоев (сверху вниз): актуального, потенциального, «снятого» наследия и «архива наследия»» [3, с. 9]. В качестве наследия «снятого» в данном случае подразуме-

вается абсолютно неактуальное, а «архив наследия» – некое содержание, имеющее положительное зерно, но забытое.

Цель статьи – рассмотреть разнообразие форм утопизма в сознании русской интеллигенции, взаимодействие различных форм общественного сознания и государственной идеологии с духовными построениями интеллектуальной элиты. Определить диалектическую взаимосвязь всеобщего, особенного и единичного на примере конкретно-исторического феномена, который содержит глубокие мировоззренческие и исторические трудноустанавливаемые связи.

Методология исследования – сравнительный анализ, герменевтический подход, мысленный эксперимент, соотнесение теории с практикой и т.п.

Утопия – это проект альтернативы настоящему, критикующий существующее устройство общества и предлагающий некий идеальный общественный строй, который обычно носит эгалитарный или, напротив, элитарный характер. Альтернатива обычно стабильна и её нормативы и ценностные принципы разделяются всеми «утопийцами». Характерен также определённый «разрыв» между реальным и альтернативным обществом. Обычно сообщение от одного к другому в значительной степени затруднено (далёкая страна, далёкое будущее, иное измерение, идеальный мир, грёза и т.п.).

История русской культуры тесно переплетена с историей русской интеллигенции, которая одновременно выступает и ее идеологом, зачастую создателем, и всегда критиком (со стороны того или иного идейного течения). Интеллигенция как высокообразованная часть общества, обладающая гражданской позицией и высоконравственными и моральными принципами, всегда выступала генератором идей и своим личным примером могла воздействовать на нравственно-духовную атмосферу в обществе. Постоянно искала и смысл своей жизни, возможность изменить положение народа, внести в страну правовую и политическую культуру, свободу слова, совести, комплекс принципов и идей, соответствовавших бо-

лее высокому уровню человеческой цивилизации. Все это выражалось в утопических проектах о светлом будущем.

Идеология является духовным орудием интеллигенции. Она как посредник между народом и властью разрабатывает и внедряет политическую идеологию в широкие социальные слои, пытаясь привлечь на свою сторону максимальное число приверженцев своих идей.

В интерпретации разных авторов понятие утопии разнообразно. У Т. Мора – это «небывальщина», форма творчества, способного преодолеть цензуру ввиду видимой несерьезности. У К. Маркса – нечто, не стоящее на пути объективного исторического развития, продукт сознания реакционных классов. Мангейм делит идеальные представления по принадлежности к социальным группам, особо выделяя степень их рационализма (последний тоже представляет проблему).

В данной статье наиболее подробно рассмотрим классификацию утопий по форме и средствам достижения идеала. В соответствии с этими критериями можно выделить три формы утопий: теократические, социальные, технократические.

Теократические определяются через господство религиозных ценностей, доминирующую роль церковных институтов. Утопия всегда связана с определенными верованиями в истинность и осуществимость идеалов. Как пишет Б.Ф. Егоров, «вера и идеал – это уже религия. Значит, каждая утопия в какой-то степени религиозна» [4, с. 211].

Социальные предполагают возможность изменения людьми собственного общества. Основываются на нравственных, иногда политических принципах индивидов. На основе социальных действий люди составляют и реализуют идеальную программу переустройства общества и государства.

Технократические уповают на развитие науки и техники как универсальный метод решения всех жизненных проблем, приоритет рационального во всех сферах жизни. Наука и научные изобретения являются не только абсолютным благом и целью социума, но и главным средством прогресса общества. Научные открытия способны радикально преобразовать мир и решить все социальные проблемы. Многие прогнозы фантастов выглядят настоящим пророчеством: космические аппараты, подводные лодки, генная инженерия и т.д.

Утопические проекты идеального общества в России берут свое начало с теократической формы утопизма, причем не в интеллигентской среде, а в православной культуре (хотя духовенство можно отнести к более образованной части тогдашнего общества). Христианство сформировало абсолютный и совершенный образ, идеал – Царство Божье. Нравственные представления, религиозные нормы, чувства, поведение прочно связаны с догматами христианского вероучения. Совершенствование мира возможно только через веру в Бога, и осуществление идеала связывается только с выходом за пределы материального мира. Православная церковь, поддерживаемая государством (монархической властью), на протяжении нескольких столетий выступала в роли государственного мировоззрения, была идеологом проектирования будущего идеального общества. Поэтому русскому сознанию прививались «жажда идеала» и устремленность к концу (эсхатологизм).

Однако к XIX в. Россия переживает глубокий кризис, связанный с тем, что большинство европейских стран, пройдя через революции и реформы, с идеологическими лозунгами (свобода, равенство, братство) перешли на новый уровень индустриально-капиталистических отношений, установив новые политические системы – конституционную монархию и демократическую республику. Феодално-крепостническая система России тормозила развитие экономики, культуры, вела к отставанию страны от Запада и не способствовала росту ее международного авторитета. Православная церковь теряет свое влияние на общество, но жажда идеала остается. Именно с этого момента в России будут доминировать социальные утопии.

В этих условиях русская интеллигенция в лице просвещенного дворянства берет на себя роль активного, действующего субъекта по социальным преобразованиям общества, становится творцом социальных утопических проектов. Утопическое сознание русской интеллигенции ориентировано на социальный идеал совершенного общества («светлое будущее»), в котором все устроено рационально и упорядочено. Интеллигентское сознание полагает, что устранить всё несовершенство мира и создать идеальное общество можно в реальном мире, в «мире истинном», а не в «мире мнимом». Для социального утопизма характерно, что совершенствование мира зависит от деятельности самого человека.

Например, первые проекты преобразования России принадлежали декабристам. Они выступали как выразители интересов всего народа. Социальный утопизм декабристов предполагал уничтожение самодержавия путем военного переворота («военной революции»), установление конституционной монархии или республики, демократических свобод, равенство сословий и братство народов. Но их цели не могли быть привнесены в жизненные условия России начала XIX в. Наиболее известные проекты преобразования России принадлежали Н. М. Муравьеву (конституционно-монархический) и П. И. Пестелю (республиканский).

Особую утопичность выражал конституционный проект П. И. Пестеля «Русская правда», в котором можно увидеть зачатки тоталитаризма, так как в нем предполагалось уничтожение всех сословий, кроме гражданского, «...все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие – гражданское» [5, с. 76]. Также проектировались выборность органов законодательной и исполнительной власти, гарантии прав личности и собственности, недопущение «аристократии богатств» [5, с. 74], развитие «народной промышленности», гармоничное сочетание прав и обязанностей правительства и народа. Проект Пестеля включал не только уничтожение феодальной формы эксплуатации (освобождение крестьян без выкупа), но и ограничение капиталистической эксплуатации за счет фонда общественных земель. По проекту Пестеля, общественная собственность (земля), находящаяся в руках нового правительства, должна превосходить частную. «Наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия» [5, с. 77].

Также фантастически видится его административное и национальное устройство страны. В новой республике верховная власть состоит из законодательной (Народное вече) и исполнительной (Державная дума), избираемых сроком на 5 лет. Для надзора за ними учреждается блюстительная власть в лице Верховного Собора. В него входят 120 бояр, назначенных пожизненно, «удерживающих в пределах законности» вече и думу. Целью государственного переустройства П. И. Пестель считал слияние всего населения в единый русский народ, использование единого языка (русского), принятие единой веры (православия), распространение единых обычаев и нравственных представлений, переход к одинаковому образу жизни. «Россия есть государство

единое и неразделимое. Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский» [5, с. 71]. П. И. Пестель представил проект демократической республики, но осуществление его поставило в зависимость от Временного правительства, т.е. диктатуры, вводимой на срок 10–15 лет, которая не ограничена в своих действиях, с тайной полицией, шпионажем, репрессиями и т.п. А это явное отступление от принципов демократизма.

Утопизм идей, ориентация на военную революцию и заговор, пренебрежение конспирацией, боязнь сблизиться с народом стали причиной подавления восстания декабристов.

Социально-технократический утопизм исповедовал основоположник нигилистического направления Д. И. Писарев. Общественный прогресс в его представлении виделся в развитии естественных наук, которые вели бы к «общечеловеческой солидарности» и к счастью человеческой личности. Культ знаний, основанный на позитивизме, эмпиризме и материализме, являлся фундаментом в его социальном проекте. Наука – это единственная сила, «которая независимо от исторических событий может разбудить общественное мнение и сформировать мыслящих руководителей народного труда». Для этого идеала необходимо формировать «нового человека», которого он представлял в образе «мыслящего реалиста». «Новый человек» должен быть трудолюбивым, скромным в быту, верить в свои силы и разум, заниматься полезным интеллектуальным трудом, отвергать традиции – веру в бога, душу, высшие ценности, искусство, право и т.д. Официальные институты – семья, школа, церковь – заменены на коммуны, артели и кружки. «Мыслящий реалист» не признает религиозных, этических и эстетических традиций, основываясь на преходящем характере ценностей. «Реалист постоянно стремится к пользе и постоянно отрицает в себе и других такую деятельность, которая не дает полезных результатов» [6, с. 9]. Программа нигилистического течения была, конечно, наивной и утопической. Сам Писарев это понимал и скептически относился к социалистическим идеям. Свобода мысли и господствующий деспотизм, материальная зависимость и отрыв от «почвы», не находили путей для революционной борьбы (кроме одиночек). Расхождение между желаемым и действительностью превращалось в замкнутый круг, в тупик для интеллигенции.

После отмены крепостного права один за другим появлялись проекты по переустройству общества. Самой известной социальной утопией в 1870-х гг. стало народничество, целью которого было полное преобразование общества на основе социалистических принципов и сближения с народом. Для интеллигенции народ – это «коллективная единица, воплощающая в себе наиболее высокий для данного времени уровень справедливости и человечности; народ вырабатывает и охраняет социальные и нравственные идеалы; его коллективная мысль способна безошибочно определить нормальный общественный уклад» [7, с. 236].

Центральная идея теории «общинного социализма», в которой можно увидеть проект собственного пути для России, отличного от капиталистического Запада, – сохранение сельской общины как основы русского коллективизма, свержение самодержавия и православия, сплочение нации путем снятия сословных различий, формирование правового общества во главе с интеллигенцией. Сущностью социальной утопической мысли народолюбцев являлось то, что борьба за социалистическое будущее, его осуществление есть «личная задача индивида», которую он должен осознать в качестве своего внутреннего долга. Интеллигенция смогла выразить идею социализма как политический и нравственный принцип, «как формулу непосредственного действия» [8, с. 31].

Однако объединенные общей идеей «общинного социализма» через революцию идеологи народничества предлагали разные пути достижения цели. Но все эти направления объединяло признание революции единственным путем освобождения народа. Так, пропагандисты во главе с П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским считали, что к революции необходимо тщательно подготовиться, нельзя «торопить» историю. Насилие в революции, писал Лавров, должно быть сведено к минимуму: «Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой» [9, с. 223]. Интеллигенция в лице критически мыслящих личностей должна идти в народ, вести пропаганду, развивать революционные и социалистические идеи среди народа.

Главным идеологом анархического (бунтарского) течения был М. А. Бакунин, считавший, что в русском народе давно созрели все предпосылки для революции, поэтому он выдвигал идею немедленного бунта – «сойтись с народом и помчаться вместе, куда вынесет буря» [10,

с. 99]. Первостепенная задача интеллигенции – «взбунтовать» народ через «пропаганду фактами», т. е. устройство непрерывных восстаний и бунтов, которые приведут к большому революционному взрыву. Лидер заговорщического направления П. И. Ткачев полагал, что революцию можно осуществить только путем заговора, т.е. захвата власти небольшой группой революционеров. Основной его тезис – «Не готовить революцию, а делать ее», используя любые средства, включая аморальные и противозаконные. Поэтому интеллигенция должна создать хорошо организованную, законспирированную партию, которая захватит власть и будет руководить социалистическим переустройством общества. При построении нового мира выдающаяся роль будет принадлежать не народу, а интеллигенции, которая сможет подавить и уничтожить консервативные и реакционные элементы общества, упразднит старые государственные учреждения и создаст новое сильное централизованное государство.

Технократические утопии отражают главный вектор развития современного общества. Интересно, что марксизм может быть интерпретирован в плане технократической утопии. Маркс считал, что *утопично* предполагать изменения во вторичных, зависимых сферах (идеологии (религии) или социальной) без прогресса в базовых (материальное производство, основанное на технике). Экономика не детерминирует социальный прогресс, она служит мостом для его возможности. Со времён появления научно-технического прогресса он становится обязательным для всех развитых государств. Поэтому, хотя никто достоверно не может сказать, куда нас заведёт техника, все развитые общества её самозабвенно развивают. Тут более многоплановые и сложные взаимоотношения, в которых выделение утопического элемента – задача более пространный исследования.

В плане универсальности, своеобразного синтеза этих направлений (теократического, социального и технократического) можно отметить такую русскую утопию, как «русский космизм». Он достаточно разнопланов. Наиболее любопытен, на наш взгляд, космизм Н. Ф. Федорова, предлагавшего осуществление «сотворчества» человека с богом и достройки мира до христианского идеала – воскрешения всех предыдущих поколений и предание им вечной жизни с помощью науки и техники, расселение бессмертного человечества в космосе. Он считает необходимым дальнейшее совершенствование морали до

«супраморализма». «Супраморализм – это долг к отцам-предкам, воскрешение, как самая высшая и безусловно всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумных и чувствующих существ, от исполнения которой, т.е. долга воскрешения, зависит судьба человеческого рода» [11, с. 388]. Федоров пишет, что практическое бессмертие ВСЕХ людей всемирной истории фактически снимает любые другие противоречия, ибо в вечности они разрешимы. Впервые Федоровым, а впоследствии в философии русского космизма, была высказана идея соотнесённости эволюции Вселенной и саморазвития человечества. «Чтобы исключить преобладание энтропийных процессов (увеличения деструкции, хаоса), Вселенная порождает внутри себя негэнтропийный фактор (в противовес росту энтропии негэнтропийные процессы связаны с конструктивными эффектами, повышающими упорядоченность систем)» [12, с. 140].

Резюмируя, можно сказать, что необходимо акцентировать момент контекста, обычно упускаемый в существующих определениях утопии. Так, в светском мировоззрении по отношению к реально существующему обществу религиозное понятие рая может быть представлено как утопия. Напротив, в контексте мифологического сознания (например, культ «карго») реально существующая европейская светская цивилизация интерпретируется как рай.

Мангейм считает, что разделение на утопию и идеологию происходит не из-за действительной реалистичности того или иного, но из оценки со стороны власти правящего класса. Ленин различает реально возможные перемены в общественном строе и те, которые никогда не смогут возникнуть, потому что не опираются на логику исторического развития [13]. Также Мангейм разделяет способы мышления различных слоёв населения. Например, мифология как стиль мышления уже обреченной аристократии или аналитический по своему характеру метод мышления поднимающегося ремесленничества [14]. Утопическое творчество интеллигенции в России на рубеже веков имело ряд специфических новых и конструктивных черт, оно качественно отлично от религиозных и народных утопий. Последние статичны и основаны на мифологическом мышлении. Утопии интеллигенции рациональны, критичны, характеризуются направленностью на будущее, динамичны и конкурентны между собой. Знаменуют становление нового

типа культуры с социально-техническим прогрессом как важнейшей ценностью и социальной инженерией как повседневной практикой.

Несмотря на двойственность и противоречивость внутри интеллигенции, все ее представители отличались готовностью к самопожертвованию во имя благополучия народа и стабильности государства. Часто это был геройский выбор – свободомыслие и критика действующей власти в Российской империи наказывались длительными сроками каторги. Например, ст. 103 Уголовного уложения РИ 1903 г. за оскорбление императорской семьи предусматривала до 8 лет каторги [15, с. 44]. Но интеллигенцией во главу угла было поставлено первенство общественных идеалов – свобода, равенство и братство. Забота об униженных и оскорбленных, желание найти лучшие условия жизни для всех и каждого стали отличительными чертами русской интеллигенции с момента ее возникновения. Отсутствие третьего сословия в России, цензура на свободу слова, неразвитость демократических институтов и т.д. настоятельно предписывали интеллигенции быть активным субъектом в общественно-политической жизни. Критически мыслить и искать альтернативные проекты развития общества стали главными функциями в ее деятельности. Без дискредитации самодержавия, обличения правящей верхушки, эгоизма богачей, общественного лицемерия, без показа унижения, бедности, бесправия народа, без призывов к ниспровержению режима, т.е. без всего того, что транслировала интеллигенция по всей стране, она не обрела бы себе статус ведущей части общества. Но эсхатологическая вера в достижение лучшей жизни, мессианство, правдоискательство, свобода духа и стремление к социальной справедливости способствовали развитию утопизма в сознании русской интеллигенции.

Литература

1. *Маслин М. А.* Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 43–49.
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с.
3. *Кондаков И. В.* Культурное наследие: действительное и мнимое // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 2 (11). С. 9–16.

4. Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб. : Искусство-СПБ, 2007. 416 с.

5. Пестель П. И. «Русская Правда». Наказ Временному правлению / ред. и предисл. П.Е. Щеголева. СПб., 1906. Л. 20. 314 с.

6. Писарев Д. И. Реалисты // Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб., 1894. Т. 4. 294 с.

7. Маслин М. А. [и др.]. История русской философии : учеб. для вузов. М. : Республика, 2001. 639 с.

8. Новикова Л. И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М. : Аспект-пресс, 2000. 482 с.

9. Лавров П. Л. Исторические письма: 1868–1869. 8-е изд. М. : URSS, 2013. 296 с.

10. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989. 624 с.

11. Федоров Н. Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Собр. соч. : в 4 т. М. : Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.

12. Дронов А. И. Человеческая деятельность в проекции на глобальный эволюционизм // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54), ч. 2. С. 139–142.

13. Ленин В. И. Две утопии // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117–121.

14. Мангейм К. Идеология и утопия. URL: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#20480 (дата обращения: 19.02.2017).

15. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб. : Изд-во В.П. Анисимова, 1903. 250 с.

References

1. Maslin M. A. Russkaya filosofiya kak dialog mirovozzrenii [Russian Philosophy as a Dialogue of Worldviews]. *Voprosy filosofii*. 2013, No. 1, pp. 43-49.

2. Zen'kovskii V.V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademičeskii proekt, Raritet, 2001, 880 p.

3. Kondakov I. V. Kul'turnoe nasledie: deistvitel'noe i mnimoe [Cultural Heritage: Real and Imaginary]. *Vestnik RGGU. Istorija. Filologiya*.

Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2016, No. 2 (11), pp. 9-16.

4. Egorov B. F. *Rossiiskie utopii* [Russian Utopia]. Historical Guidebook. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB, 2007, 416 p.

5. Pestel' P. I. “*Russkaya Pravda*”. *Nakaz Vremennomu pravleniyu* [“Russian Truth”. Order to the Provisional Government]. Ed., intr. by P.E. Shchegolev. Saint Petersburg, 1906, l. 20, 314 p.

6. Pisarev D. I. Realisty [Realists]. *Comp. coll. of works*. Saint Petersburg, 1894, vol. 4, 294 p.

7. Maslin M. A. et all. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Textbook for universities. Moscow, Respublika, 2001, 639 p.

8. Novikova L. I., Sizemskaya I.N. *Russkaya filosofiya istorii* [Russian Philosophy of History]. Moscow, Aspect-press, 2000, 482 p.

9. Lavrov P. L. *Istoricheskie pis'ma: 1868–1869* [Historical Letters: 1868-1869]. 8th ed. Moscow, URSS, 2013, 296 p.

10. Bakunin M. A. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Policy]. Moscow, Pravda, 1989, 624 p.

11. Fedorov N. F. Supramoralizm, ili Vseobshchii sintez (t.e. vseobshchee ob"edinenie) [Supramoralism, or Universal Synthesis (ie, universal unification)]. *Coll. of works*. Moscow, Progress, 1995, vol. 1, 518 p.

12. Dronov A. I. Chelovecheskaya deyatel'nost' v proektsii na global'nyi evolyutsionizm [Human Activity in Projection on Global Evolutionism]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2016, No. 12 (54), part 2, pp. 139-142.

13. Lenin V. I. Dve utopii [Two Utopias]. *Compl. coll. of works*. vol. 22, pp. 117-121.

14. Mangeim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Available at: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#20480 (accessed 19.02.2017).

15. *Novoe ugovnoe ulozhenie, Vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 goda* [The New Criminal Code, Highest Approved on March 22, 1903]. Saint Petersburg, Izd-vo V.P. Anisimova, 1903, 250 p.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

© 2017 г. С.Г. Икиликян^а

^аЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE ROLE OF LANGUAGE IN FORMATION OF ETHNICAL IDENTITY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH PRACTICES

S.G. Ikilikyan^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Икиликян Сона Григорьевна –
соискатель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону,
344006, Россия.
E-mail: sonaik82@mail.ru

Sona G. Ikilikyan –
Competitor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don,
344006, Russia.
E-mail: sonaik82@mail.ru

Рассматриваются теоретические аспекты изучения роли языка в формировании этнической идентичности. После распада Советского Союза в конце XX в. социально-политические процессы существенно повлияли на общественно-социальную жизнь людей. В условиях реэтнизации возникает необходимость пересмотреть прежнее представление о самих себе, понять процессы современности. Этим и обусловлен большой интерес к проблемам языка и идентичностей. Вопросам взаимоотношения этнической идентичности и языка уделяют внимание многие современные авторы. Язык и этническая идентичность тесно взаимосвязаны, и сохранение этнической идентичности невозможно без традиционно связанного с нею языка. Язык – это символ этноса. Следовательно, по убеждению большинства авторов, этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком. Изучение данной проблемы позволяет нам лучше понимать важные процессы социальной реальности – каким образом происходит мобилизация языка и этнической идентичности в социальных практиках. Это дает возможность подчеркнуть важность языкового фактора для самоидентификации нации, совершенствовать языковую политику государства в многонациональных обществах.

Ключевые слова: этническая идентичность, язык, этнос, самосознание, язык как символ этноса, реэтнизация, этническая дифференциация, российское общество.

The article is devoted to the theoretical problems of the study of language and ethnical identity. The issue of ethnical identity has figured prominently after the dissolution of the Soviet Union at the end of the 20th century as a result of socio - political processes. Today multiculturalism and multilingualism lead to some problems for small nations: how to preserve their ethnical identity? Wherever multilingualism and multiculturalism are present, the problems of formation and preservation of ethnical identity are at stake. Language is considered by some contemporary scholars to be a marker of large social categories, such as the nation. It can constitute one's identity or distinctiveness from others. Language also may be the ideal tool to express the unique character of a social group. Some scholars assert that language and ethnical identity are closely intertwined and are constantly under discussion. It is also emphasized, that new knowledge of ethnical identity in a plural society is truly necessary for demonstrating how language can influence ethnic identity. It may enhance our understanding of the role of language in various identity contexts.

Keywords: ethnical identity, language, national consciousness, language as a symbol of ethnos, reethnization, ethnical differentiation, Russian society.

Социально-политические процессы в конце XX в. существенно повлияли на общественно-социальную жизнь людей. После распада Советского Союза в условиях реэтнизации особую значимость приобрела этническая принадлежность.

Люди оказались в духовном и идеологическом вакууме, многие потеряли нравственные, идеологические и жизненные ориентиры. Изменение статусов этнических общностей и языков на территории суверенных республик бывшего СССР,

обострение политических проблем, в результате актуализации этнической идентичности их населения вызывают необходимость серьезного изучения вопросов роли языка в формировании этнической идентичности. Этим и обусловлен большой интерес к данной проблеме. Вероятно, следует пересмотреть прежнее представление о самих себе, понять процессы современности. В мультикультурном пространстве возникает непростая задача – сохранить этническую идентичность.

Вопросы взаимосвязи языка и этнической идентичности являются одними из самых актуальных в современном мире и занимают немалое место в современных исследованиях. Им уделяют внимание многие современные авторы. Исследователи считают, что этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности [1]. В связи с этим можно изучать понятия языка и этнической идентичности как объемный, многогранный и собирательный концепт. Язык рассматривается как символ этноса [2]. В научной литературе анализируются также способы влияния языка на этническую идентичность. В этом контексте он воспринимается как один из базовых элементов этнической идентификации [3].

Научная значимость исследования роли языка в формировании этнической идентичности заключается в том, что в научной литературе освещались только отдельные аспекты языка и этнической идентичности, а влияние языка как конструктора этнической идентичности не изучалось. Нами будут рассматриваться теоретические аспекты, связанные с возможностью изучения языка как конструктора формирования этнической идентичности. Что касается практической значимости исследования, то изучение этой темы позволит лучше понимать важные процессы социальной реальности – каким образом происходит мобилизация языка и этнической идентичности в социальных практиках, каково значение языкового фактора для самоидентификации нации, как совершенствовать языковую политику государства в многонациональных обществах и проявить толерантность во взаимоотношениях.

В научной литературе приведено множество подтверждений тому, что между языком и этнической идентичностью существует тесная взаи-

мосвязь. Язык рассматривается как символ, важнейший компонент, признак и устойчивый определитель этнической принадлежности. «Язык функционирует в качестве символа в процессе формирования чувства общности его членов. Этнические группы в поликультурном социуме находятся в непрерывном контакте» [4]. Некоторые исследователи считают, что язык является либо условием формирования этноса, либо итогом этногенеза. Он – одно из важнейших объективных свойств этноса, символ этнической принадлежности. Универсальный критерий различия этносов – язык, передающийся по наследству, через рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно и адаптивными навыками [5]. Существует также мнение, что язык – важный компонент этнической идентичности. Однако его важность варьирует в зависимости от конкретной ситуации и для некоторых групп является минимальной [6]. Некоторыми исследователями язык представлен как один из базовых элементов в этнической внешней идентификации и внутренней самоидентификации. Языковая система является продуктом исторического развития этноса и тесно связана с его генезисом и историей [3].

В научном дискурсе большое внимание уделяется этнокультурным аспектам языка. В этом плане он рассматривается как незаменимый фактор для продолжения этнокультурной идентичности, сохраняет в течение долгого времени историко-культурное наследие этносов, которое ушло из практики повседневности, но закреплено в исторической памяти, этнических стереотипах, традициях, обрядах, обычаях, особенностях ментальности этноса. Как механизм связи прошлого и настоящего язык выполняет роль системообразующего фактора в упорядочении и сохранении коммуникативного пространства этноса и его этнокультурной идентичности [7]. В культурологическом плане феномен этнической самоидентификации способен поднять общий уровень толерантности. В связи с этим этническая самоидентификация является одним из важнейших маркеров, позволяющих отделить один этнос от другого, определить значимость тех или иных культурных традиций и культурных смыслов, исторических и семиотических мотивов формирования этноса [8]. Будучи инструментом культуры, язык формирует личность, которая че-

рез язык воспринимает традиции, обычаи, мораль, систему норм своего народа, культурный образ мира. Так происходит «оживление» культурно-исторического опыта, формирование культурной идентичности человека [9].

Что касается российского общества, нужно подчеркнуть, что общероссийский фонд культуры, включающий культуру всех народов, исторически сложился с русской доминантой. Профессиональная культура российских народов развивается преимущественно на русском языке. Все современные согражданства (нации в политическом значении этого термина) имеют сложный этнический, расовый, религиозный состав населения. При этом культура, язык большинства, как правило, являются основой общенациональной культуры. Как показывают исследования, этническая и гражданская идентичность по широте распространения и по значимости компонентов у русских чаще совпадают. У них этническая идентичность соединена с гражданской больше, чем у людей других национальностей в силу того, что они идентифицируют себя прежде всего по языку и культуре, а русский язык является не только их родным, но и общегосударственным. Профессиональная культура российских народов развивается преимущественно на русском языке [10].

В научной литературе особое внимание уделяется различным образам социально-функциональной природы языка и идентичности. В этом плане язык рассматривается как важнейшее средство формирования этнокультурного самосознания и идентичности человека, личностные особенности которого начинают формироваться на базе и с помощью языка в самом раннем детстве. Этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности [1].

Наряду с этим в современной России с изменением социально-политической ситуации в последнее время наблюдаются различные социально-культурные деформации. В подобных ситуациях язык выступает как инструмент социального и концептуального конструирования. «В формировании социальной идентичности важная роль принадлежит языку. Именно язык способствует идентификации объектов окружающего мира. Благодаря языку человек приобщается к системе общественной идеологии, усваивает культурные нормы и социальные роли» [9].

Немаловажное значение придается этнодифференцирующим признакам языка и этнической идентичности. В процессе межэтнического взаимодействия этническая идентичность конструируется на основе представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков, в качестве которых могут выступать не только язык, но и ценности, нормы, историческая память, религия, представление о родной земле, национальный характер, народное творчество [6]. Язык играет важную роль в национальной и этнической дифференциации, так как он охватывает своим влиянием духовное бытие той или иной общности и обеспечивает ощущение взаимной комплиментарности и отличия от других наций и этносов [1].

В изучении вопросов взаимосвязи языка и этнической идентичности внимание ученых привлекает также проблематика, связанная с конфликтами по поводу языка. Как свидетельствуют события последних лет, борьба многих республик бывшего СССР за независимость началась с движений за возрождение национального языка [4]. Язык в подобных ситуациях становится ареной политической и социальной борьбы, выступая как фактор культурной дистанции и как инструмент социального и концептуального конструирования. В некоторых случаях признание языка какого-либо национального меньшинства, проживающего на территории национального государства, и передача ему даже в весьма ограниченной степени административных функций открывает путь к решению конфликтных ситуаций между национальным большинством и национальными меньшинствами. Таким образом, можно сказать, что язык может играть исключительно важную роль для решения внутривнутриполитических конфликтов и стать важнейшим инструментом конструирования многонациональной общности.

Особое внимание уделяется проблемам языка и этнической идентичности на Юге России. Это связано с полиэтничным и мультикультурным составом региона. Ряд авторов рассматривают вопросы этнической идентичности как фактор управления региональными конфликтами, изучает особенности национально-территориального устройства Юга России, полиэтничного состава региона и конфликты. Некоторые авторы этническую идентичность расценивают как один из инструментов управления конфликтами, использование которого отличается довольно высокой эффективностью. Это позволяет достичь

политических целей, сохранить контроль над экономическими ресурсами и т. д. [11].

Исследователей привлекает проблематика, связанная с вопросами идентичности и языка в постсоветском пространстве. Распад мировой биполярной системы привел к кризису идеологии и как следствие к потере устойчивых идентификационных ориентиров. По мнению ученых, одним из важнейших факторов формирования национально-государственной идентичности является язык, а именно, статус национального языка. Последний играет важную роль в национальной и этнической дифференциации. Изменение статусов этнических общностей и языков после распада Советского Союза вызывает необходимость более серьезно рассматривать вопросы взаимосвязи языка и этнической идентичности [12].

Как уже отмечалось, в современной России происходят различные социально-культурные трансформации. С изменением социально-политической ситуации полностью изменилась конфигурация отношений. Исчезла советская идеология и наступил вакуум во всех сферах социальной реальности. В результате возник кризис идентичности в постсоветском пространстве. В условиях реэтнизации значительно возросла роль языка в формировании идентичности этнических сообществ.

Итак, в заключение можно отметить, что проблема взаимоотношения языка и этнической идентичности является одной из дискуссионных и сложных тем. Это обусловлено разнообразием научных подходов к исследованию данных понятий. Изучением языка и этнической идентичности занимаются различные дисциплины: социология, философия, политология, социолингвистика, культурология, этнолингвистика, этнопсихолингвистика и социальная философия. Анализ научной литературы подтверждает, что можно изучать идентичность, язык и их взаимоотношение как объемный, многогранный и собирательный концепт, так как порой язык выступает как символ этнической принадлежности, его важнейший компонент, признак и устойчивый определитель. В связи с этим многие исследователи отмечают особое значение этнодифференцирующих признаков языка, подчеркивая, что он играет важную роль в национальной и этнической дифференциации, так как обеспечивает ощущение отличия от других наций и этносов.

Рассматривая функции языка в системе этнического самосознания через взаимодействие с

другими этническими признаками, отдельные ученые немаловажную роль отводят этнокультурным аспектам языка и этнической идентичности, а также их социально-функциональной природе. В культурологическом плане язык считается незаменимым фактором для сохранения этнокультурной идентичности, историко-культурного наследия этносов и механизмом связи прошлого и настоящего. Феномен этнической самоидентификации способен поднять общий уровень толерантности.

В научном дискурсе немаловажное значение имеет проблематика, связанная с конфликтами по поводу языка. В подобных ситуациях язык играет исключительно важную роль для решения внутривнутриполитических конфликтов и выступает как инструмент конструирования многонациональной общности. Особое внимание проблемам языка и этнической идентичности уделяется на Юге России, что объясняется полиэтничным и мультикультурным составом региона.

Кризис идентичности в российском обществе обусловлен процессами реэтнизации в России в конце XX в. В научно-исследовательской практике доминирует мнение, что формирование общероссийской идентичности должно основываться на учете отечественного опыта многонационального государства, на понимании исторических, культурных, социальных, политических, экономических, конфессиональных особенностей каждого народа, на поиске баланса между государственной и этнической идентичностями. А язык в этом плане рассматривается как один из важнейших факторов формирования национально-государственной идентичности.

Итак, анализ современной научной литературы на тему взаимосвязи языка и этнической идентичности выявил недостаточность исследований в проблематике роли языка. При изучении этнической идентичности и его форм обнаруживаем, что в этих работах почти не уделялось внимание роли языка в формировании и сохранении этнической идентичности. Эти вопросы оказались вне зоны когнитивного интереса ученых. В связи с этим необходимо изучать важные аспекты взаимосвязи языка и этнической идентичности, тщательно анализировать роль языка в формировании и сохранении этнической идентичности в российском обществе. Свое полное выражение этническая идентичность и этническое самосознание находят в языке. Благодаря языку человек осознает свою принадлежность к конкретной общественно-исторической группе.

Следовательно, сохранение этнической идентичности невозможно без традиционно связанного с нею языка. Именно в нем запечатлен весь познавательный опыт народа и именно он является одним из важнейших факторов формирования этнической идентичности.

Литература

1. Евсеева Л. Н. Роль языка в формировании национальной идентичности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2009. С. 3–10.
2. Целищев Н. Н. Язык, этническая идентичность и национальное самосознание // *Аграрное образование и наука*. 2014. № 1. С. 13.
3. Макарова Е.Ю. Язык в системе этнических признаков // *Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2 : Языкознание*. 2009. № 2. С. 184–188.
4. Борисов Р.В. Диалог языка и этнической идентичности в поликультурном образовательном пространстве // *Вестн. Томского гос. ун-та*. 2007. № 299. С. 154–157.
5. Кузнецова Е. В. Национальная идеология, национальная самоидентичность, культурный плюрализм, языковое многообразие, языковые мифы, языковая и культурная интеграция // *Омский науч. вестн.* 2011. № 3–98. С. 122–126.
6. Бокаев Б.Н. К проблеме взаимосвязи языка и этнической идентичности // *Наука и современность*. 2010. С. 173–176.
7. Морзавченков Г. А. Язык как фактор этнокультурной идентичности : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2015. С. 18–58.
8. Зубачевский М. В. Этническая самоидентификация и её объективация в культуре : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2010. С. 3.
9. Вендина Т.И. Язык как форма реализации культурной идентичности // *Культура сквозь призму идентичности*. М. : Индрик, 2006. 424 с.
10. Дробизжева Л.М., Рыжова С. В. Российская идентичность и межэтническая толерантность. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf (дата обращения: 12.04.2017).
11. Кольба А.И. Этническая идентичность как фактор управления региональными конфликтами на Юге России // *Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкина, П.В. Панова. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 274–277.*
12. Рахимуллина Г. З. Роль языка в формировании национальной идентичности (на примере Центральной Азии) // *Идентичность как предмет*

политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. / под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева, В.В. Лапкина, П.В. Панова. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 123–127.

References

1. Evseeva L.N. *Rol' yazyka v formirovanii natsional'noi identichnosti* : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [The Role of Language in the Formation of National Identity]. Arkhangel'sk, 2009, pp. 3-10.
2. Tselishchev N. N. *Yazyk, etnicheskaya identichnost' i natsional'noe samosoznanie* [Language, Ethnic Identity and National Self-identity]. *Agrarnoe obrazovanie i nauka*. 2014, No. 1, p. 13.
3. Makarova E.Yu. *Yazyk v sisteme etnicheskikh priznakov* [Language in the System of Ethnic Features]. *Vestn. Volgogradskogo gos. un-ta. Seriya 2 : Yazykoznanie*. 2009, No. 2, pp. 184-188.
4. Borisov R.V. *Dialog yazyka i etnicheskoi identichnosti v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve* [Dialogue of Language and Ethnic Identity in a Multicultural Educational Space]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. 2007, No. 299, pp. 154-157.
5. Kuznetsova E. V. *Natsional'naya ideologiya, natsional'naya samoidentichnost', kul'turnyi plyuralizm, yazykovoe mnogoobrazie, yazykovye mify, yazykovaya i kul'turnaya integratsiya* [National Ideology, National Self-identity, Cultural Pluralism, Linguistic Diversity, Language Myths, Linguistic and Cultural Integration]. *Omskii nauch. vestn.* 2011, No. 3-98, pp. 122-126.
6. Bokaev B.N. *K probleme vzaimosvyazi yazyka i etnicheskoi identichnosti* [To the Problem of Interrelation Between Language and Ethnic Identity]. *Nauka i sovremennost'*. 2010, pp. 173-176.
7. Morzavchenkov G.A. *Yazyk kak faktor etnokul'turnoi identichnosti* : dis. ... kand. filos. nauk [Language as a Factor of Ethnocultural Identity]. N. Novgorod, 2015, pp. 18-58.
8. Zubachevskii M. V. *Etnicheskaya samoidentifikatsiya i ee ob'ektivatsiya v kul'ture* : dis. ... kand. filos. nauk [Ethnic Self-identification and Its Objectification in Culture]. Omsk, 2010, p. 3.
9. Vendina T.I. [Language as a Form of Realization of Cultural Identity]. *Kul'tura skvoz' prizmu identichnosti* [Culture through the Prism of Identity]. Moscow, Indrik, 2006, 424 p.
10. Drobizheva L.M., Ryzhova S. V. *Rossiiskaya identichnost' i mezhetnicheskaya tolerantnost'* [Russian Identity and Interethnic Tolerance]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Ros_ident.pdf (accessed 12.04.2017).

11. Kol'ba A.I. [Ethnic identity as a factor in the management of regional conflicts in the South of Russia]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as the subject of political analysis]: Col. of art. Rus. scient. conf. Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeev, V.V. Lapkin, P.V. Panov. Moscow, IMEMO RAN, 2011, pp. 274-277.

12. Rakhimullina G. Z. [The Role of Language in the Formation of National Identity (on the example of Central Asia)]. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as the subject of political analysis]: Col. of art. Rus. scient. conf. Ed. by I.S. Semenenko, L.A. Fadeev, V.V. Lapkin, P.V. Panov. Moscow, IMEMO RAN, 2011, pp. 123-127.

Поступила в редакцию / Received

2 мая 2017 г. / May 2, 2017

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94(470+57) «17/1917»

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-22-31

К 80-летию Ростовской области

ОТ ВЕЛИКОЙ ТАРТАРИИ К ЗЕМЛЕ ДОНСКОГО ВОЙСКА (XVI – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)

© 2017 г. А.И. Агафонов^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

FROM THE GREAT TARTARYA TO THE LAND OF THE DON ARMY (XVI - THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY)

A.I. Agafonov^а

^а*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

*Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук,
профессор кафедры специальных
исторических дисциплин и документоведения,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru*

*Anatoly I. Agafonov –
Doctor of History, Professor,
Department of Special Historical Disciplines
and Records Keeping,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru*

Рассматривается формирование и развитие Земли Донского войска как части исторической территории Ростовской области. Обращается особое внимание на внешнюю политику Российской империи в Восточном Приазовье и Причерноморье, административно-территориальные изменения, протекавшие на Дону после включения края в состав Российского государства в начале XVIII в. В результате политики царского правительства Земля донских казаков стала составной частью Российской империи, сохранявшая в первой половине XIX в. незначительные особенности политического и административно-территориального устройства, определенную автономию в области управления, суда, военного и хозяйственного устройства.

Ключевые слова: Ростовская область, Земля Донского войска, внешняя политика России, административно-территориальное устройство Донского края XVI – первой трети XIX в., донское казачество.

In the article the author considers the formation and development of the Land of the don Cossacks troops, as the part of the historical territory of the Rostov region. The research is focused on the foreign policy of the Russian Empire in the Eastern Sea of Azov and the Black Sea region, administrative and territorial changes that occurred in the Don after the inclusion of the region into the Russian state in the early XVIII century. As a result of policies of the tsarist government, the Land of the Don Cossacks became the part of the Russian Empire, and remained so to the early nineteenth century but minor features of the political and the administrative-territorial structure, degree of autonomy in governance, court, military and economic structure were preserved.

Keywords: Rostov region, the Land of the Don army, foreign policy of Russia, the administrative-territorial structure of the Don region XVI - XIX centuries, Don Cossacks.

13 октября 1937 г. вышло Постановление ЦИК СССР «О разделении Азово-Черноморского края на Краснодарский край и Ростовскую

область». Согласно Постановлению, Азово-Черноморский край преобразовывался в две новые административно-территориальные единицы в

составе РСФСР и СССР – Ростовскую область (с центром в Ростове-на-Дону) и Краснодарский край (с центром в Краснодаре). В состав Ростовской области выделялись семь городов и 61 район.

Современная Ростовская область является одним из крупнейших государственно-территориальных образований в составе Российской Федерации, занимает 33-е место по площади, 6-е – по численности населения, она – один из самых полиэтничных и поликонфессиональных регионов страны.

Образованию Ростовской области предшествовала почти трехсотлетняя борьба России за Подонье – Приазовье, Северное Причерноморье и Степное Предкавказье. Военно-стратегические, политические, экономические и этноконфессиональные интересы Российской и Османской империй, Персии, их союзников и вассалов, а также революционные и постреволюционные события в нашей стране в XX в. определяли многочисленные территориально-административные преобразования.

Формирование территории и административно-территориальное деление Донского края относительно конкретных исторических периодов истории донского казачества рассматривались в монографиях А.И. Агафонова, Н.А. Минникова, А.П. Пронштейна, С.А. Кислицына и И.Г. Кислицыной и др. [1–4].

В то же время данный регион не исследовался как предыстория Ростовской области, имевшая свои особенности, оказавшая огромное влияние на политическое и административно-территориальное устройство Советского Союза в XX в., развитие современных государств после его распада.

До появления казачества в середине XVI в. на Дону территория, которую оно стало занимать, входила в состав Великой Тартарии [Татарии], именовалась Половецким или Диким полем. Рост численности населения, возникновение городков и хозяйственное освоение Донской земли, установление военно-политических и экономических отношений между казачеством и Московским государством требовали определения ее рубежей и ареала расселения казачества.

К концу XVI в. географическое понятие «Донская земля» тесно связывалось с населением, которое проживало по Дону и его притокам – Хопру, Медведице, Бузулуку, Северскому Донцу, другим «малым и запольным рекам». Здесь формировалось казачество как военно-политическая

организация, обладавшая различными правами и привилегиями. Это отражалось и закреплялось на географических картах и в делопроизводительной документации, подчеркивалось, что данная территория — Земля Донских казаков. Топография не только фиксировала права казаков на занимаемые земли, но и указывала на их принадлежность определенной субэтнической социальной группе, которая была готова защищать от посягательств внешних и внутренних врагов свои жилища.

При этом казаки и правительство достаточно четко идентифицировали казачьи поселения на нижние и верхние юрты, что подразумевало не только географическую, но и определенную социальную стратификацию. Что же касается установления границ Донской земли, то об этом не могло быть и речи. Упомянутые в различных источниках границы носили условно-договорной и подвижный характер, определялись состоянием противоборствовавших военно-политических сил – донского казачества и Московского государства, с одной стороны, Османской империи, Крымского ханства и их вассалов – с другой. К тому же казачество еще не сформировалось в Войско, не имело единого военного и политического центра. В реальной жизни границами между донскими казаками и азовцами, крымцами, ногайцами, запорожскими казаками выступали естественные рубежи – реки, затоны, леса и овраги, где выставлялись караулы и секреты, встречали и провожали московских и иностранных послов, обменивались пленными и захваченным имуществом [5, стб. 585].

В этой связи установление границ земли донских казаков являлось частью политики правительства, направленной на определение его места и роли в составе многочисленных сословий российского феодального общества.

Признание царем Михаилом Федоровичем в 1615 г. донских казаков Войском, военно-политической организацией, не внесло существенных изменений в топографию и топонимику региона. Прошло почти еще сто лет, прежде чем военно-политическое определение казачества «Войско Донское» закрепилось за территорией его проживания и получило название Земля Донского войска (Земля Войска Донского). Оно фиксировалось в царских грамотах, отписках казаков в Москву, присягах донского казачества на верность подданства российским царям, на географических картах, чертежах и в статистических описаниях [6].

При этом в течение XVIII – первой трети XIX в. сохранялось многозначное название в документах и на картах территории казачества – «Земля Донских казаков», «Земля Донского войска», «Земля Войска Донского», «Жилища донских казаков». «Земля» отражала представления современников как о территории, находившейся вне пределов основного исторического государственного образования. На картах «Жилища» часто выступали синонимом «Земли», они означали не только места проживания, но и владения, права собственности казаков на занимаемые территории.

В ожесточенной борьбе казачества с турками, азовскими и крымскими татарами, ногайцами и калмыками в XVII в. сложилась южная граница Войска Донского, которая фактически являлась и южной границей Московского государства. Граница проходила недалеко от Азова, выше протоки р. Каланча, и сохранялась до Азовских походов Петра I [2, с. 50–51]. Западной границей Донской земли являлась р. Миус, которая отделяла территорию Войска Донского от земель крымских татар и запорожских казаков [2, с. 54; 7, с. 15–17].

В последней трети XVII в. у Богучара и Меловой, а также по Хопру и вблизи этой реки установилась граница между Воронежским уездом и Землей донских казаков. Юго-восточные и восточные границы Донской земли оставались неопределенными в силу отсутствия каких-либо крупных естественных рубежей [2, с. 56]. К концу XVII в. границы Земли Донского войска примыкали на юго-западе к владениям Крымской орды. Далее (к северу, от верховьев Кальмуса до р. Оскола) граница шла вдоль земель запорожских казаков, затем направлялась к Валуйкам, откуда по Белгородской черте – до Чернавска, а далее через Керенск, Шацк, Тамбов, Нижний Ломов – к Волге и по ней к Саратову, Царицыну и Астрахани [3, с. 23].

В результате Азовских походов усилилось присутствие Московского правительства в Восточном Приазовье и Земле Донского войска. Прежде всего под руководством воеводы боярина А.С. Шеина начались реконструкция Азова, а также укрепление старых и строительство новых крепостей – форт Петровский, Троицкая (в Таганроге), Никонов, Сергиев (Сергиевская), Лютик, Каменный Затон и др. В них размещались гарнизоны русской регулярной армии, командование передавалось комендантам и оберкомендантам.

18 декабря 1708 г. Азов стал центром Азовской губернии. В июне 1710 г. царь Петр I назначил первым губернатором (генерал-губернатором) Азовской губернии генерал-адмирала графа Ф.М. Апраксина [8]. Фактически в начале XVIII в. территория, которую занимали донские казаки, была включена в состав Российского государства. Крепости и гарнизоны закрывали выход донским казакам в Азовское и Черное моря, а создававшаяся линия укреплений превращалась в южную границу России.

В отличие от центральных губерний страны, где сформировались административно-территориальные границы губерний и уездов, Земля Донского войска таковых не имела. Земли, завоеванные казаками и находившиеся в их пользовании, считались собственностью станиц и Войска. Многочисленные споры за землю донских казаков с запорожскими казаками, крымскими татарами, кочевниками Степного Предкавказья, Московским государством и Османской империей решались военным путем или в процессе переговоров. Перед правительством стояла сложнейшая задача – определить границы и правовой статус казачьих земель, закрепить на них верховенство имперского права и право распоряжаться ими наравне с землями российских губерний.

После заключения Константинопольского мирного договора (1700 г.) началось установление государственной границы между Россией и Османской империей. Борьба между ними в этом регионе продолжалась с успехами и неудачами до конца XVIII в. В результате русско-турецких войн второй половины XVIII в. и по условиям Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) мирных договоров Приазовье и Северное Причерноморье от Днестра до Таманского полуострова вошли в состав Российской империи. Эти земли получили название – Новороссия (Новороссийский край). Здесь в различные годы в результате многочисленных административно-территориальных преобразований создавались новые губернии и области – Бессарабская, Таврическая, Николаевская, Херсонская, Екатеринославская, Ставропольская, Земля Войска Донского, Земля Войска Черноморского. Установление границ Земли Войска Донского являлось составной частью политики самодержавия по присоединению, заселению и хозяйственному освоению новых земель. Но планы российского правительства встречали сопротивление со стороны

Османской империи и ее вассалов, наталкивались на социальные протесты казачества и крестьянства, экономические трудности [9–11].

Укрепление позиций самодержавия в Подонье – Приазовье, а также неопределенность границ и правового статуса войсковых и станичных земель открывали широкие возможности правительству вмешиваться в землевладение и землепользование донского казачества.

К началу XVII в. по Дону и его притокам – Хопру, Медведице, Бузулуку, Вороне, Северскому Донцу – сложилось примерно 30 казачьих поселений-городков, а к 90-м гг. того же века количество городков увеличилось до 100. В 1704–1706 гг. на Дону и его притоках проживало в 125 казачьих городках 26 690 человек. В ходе и после разгрома Булавинского восстания правительственные войска уничтожили около одной трети поселений, только к 1768 г., по данным А.И. Ригельмана, число казачьих станиц достигло 111 (вместе с 11 станицами г. Черкаска), на территории которых казаки осуществляли военные, административно-хозяйственные и судебные функции. К началу XIX в. число станиц не изменилось, к ним прибавилось 40 слобод, населенных российскими и малороссийскими крестьянами [2, с. 112, 123; 3, с. 56–57; 12, с. 169–172].

С развитием скотоводства и земледелия, формированием хуторского хозяйства казачьи поселения постепенно превращались из укреплений военно-административного типа в сельскохозяйственные станицы. Земли, принадлежавшие станицам, закреплялись обычным правом и войсковыми грамотами. Между Войском и станицами не существовало никаких промежуточных звеньев, а Земля Войска Донского не подразделялась на уезды и волости. Исторически, в процессе колонизации и освоения края, произошло этногеографическое разделение казачьих поселений и казаков на верховых и низовых, что оказывало влияние на формирование административно-территориальных образований и их названия [12, с. 23–24].

Массовая крестьянская колонизация Подонья – Приазовья порождала острейшие конфликты между Войском Донским и правительством, а также внутри Войска Донского. В станицах и хуторах старшины и казаки прятали беглых и новопришлых людей, которые занимались скотоводством, земледелием и промыслами. В 1703 г. царь Петр I направил в Войско Донское стольников М.Ф. Пушкина и М.Н. Кологривова с целью

определить количество казачьих городков, провести перепись казаков и установить численность зашедших после 1695 г. на Дон русских людей и малороссиян. Спустя год последовало запрещение казакам основывать хутора без разрешения Войскового круга или правительства, отныне казакам, чтобы создавать хутора, следовало являться в Войско. Вскоре вспыхнул спор между Изюмским слободским полком и казаками за земли на р. Бахмут. Это послужило одной из причин Булавинского восстания 1707–1708 гг. После его подавления Войско Донское лишилось более одного миллиона десятин земли по левым притокам Северского Донца, среднему течению Дона, Хопру, Бузулуку, Медведице и Иловле. Земли отошли Бахмутской провинции и вновь образованному Богучарскому уезду Воронежской губернии [13, с. 61; 3, с. 266].

Ожесточенные споры разгорелись между Запорожским и Донским казачьими войсками за земли в северном и северо-западном Приазовье. Ватаги запорожских и донских казаков занимались здесь промысловым рыболовством, поэтому каждое Войско считало приазовские степи своими. Неоднократные попытки правительства решить конфликт мирным путем и провести размежевание завершались неудачами. Противостояние между запорожскими и донскими казаками было настолько сильным, что часто выливалось в вооруженные столкновения. 10 октября 1743 г. последовал императорский указ, согласно которому казаки Войска Запорожского Низового, поселившиеся на землях Донского войска к востоку от р. Миус и на р. Темерник, высылались на прежние места жительства [14, с. 935–936].

Однако это не помогло. Тогда правительство прибегло к помощи регулярной армии. 31 августа 1744 г. императрица Елизавета Петровна обязала Военную коллегия разобраться в конфликте. Она в свою очередь возложила размежевание земель на коменданта Аннинской крепости бригадира П.П. Вырубова, затем на генерал-лейтенанта Карла фон Штофеля и подполковника Санкт-Петербургского пехотного полка Якова Биаса, придав им в помощь солдат крепостного гарнизона и подчиненных полков. Размежевание, проведенное в 1746 г., установило границу между Донским и Запорожским войсками по р. Кальмиус, прежним (1714 г.) рубежам между Россией и Оттоманской Портой [15, с. 544–545]. В 1751 г. предполагалось провести новое размежевание земель Войска Донского между донскими казаками и черкасами по р. Деркул и р. Явсюг, а

также Успенского Донецкого Предтеченского монастыря и черкасскими слободами, но оно было отложено на неопределенное время из-за погодных условий и нехватки межевщиков и канцеляристов [16, с. 508–510]. Окончательно спорные территории вошли в состав Земли Донского войска после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи.

Но не всегда земельные споры решались в пользу донского казачества. В течение XVIII в. при строительстве многочисленных крепостей, форштадтов, таможен, верфей и форпостов на Нижнем Дону и в Приазовье правительство изымало земли у Войска Донского и передавало их гарнизонам, работникам и жителям укреплений. Значительные земли на Верхнем Дону отошли от Войска Донского гарнизону Царицынской укрепленной линии, созданной в 1730 г., и Волжскому казачьему войску с установлением границы по р. Иловле и задонским степям [17, 18].

Государству требовалось официально оформить и закрепить за собой донские земли, что давало правовые основания распоряжаться ими в своих интересах. Важным шагом на этом пути стало Генеральное межевание Российской империи. Однако установление границ Земли Донского войска сдерживалось военно-политическими противоречиями между Россией и Турцией. Северное Причерноморье, Приазовье и Степное Предкавказье в течение почти всего XVIII в. оставались «краем войны». На этой территории велись боевые действия, ногайские и калмыцкие орды постоянно нападали на донские казачьи городки. Начавшееся в 1766 г. Генеральное межевание и установление границ Земли Донского войска под руководством оберквартирмейстера генерал-майора А.И. Медера и дивизионного квартирмейстера поручика Н. Ефимьева растянулось на два десятилетия [3, с. 23–35].

10 октября 1786 г. Г.А. Потемкин представил на утверждение Екатерине II составленную карту Земли Войска Донского с описанием ее границ. На ней императрица в левом верхнем углу написала: «Быть посему». Карта имела обширное сопровождение, в котором содержались предшествовавшие и действовавшие нормативно-правовые акты, описывались условия, приемы и принципы межеваний, указывались казачьи городки, почтовые тракты и станции, расстояния между ними. В 1793 г. с Высочайшей жалованной грамотой карта, «вмещающая все те земли, на кото-

рые донские казаки от древних времен простирали свои права», поступила в Войсковое Гражданское правительство [19, с. 430].

Отныне верховным собственником земли объявлялось государство, оно могло распоряжаться ею по своему усмотрению, Войско Донское получало земли в «вечное владение».

В ходе последующих межеваний 1794–1795 гг. под начальством генерал-майора С.И. Бердяева уточнялись спорные территории и границы Донского края, которые окончательно были утверждены в 1800 г. [20, с. 185].

Именной указ «О новом разделении Государства на губернии» от 12 декабря 1796 г. императора Павла I оставил границы и именование Земли Войска Донского без изменений [21, с. 229–230].

Важными шагами в формировании территории и административного управления донского казачества явились миграции калмыков в Нижнем Поволжье и Степном Предкавказье в середине и во второй половине XVII в. К началу XVIII в. значительная группа калмыков поселилась в Задонской степи, они получили название юртовых калмыков [22, с. 216], с 1729 г. стали управляться Войсковой канцелярией. После переселения Калмыцкой Большой Дербетовой Орды из-за Волги в Задонские степи, портовые калмыки были в 1799 г. включены административно и территориально в состав Земли Войска Донского. В этом же году было создано вместо специального сыскного начальства в составе Войсковой канцелярии Правление по управлению калмыками [23, с. 568]. В 1803 г. к донским калмыкам были переселены в Задонские степи Земли Войска Донского чугуевские и доломановские калмыки, кочевавшие в Мариупольском уезде [24, с. 547].

Не менее сложно протекал процесс установления и оформления внутренних границ округов Земли Донского войска. Правительство понимало, что отдельными, даже очень крупными экспедициями на Дон не решить проблему сыска и возвращения беглых. События начала XVIII в. (Булавинский бунт и движение некрасовцев) показали бесперспективность подобного пути. Правительство возложило эту деятельность на войскового атамана и войсковую администрацию. В 1743 г. по инициативе войскового атамана Д.Е. Ефремова и Войска по всем донским северным рекам и станицам края учреждались нарочные старшины для сыска беглых из российских

губерний. Земля Донского войска была разделена на шесть районов, охватывавших исторически сложившиеся места казачьих поселений по Медведице, Хопру, Бузулуку, Северскому Донцу, Иловле, среднему и нижнему течению Дона. В Черкасском городке, Усть-Медведицкой, Урюпинской, Каменской и других станицах размещались нарочные старшины с командами [3, с. 249–250].

Вначале институт «нарочных старшин» не имел четко определенных полномочий и административно-географических границ деятельности. В 1745 г. императрица Елизавета Петровна одобрила мероприятия войскового атамана Д.Е. Ефремова, при этом она подчеркивала, чтобы старшины снабжались инструкциями, а пойманные беглые люди допрашивались и под караулом отправлялись в Новохоперскую крепость, помещикам и к местам жительства [25, с. 353–355].

После разгрома крестьянского движения под предводительством Е.И. Пугачева (1773–1775 гг.) правительство учредило сыскные начальства, границы которых не совпадали с границами ранее созданных округов. Нарочные старшины и их команды превратились в администрацию сыскных начальств. Функции последних постоянно расширялись, они ведали военными, административными, судебными, финансовыми делами, следили за сбором подушной подати, раскладкой и исполнением земских повинностей, объявляли и проводили в жизнь решения Войскового Гражданского правительства. Полномочия сыскных начальств закреплялись войсковым (обычным) правом и подтверждались имперским законодательством, они стали постоянно действовавшими административно-территориальными учреждениями.

Сыскные начальства являлись промежуточной ступенькой в управлении между Войсковым Гражданским правительством и станицами, их численность постоянно менялась в зависимости от политических, военных и социальных задач – от 4 в 1783 г. до 11 к 1797 г. Это приводило к дублированию и параллелизму их деятельности, нарушению связей с Войсковым правительством и войсковым атаманом. Назрела объективная необходимость четко определить полномочия, установить количество административно-территориальных образований и их границы [26, с. 12–16].

В 1797 г., согласно указу императора Павла I, в Войске Донском создавались четыре сыскных

начальства, но их функции законодательно не закреплялись. 21 сентября 1797 г. войсковой атаман В.П. Орлов послал Хоперскому сыскному начальнику М. Ермольеву «Наставление к действию», где указывался круг вопросов, которыми должны заниматься сыскные начальства. Они обязывались вести криминальные, поземельные и тяжёбые дела, разбирать жалобы и иски на сумму свыше 50 рублей, проводить воинские команды и полки через территорию начальства, наблюдать за сохранностью мостов и почтовых трактов, взыскивать пошлины за право торговли и производство работ. При этом подчеркивалась необходимость имперского делопроизводства на основе указов от 30 декабря 1796 г. и 31 мая 1797 г., опубликованных государственной Военной коллегией [27, с. 10–11, 13–17].

Данные принципы организации власти и управления в сыскных начальствах Земли Донского войска подтвердил император Павел I в 1800 г. [28, с. 287–288; 29, с. 330–331]. Важнейшей функцией сыскных начальств являлся контроль над деятельностью местных органов власти и управления – станичных и слободских учреждений. Они следили за проведением выборов в станичные и слободские правления, составлением списков малолеток, служилых и отставных казаков, дворян, проживавших в юрте станицы, ведением судопроизводства, исполнением законов и т. д. В случае необходимости их компетенция расширялась с разрешения Войсковой канцелярии или дела передавались на рассмотрение одной из экспедиций Войскового управления. С 1816 г. чиновники сыскных начальств назначались Войсковой канцелярией (по рекомендации окружных дворянских собраний) на три года из отставных и служилых генералов и штаб-офицеров [30, 31].

Следует обратить внимание на эволюцию географических названий в Подонье – Приазовье, Северном Причерноморье и Степном Предкавказье. Если на географических картах и в документации до начала XVII в. преобладали этнонимы и этнотопонимы (Великая Тартария, ногаи, татары, закубанские татары, черкесы, донские казаки, жилища донских казаков, и т.д.), то с образованием Войска Донского как военно-политической организации утверждается военно-географическое название – Земля Донского войска. Таким образом географические названия отражали военно-политические и социально-экономические процессы, протекавшие в Подонье – Приазовье,

закрепляли политику правительства в этом регионе.

После учреждения в Войске Донском Гражданского правительства в 1775 г. и проведения Генерального межевания в делопроизводственной документации и географических картах, топографических описаниях губерний, наместничеств и областей Российской империи постоянно употребляется название Земля Войска Донского (вместо Земля Донского войска). Фактически военно-географическое определение территории – Земля Войска Донского – дополняется военно-топографическими сведениями и понятиями, обретает новое содержание.

Дальнейшее административно-территориальное развитие края и юга страны в целом определялось в XIX – начале XX в. целями и задачами Военного министерства, геополитическими интересами России на Кавказе и в Причерноморье.

Ограничение в начале XVIII в. созыва и деятельности войсковых кругов, запрещение выборов и назначение от правительства войсковых атаманов оказали огромное влияние на политическое развитие края. Существовавшая ранее Канцелярия войсковых дел, которой руководили войсковые атаманы, превратилась в 30–40-е гг. XVIII в. в постоянно действующий орган управления – Войсковую канцелярию [3, с. 232–233]. Войсковой атаман и Войсковая канцелярия не могли самостоятельно и быстро справиться со всеми политическими, экономическими, военными и социальными проблемами на огромной территории Войска Донского. Станичные атаманы и круги решали вопросы в пределах «станичного присуда» – станичных земель. Дела, выходившие за пределы их компетенции, отсылались в Войско.

Вторая половина XVII – начало XVIII в. показали Московскому правительству значение атаманской власти на Дону и роли личности, состоявшей на данной должности. От этого зависела не только лояльность казачества к Москве, но и спокойствие в Земле Донского войска и на южных окраинах Российского государства, в Азово-Черноморском и Каспийском бассейне. Правительство многократно пыталось влиять на выборы войсковых атаманов, но подчинить казачью стихию не удавалось.

После разгрома Булавинского возмущения царь Петр I казнил в 1709 г. войскового атамана И.Г. Зерщикова и замешанных в восстании войсковых старшин, отменил выборность войско-

вых атаманов, пожаловал в бессменные войсковые атаманы Петра Емельянова, сына Рамазанова, «по смерти его» [32, с. 97]. Попытки Войска вернуться к демократической процедуре выборов войскового атамана не дали положительных результатов.

С этого времени должность войскового атамана всемиловейше жаловалась старшинам Войска Донского и именовалась как войсковой наказной (наказный) атаман. Правительство, войсковые наказные атаманы и старшины стремились возвысить значение и авторитет этой должности. 4 марта 1738 г. должность войскового атамана была введена вновь как высочайшее пожалование императрицы Анны Иоанновны Д.Е. Ефремову за «долговременные и ревностные службы его Нам и предкам Нашим» и для оперативного управления Войском Донским во время Русско-турецкой войны (1735–1739 гг.) [13, с. 72; 33, с. 433].

Правительство давно понимало необходимость реорганизации органов власти и управления в Земле Войска Донского. На высочайшее имя и в Уложенную комиссию (1767 г.) поступали многочисленные проекты и указы о преобразованиях казачьих войск. Предложения войскового атамана С.Д. Ефремова, войскового дьяка Ивана Янова, указы депутатов от других казачьих войск, представителей царской администрации не устраивали по различным причинам правительство. К тому же начавшаяся в 1768 г. Русско-турецкая война, а затем и крестьянское движение под предводительством Е. Пугачева отложили вопрос о реформировании казачьих войск [34, с. 76–77, 464–465].

30 июля 1774 г. генерал-аншеф, начальник легкой кавалерии и всех иррегулярных войск Российской империи кн. Г.А. Потемкин создал специальную комиссию из войсковых старшин для составления предложений по реорганизации органов власти и управления в Земле Войска Донского. 14 февраля 1775 г. кн. Г.А. Потемкин подал на высочайшее имя доклад о преобразованиях в Войске Донском. Прежде всего он предлагал ограничить власть войсковых атаманов и поставить их под контроль правительства. Для этого следовало изменить существовавший порядок управления – разделить военную и гражданскую власти, для ведения земских дел создать специальное учреждение – Войсковое Гражданское правительство. Его члены – войсковой атаман (председатель) и двое постоянно присут-

ствующих (непрерывных) – назначаются высочайшей властью, четыре других чиновника – избираются Войском ежегодно «из надежных и проверенных в делах старшин». Для предупреждения «поползновений к корыстолюбию» чиновникам назначалось жалование «по высочайшему подтвержденному расписанию». Войсковое Гражданское правительство обязывалось заниматься хозяйственными делами и всем тем, «что подлежит рассмотрению гражданского суда», т. е. ему принадлежала и судебная власть.

Г.А. Потемкин особо подчеркивал, что деятельность войскового атамана и Войскового Гражданского правительства должна осуществляться только на основе имперского законодательства, высочайших указов, указов и распоряжений Военной коллегии и Правительствующего Сената. 15 февраля 1775 г. Екатерина II утвердила доклад Г.А. Потемкина, не внося ни одной поправки. Одновременно императрица назначила войскового старшину А.И. Иловайского войсковым наказным атаманом, активного участника подавления Пугачевского бунта и поимки самозванца. Она пожаловала новому войсковому наказному атаману чин полковника (вскоре – войскового атамана и чин генерал-майора) российской регулярной армии, определила компетенцию, штаты и жалование членов Гражданского правительства, повысила и утвердила статус старшинских чинов наравне с армейскими чинами [35, с. 53–55].

В числе первых манифестов о преобразовании органов власти и управления в Российской империи император Павел I издал указ от 6 июля 1797 г. о ликвидации в Земле Войска Донского Войскового Гражданского правительства и восстановлении Войсковой канцелярии. В ней, как прежде, должны присутствовать по древнему обычаю войсковой атаман со старшинами, а станции и чиновники относиться на имя войскового атамана и Войска Донского [36, с. 792–793].

Войсковая канцелярия оставалась по военным делам в ведомстве Военной коллегии, гражданские и уголовные дела рассматривались в соответствующих коллегиях и в Сенате. В июне 1800 г. Павел I учредил в Земле Войска Донского прокуратуру, назначил на эту должность прокурора из Архангельска коллежского assessора А.Л. Миклашевича, а также определил в Войско Донское специальных представителей для наблюдения за исполнением законов. Спустя три месяца в Войсковой канцелярии учреждались экспедиции для дел криминальных, гражданских

и тяжёбных, казенных, межевых, для полиции в г. Черкасске и сыскное начальство, соответствующее земскому суду. Войсковая канцелярия и подчиненные ей экспедиции обязывались вести все делопроизводство на основе имперского законодательства. Предполагалось, что эти преобразования будут способствовать ограничению власти войскового атамана и старшин.

Итак, почти триста лет понадобилось России для того, чтобы включить Восточное Приазовье и Подонье в состав государства, превратить часть Великой Тартарии в Землю Донского войска, определить ее внешние и внутренние границы, создать систему военного и административно-территориального управления, ввести население края в политико-социальную структуру страны, распространить на него имперское право. И, если в XVI – XVIII вв. в политике Российской империи доминировали военно-политические методы, то с начала XIX в. они уступают место административным и социально-экономическим реформам и мероприятиям.

Литература

1. *Агафонов А.И.* Область войска Донского и Приазовье в дореформенный период. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1986. 192 с.
2. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года). Ростов н/Д., 1998. 510 с.
3. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1961. 377 с.
4. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней) : учеб. пособие. Ростов н/Д. : Ростовкнига, 2012. 416 с.
5. Русская историческая библиотека. Т. XXIV. Кн. 2. Донские дела. СПб., 1906.
6. Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое) (1ПСЗ). Т. I. № 483, № 613, № 622, № 917, № 931, № 1310, № 2092а. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.
7. *Богачев В.* Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск : Типография Управления Артиллерии Всевеликого Войска Донского, 1919. 537 с.
8. *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.) Территория и высшие администраторы. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2009. 257 с.
9. *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир. М. : Наука, 1955. 368 с.

10. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье (1775–1800). М.: Наука, 1959. 280 с.

11. Пасько Е.А. Колонизационная политика России (вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2003. 240 с.

12. Ригельман А.И. История, или повествование о донских казаках. Переизд. Ростов н/Д., 1992. 224 с.

13. Савельев А. Трехсотлетие Войска Донского. Очерки из истории донских казаков. СПб. : Тип. М.О. Вольфа, 1870. 133 с.

14. 1ПСЗ. Т. XI. № 8804.

15. 1ПСЗ. Т. XII. № 9282.

16. 1ПСЗ. Т. XIII. № 9891.

17. Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804 гг.): Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2007. 27 с.

18. Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 гг. и первые годы существования : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1990. 22 с.

19. 1ПСЗ. Т. XXIII. № 17126.

20. Глиноецкий Н.П. Русский Генеральный штаб в царствование императрицы Екатерины II // Военный сборник. СПб., 1874. № 12. С. 257–259.

21. 1ПСЗ. Т. XXIV. № 17634.

22. 1ПСЗ. Т. VIII. № 5443.

23. 1ПСЗ. Т. XXV. № 18860.

24. 1ПСЗ. Т. XXVII. № 20718.

25. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным (Акты Лишина). Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск : Тип. А.А. Карасева, 1891–1894.

26. Материалы по истории Дона, собранные И.П. Поповым. Разные документы с 1775 по 1847 годы. Новочеркасск, 1900.

27. К истории атаманства В.П. Орлова // Попов И.П. Материалы к истории Дона. Новочеркасск: Тип. насл. Н.И. Редичкина, 1900.

28. 1ПСЗ. Т. XXVI. № 19547.

29. 1ПСЗ. Т. XXVI. № 19591.

30. 2ПСЗ (Собрание второе). Т. X. № 8163. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830.

31. Свод законов Российской империи. Изд. Кодификационного комитета при Гос. Совете. СПб., 1897. Т. 2, кн. IV, ч. 2. Ст. 192.

32. Ригельман А.И. История, или повествование о донских казаках. Изд. Импер. Общ. истории и древностей Российских. М. : Университетская тип., 1846.

33. 1ПСЗ. Т. X. № 7525.

34. Сб. Императорского Русского исторического общества. Т. 32. СПб. : Тип. Н.А. Лебедева, 1881.

35. 1ПСЗ. Т. XX. № 14251.

36. 1ПСЗ. Т. XXIV. № 18239.

References

1. Agafonov A.I. *Oblast' voiska Donskogo i Pri-azov'e v doreformennyi period* [The Area of the Don Army and the Azov Region in the Pre-reform Period]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1986, 192 p.

2. Mininkov N.A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 goda)* [Don Cossacks in the Era of the Late Middle Ages (up to 1671)]. Rostov-on-Don, 1998, 510 p.

3. Pronshtein A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don Land in the XVIII Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1961, 377 p.

4. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Istoriya Rostovskoi oblasti (ot Zemli Voiska Donskogo do nashikh dnei)* [History of the Rostov Region: (From the Land of the Don Army to the Present Days)]. Textbook. Rostov-on-Don, Rostovkniga, 2012, 416 p.

5. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Т. XXIV. Кн. 2. Donskie dela [Russian Historical Library. Vol. XXIV. Book 2. Don's affairs]. Saint Petersburg, 1906.

6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie pervoe) (IPSZ)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (First Collection) (ICCLRE)]. Vol. I. No. 483, No. 613, No. 622, No. 917, No. 931, No. 1310, No. 2092a. Saint Petersburg, Ed.h. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830.

7. Bogachev V. *Ocherki geografii Vsevelikogo Voiska Donskogo* [Essays on the Geography of the The Great Army of the Don]. Novocherkassk, Tipografiya Upravleniya Artillerii Vsevelikogo Voiska Donskogo, 1919, 537 p.

8. Komolov N.A. *Azovskaya guberniya (1709–1725 gg.). Territoriya i vysshie administrator* [Azov Gubernia (1709-1725). Territory and Higher Administrators]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2009, 257 p.

9. Druzhinina E.I. *Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir* [Kyuchuk-Kainarji Peace]. Moscow, Nauka, 1955, 368 p.

10. Druzhinina E.I. *Severnoe Prichernomor'e (1775–1800)* [Northern Black Sea Coast (1775-1800)]. Moscow, Nauka, 1959, 280 p.

11. Pas'ko E.A. *Kolonizatsionnaya politika Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX*

vv.) : dis. ... kand. ist. nauk [Colonization Policy of Russia (the Second Half of the XVIII - First Quarter of the XIX Century)]. Rostov-on-Don, 2003, 240 p.

12. Rigel'man A.I. *Istoriya, ili povestvovanie o donskikh kazakakh* [History, or the Narrative of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, 1992. 224 p.

13. Savel'ev A. *Trekhstolietie Voiska Donskogo. Ocherki iz istorii donskikh kazakov* [The Tercenary of the Don Army. Essays from the History of the Don Cossacks]. Saint Petersburg, Ed.h. M.O. Vol'fa, 1870, 133 p.

14. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XI. No. 8804.

15. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XII. No. 9282.

16. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XIII. No. 9891.

17. Kuryshv A.V. *Volzhskoe kazach'e voisko (1730–1804 gg.): Sozdanie, razvitie i preobrazovanie v lineinye kazach'i polki : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Volga Cossack Host (1730-1804): Creation, Development and Transformation into Linear Cossack Regiments]. Volgograd, 2007, 27 p.

18. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitel'stva v 1718–1720 gg. i pervye gody sushchestvovaniya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [King Line: the History of Construction in 1718-1720 and the First Years of Existence]. Voronezh, 1990, 22 p.

19. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXIII. No. 17126.

20. Glinoetskii N.P. *Russkii General'nyi shtab v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Russian General Staff in the Reign of Empress Catherine II]. *Voennyi sbornik*. Saint Petersburg, 1874. No. 12, pp. 257-259.

21. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXIV. No. 17634.

22. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. VIII. No. 5443.

23. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXV. No. 18860.

24. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXVII. No. 20718.

25. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym (Akty Lishina)* [Acts Relating to the History of the Don Army, Collected by Major-General A.A. Lishin (Acts of Lishin)]. Vol. 2, ch. 1. Novo-cherkassk, Ed.h. of A.A. Karasev, 1891-1894.

26. *Materialy po istorii Dona, sobrannye I.P. Popovym. Raznye dokumenty s 1775 po 1847 gody* [Materials on the History of the Don, Collected by I.P. Popov. Various Documents from 1775 to 1847]. Novo-cherkassk, 1900.

27. [To the History of Atamanship of V.P. Orlov]. Popov I.P. *Materialy k istorii Dona* [Materials to the History of the Don]. Novo-cherkassk, Ed.h. N.I. Redichkina, 1900.

28. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXVI. No. 19547.

29. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXVI. No. 19591.

30. *2PSZ* [2CCLRE (Second Edition)]. Vol. X. No. 8163. Saint Petersburg, Ed.h. II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1830.

31. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Ed. Codification Committee under the State Council. Saint Petersburg, 1897. Vol. 2, book IV, ch. 2. Art. 192.

32. Rigel'man A.I. *Istoriya, ili povestvovanie o donskikh kazakakh* [History or the Narrative of the Don Cossacks]. Ed. Imper. General. History and Antiquities of the Russian. Moscow, Universitetskaya ed.h, 1846.

33. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. X. No. 7525.

34. *Sb. Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Col. Imperial Russian Historical Society]. Vol. 32. Saint Petersburg, Ed.h. of N.A. Lebedev, 1881.

35. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XX. No. 14251.

36. *IPSZ* [1CCLRE]. Vol. XXIV. No. 18239.

КАЗАКИ ЮГА РОССИИ И ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

© 2017 г. А.В. Венков^а

^аЮжный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

COSSACKS OF RUSSIA SOUTH AND COMPLETION OF THE FIRST WORLD WAR

A.V. Venkov^а

^аSouthern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia

Венков Андрей Вадимович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией казачества,
Южный научный центр РАН,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Andrey V. Venkov –
Doctor of History, Professor,
Head of Cossacks Laboratory,
Southern Scientific Centre RAS,
Chekhova Ave., 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Анализируется участие донских казаков в событиях на фронте в 1917 г., сопоставляются данные о потерях и трофеях донских и кубанских казачьих частей в ходе всей войны. Делаются выводы о правильном и ошибочном использовании казаков командованием в ходе войны. Показана разница в потерях и наградах в зависимости от места боев и статуса воинской части. Подтверждается, что донские и кубанские казаки проявили в ходе Первой мировой войны высокий уровень боевой подготовки и стойкости. Сохраняя свои жизни, они нанесли ощутимый урон врагу, надежно прикрывая боевое развертывание русской армии, а также войсковые соединения при осуществлении ими наступательных и оборонительных военных операций.

Ключевые слова: казаки, Первая мировая война, революция, потери, подвиги.

The author examines the participation of the Don Cossacks in the events at the front in 1917; he compares the losses and trophies of the Don and Kuban Cossack units during the whole war. The conclusions about correct and incorrect using of the Cossacks by the command during the war are given. The research shows the difference in losses and rewards depending on the place and status of the military unit. It is confirmed that the Don and Kuban Cossacks showed during the First World War a high level of combat training and fortitude. Keeping their lives, they caused a tangible loss to the enemy, reliably covering the military deployment of the Russian army, as well as military units in the implementation of offensive and defensive military operations.

Keywords: Cossacks, First World War, revolution, losses, heroic actions.

1917 год и его отражение на судьбах казачества всегда были в центре внимания исследователей. Мнения Д.С. Бабичева [1] и Л.И. Футорянского [2], пытавшихся увидеть в основной массе казаков союзников или хотя бы попутчиков пролетариата, были в значительной мере оспорены Ю.К. Кириенко [3] и А.И. Козловым [4]. Своим подведением итогов изучения проблемы можно считать труд В.П. Трута [5]. Участие казаков двух крупнейших войск России в Первой мировой войне исследовано тем же В.П. Трутом и Н.В. Рыжковой [6]. Однако учеными так и не

были сделаны выводы о правильном или ошибочном использовании казаков российским командованием в ходе войны. Не проанализирована разница в потерях и наградах в зависимости от места боев и статуса воинской части. Разрешение указанных проблем и является целью предлагаемой статьи.

Обрушившиеся на Россию революционные события 1917 г. не позволили стране победоносно завершить Первую мировую войну. «Русская армия действовала с редкой самоотверженностью и сделала столько, сколько от нее можно

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2017 г. № 00701114-16 ПР (проект № 0256-2014-0012, № госрегистрации 01211354248).

было ожидать, и даже более того», – записал британский представитель в русской армии А. Нокс [7, с. 25]. Причины поражения России в войне англичанин видел в «биологической организации человека»: «Для того чтобы продолжать стойко идти к победе сквозь непрерывную череду катастроф, нужно обладать более высоким типом биологической организации человека» [7, с. 27]. Впоследствии он сделал уточнение: «Похоже, что для ведения современной войны русские слишком просты и добродушны» [7, с. 69].

Выявление или уточнение причин поражения России в Первой мировой войне не является целью данной работы. Однако необходимо отметить, что казаки (особенно рассматриваемые здесь донцы и кубанцы) были отобранной веками квинтэссенцией народа России, и в Первую мировую войну они показали себя прекрасными воинами.

Казачьи полки превышали количественно русскую регулярную кавалерию. К октябрю 1917 г. русская конница насчитывала 100 регулярных и 161 казачий полк, сведенные в 52 дивизии, в том числе 25 казачьих и 3 отдельные бригады [8, с. 43].

За время Первой мировой войны русская конница прошла славный боевой путь. Ею было проведено до 400 атак в конном строю, захвачено 170 орудий [9].

В 1917 г. казачьи войска какими-то особыми боевыми действиями себя не проявили. На весну того же года готовилось новое мощное наступление. «Генерал Алексеев уже давно подготовлял... к весне 1917 г. прорыв неприятельского фронта, который должен был принести нам окончательную победу. Он лично разработал во всех деталях план этого прорыва и назначил всякой войсковой части ее место и задачу в этой операции, так что всякая войсковая часть была у него на счету» [10]. В связи с этим шло массовое перемещение казачьих войск. Дело заключалось в том, что командование планировало заменить обескровленные пехотные части свежими казачьими [11, с. 26].

Много полков было выведено на Дон, чтобы впоследствии перебросить их на Кавказский фронт. 20 февраля 1917 г. Генеральный штаб дал соответствующее указание Главному управлению Генштаба по устройству и службе войск. В нем было четко предписано, что необходимо в целях радикального усиления Кавказского фронта конницей «из казачьих полков корпусной конницы и нескольких отдельных казачьих сотен

Западного театра военных действий спешно сформировать 7-ю, 8-ю, 9-ю Донские и 2-ю Оренбургскую казачьи дивизии». Непосредственный приказ о формировании трех новых казачьих дивизий из донских полков последовал 9 марта 1917 г. [6, с. 286].

Начавшаяся революция отложила на неопределенный срок русское наступление на Европейском театре военных действий. Сформированные казачьи дивизии тоже не были переброшены на Кавказский фронт. Формально это объяснялось исключительно нехваткой в данных казачьих соединениях конно-пулеметных, конно-саперных команд, телефонно-телеграфных станций, походных кухонь. В результате они оставались на Дону до конца войны [6, с. 286]. Видимо, оставление казачьих дивизий на Дону в период обострения внутренней политической ситуации диктовалось чисто политическими соображениями.

Впрочем, на Кавказском фронте ситуация была вполне благоприятной и без новых дивизий. 17 февраля 1917 г. войска генерала Баратова перешли в наступление на Хамадан и 25 февраля заняли весь район Керманшаха, а 22 марта – Ханекин.

В целом революция сильнее всего повлияла на боеспособность русской армии. Генерал М.В. Алексеев, исполнявший после революции обязанности верховного главнокомандующего, в конце марта сообщил союзникам, что русская армия не сможет наступать ранее июня-июля. Но со временем состояние армии становилось все хуже.

Генерал И.Т. Беляев вспоминал: «Артиллерия спасла свои кадры до конца войны, кавалерия, особенно казаки, сохранила их в значительной мере, но пехота к концу войны уже лишилась тех, кто составлял когда-то ее дух и сердце, и обратилась в толпу вооруженных людей, ничем не связанных между собою» [12]. «К маю войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и никаких мер воздействия предпринимать было невозможно», – писал генерал А.А. Брусилов [13].

В июне армия все же начала наступление, но, судя по данным, приводимым А. Ноксом, в состав ударной группировки входили забайкальские и оренбургские казаки, донцы были представлены всего одним полком [7, с. 576].

После Февральской революции возросло значение казаков не столько как силы боевой, сколько – политической. Казаков пытались втянуть в политическую борьбу, и иногда это удавалось. Были попытки привлечь казаков наводить

порядок среди разложившихся пехотных частей. Так, 5-я Кавказская казачья дивизия, переброшенная в мае 1917 г. из-под Карса в Финляндию, в июне участвовала в составе 1-го конного корпуса в подавлении солдатского бунта на Двинском направлении [14]. В начале мая на «усмирение» волнений на фронте были направлены 24 казачьих полка, а в июле – уже 30 [15].

Первоочередные 1-й Донской казачий генерал-лиссимуса князя италийского графа Суворова-Рымникского полк и 4-й Донской казачий графа Платова полк «наводили порядок» во время июльских событий 1917 г. в Петрограде. Наиболее интересное исследование на эту тему – работа Ю.В. Селезнева [16]. В составе 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта Крымова, двигавшегося на столицу страны в период выступления Корнилова, была и 1-я Донская казачья дивизия.

Наблюдая всякое отсутствие дисциплины в войсках и предчувствуя враждебное отношение к себе, казачьи части в армии стали более сплоченными. «Все казачьи части были расположены поблизости друг от друга и связаны телефоном» [17].

Осенью 1917 г. начался массовый вывод казачьих войск с фронта в родные места. Командование делало это по политическим соображениям. Многие кубанские казачьи части уходили стихийно. В сентябре 1917 г. бросили фронт 1-я и 2-я Кубанские пластунские бригады [18].

4-я Кубанская пластунская бригада, узнав, что ее должны отвести на отдых в район Баку – Елизаветполя в октябре 1917 г., самовольно ушла с позиций в Сарыкамыш. Большое недовольство выражали и казаки 1-й Кавказской дивизии, узнав об отказе их вывода из Персии. Генерал Н. Баратов, понимая сложность ситуации, дал согласие на уход дивизии с позиций, а в своем объяснении генералу М. Пржевальскому сообщил, что отвод войск он растянет месяца на три, «а за это время и в России, и в армии вся военно-политическая обстановка может совершенно радикально измениться» [18, с. 282].

Возвращение с фронта на Дон многие казачьи офицеры напрямую связывали с революцией, непризнанием Донским Войсковым правительством новой российской власти и объявлением о независимости Дона. А.В. Голубинцев вспоминал: «25 октября большевики захватили власть. Жалкое Временное правительство трусливо разбежалось. Дон не признал узурпаторов, и 2 декабря 1917 года был обнародован акт Войскового Правительства о независимости Дона, но и там не всё благополучно, оттуда тревожные

вести. Казакам больше нечего делать на фронте. Дон зовёт...

Получен приказ Атамана идти на Дон (курсив наш. – А.В.). 12 декабря полк грузится на станции Бельцы. Толпы распущенных, расхлябанных, безоружных солдат-дезертиров в растёгнутых шинелях, без погон, заполняют заплёванные и загаженные помещения станций и, молчаливо расступаясь и давая дорогу казакам, со злобой и страхом смотрят “товарищи” изумлёнными глазами на подтянутых, дисциплинированных, щегольски одетых казаков в погонах, с крестами и медалями» [19, с. 71].

После октябрьских событий в Петрограде большевики быстро стали устанавливать жесткий контроль над русской армией, точнее над многомиллионной массой людей, жаждавших мира. Назначенный верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко 13 (26) ноября 1917 г. из Двинска спешно направил своих парламентариев к немецкому командованию с ответственным поручением: узнать, согласно ли оно на отдельные переговоры о перемирии. В условиях развала фронта командование начало концентрировать наиболее стойкие казачьи части. Согласно приказу Ставки от того же 13(26) ноября 1917 г., отдельные и особые сотни по всем фронтам сводились в самостоятельные казачьи отряды. Всего на пяти фронтах было сформировано семь Донских казачьих отрядов из 44 сотен и Сводно-Казачий Кубанский из 4 кубанских и 2 донских сотен [6, с. 213].

В целом казаки попали в противоречивую ситуацию – одни до последнего держали фронт, другие устремились на родину.

«Железная дисциплина и вера в своих начальников никогда не покидали полка, даже подлая революция не смогла сломить или поколебать эти две воинские добродетели, и, когда в конце декабря 1917 года полк по вызову Атамана Каледина возвратился с фронта на Дон, он был в таком же порядке, в каком вышел в 1914 году на войну из Вильно. Дисциплина – уже почти добровольная, казаки в погонах, без красных тряпок, без хамских лозунгов революции, со всеми офицерами на командных должностях, как и до революции», – вспоминал последний командир 3-го Донского полка войсковой старшина А.В. Голубинцев [19, с. 70]. Разложение ряда полков началось, когда они уже прибыли на Дон.

На Кавказском фронте самым стойким оказался кубанско-терский партизанский отряд войскового старшины Терского казачьего войска

(осетина из терских казаков станицы Ново-Осетинской) Лазаря Фёдоровича Бичерахова. Он вел боевые действия в районе Кума, Катана, Исфахана, Рабат-Керима, Султан-Абада. Осенью 1917 г. партизанский отряд соединился с британской армией генерала Маршалла и воевал у города Кара-Тепэ. Это было самое южное проникновение российских войск в Азию за всю историю России [20, с. 54]. После заключения мира в Брест-Литовске главнокомандующий Кавказским фронтом разрешил русским войскам уйти из Персии, но отряд Бичерахова мира не признал. Казаки его отряда продолжали войну. Практически весь 1918 г. отряд боролся с турками, защищая от них Закавказье. Он был единственным подразделением Русской Императорской армии, которое встретило окончание Первой мировой войны 1914–1918 гг. победой союзников над Германией, Австро-Венгрией и Турцией в 1918 г. В своих прощальных приказах по отряду в начале 1919 г. Л.Ф. Бичерахов отмечал: «В то время, когда все фронты Великой Российской армии против внешнего врага перестали существовать, когда ей и стране был навязан позорный Брестский мир, здесь, на Кавказе, доблестные сыны России, верные своему долгу перед Родиной и союзническим обязательствам, одни, до конца, плечом к плечу с братьями по оружию, – нашими союзниками защищали Российскую территорию от турко-немцев» [20, с. 56].

Казаки вынесли из Первой мировой войны огромный опыт. Первые столкновения внесли коррективы в использование казачьей конницы. При многократно возросшей огневой мощи противоборствующих сторон конные атаки остались постоянным явлением в период маневренных действий на уровне сотен и эскадронов, при стычках разъездов; атаки крупными конными массами стали редкостью. Так, в октябре 1917 г., подводя итоги боевой работы 10-го Донского казачьего полка, одного из лучших в армии, представленного к награждению георгиевскими петлицами, отмечалось: «Полк участвовал в 120 боях, в том числе в 5 конных атаках на кавалерию и пехоту противника» [21].

Казакам зачастую отводилась роль своеобразной «пожарной команды», «скорой помощи». Их постоянно перебрасывали с места на место. Полковник Генерального штаба Е.Э. Месснер в эмиграции писал: «Коннице в Великую войну не раз приходилось играть роль резерва главнокомандующего – ее перебрасывали за 150–200 км спа-

сать положение на фронте. Но такое перемещение, длившееся несколько дней, расстраивало ее силы и уменьшало ее боеспособность» [22]. И не всегда эти перемещения были оправданны.

Командир 42-й Донской особой сотни закончил свой рапорт о боевом пути части следующими словами: «Рад казак бывает, когда в близком соприкосновении с врагом, бьет врага, и труд и службу его оценивают. Но когда трепят бесцельно – казак в унынии» [23]. Русское командование не учитывало присущего всем казакам стремления к «самосохранности». На всех этапах своей военной истории казаки постоянно анализировали ситуацию и не теряли бдительности. Русским офицерам, воспитанным на принципе «стоять и умирать», эта бдительность казалась чрезмерной. «...Никто более казаков не рассуждает об опасности, и едва ли кто видит ее с большим ужасом...», – писал еще А.П. Ермолов [24].

Казачьи воинские формирования в начальный период войны надежно прикрывали боевое развертывание русских армий, а также войсковые соединения при осуществлении ими наступательных и оборонительных военных операций. Таким образом, в маневренный период войны как войска прикрытия они свою роль, безусловно, выполнили.

Во время позиционного периода войны казачьи воинские части превращаются в «ездящую пехоту», перебрасываются на наиболее опасные участки для «затыкания дыр», либо замещают пехоту на позициях, когда ее концентрируют для активных действий (прорыв позиций противника), либо наряду с пехотой штурмуют в пешем строю укрепления противника. Таким образом, казачьи части становятся удобным средством для решения текущих тактических задач.

В ходе наступления Юго-Западного фронта в 1916 г. казаки на достаточно короткий период использовались для преследования противника либо, что было чаще, для расширения зоны прорыва. «Вообще преследование разбитого противника стало одним из наиболее слабых мест действия русской кавалерии в Первой мировой войне» [8, с. 38]. И вина за это ложится не на казаков.

Первая мировая война стала прекрасной школой для казаков – участников Гражданской войны. «Из 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, этой доблестной части Русской Императорской армии в Гражданской войне вышло четыре генерала: П.С. Абашкин, В.К. Венков,

Н.Г. Бабиев и М.А. Фостиков. Случай единственного в Кубанском Войске. Лабинцы могут этим гордиться», – писал подготовивший материал о боевом пути полка П.Н. Стрелянов [25].

Отметим, что из рядов 12-го Донского полка три офицера стали генералами еще в ходе Первой мировой войны (Е.И. Балабин, А.М. Каледин и В.Н. Попов), а еще шестеро – в годы Гражданской войны (З.С. Алпатов, П.М. Губкин, А.Н. Дронов, И.А. Клевцов, П.А. Овчинников, Л.И. Чирков) [26].

Война без потерь не бывает. Они зависят от театра военных действий, от уровня командования, от многих случайностей. Так, с октября 1914 по декабрь 1916 г. потери 1-го Лабинского полка Кубанского казачьего войска – 217 человек [11, с. 150], т.е. четверть состава, а потери 1-го Линейного полка того же войска к декабрю 1916 г. – 798 человек, или 90 % [11, с. 202].

Первоочередные полки использовались активно и получили больше наград. Так, 1-й Екатеринодарский полк выступил на фронт, имея в своем составе 20 офицеров и 1002 казака. За годы войны в него прибыло пополнения 18 офицеров и 978 казаков. 588 казаков были награждены Георгиевскими крестами и 847 – Георгиевскими медалями. Такое обилие наград свидетельствует о мужестве и верности воинскому долгу. За три года войны, на 2 декабря 1916 г., потери екатеринодарцев составили убитыми 4 офицера и 75 казаков, ранеными и контуженными – 16 офицеров и 381 казака, 61 казак числился без вести пропавшим и попавшим в плен [11, с. 111].

Полки 1-й Кубанской казачьей дивизии, набранные из казаков второй очереди, составляли примерно четвертую часть от общего числа кубанских казачьих конных частей, сражавшихся на Восточно-Европейском театре Первой мировой войны. За годы войны потери их составили 1770 человек, или 40 % от общего числа потерь Кубанских конных полков, воевавших на их фронтах. При этом только 2 415 офицеров и нижних чинов дивизии были удостоены Георгиевских наград, что составило немногим более 15 % от общего числа кубанцев-кавалеристов, получивших эти награды в боях с австрийцами и немцами [27]. Как видим, личный состав дивизии не был избалован вниманием верховного командования.

Однако в 11-м Кубанском пластуном батальоне, составленном из резервистов, награждены: орденом Св. Георгия – один офицер, Геор-

гиевским оружием – два офицера, Георгиевскими крестами – 396 нижних чинов, Георгиевскими медалями – 273 нижних чина [28].

В отличие от донцов, подавляющее большинство кубанских казаков воевало на Кавказском фронте, который все время наступал, да и военные действия велись в трудной гористой местности. «За участие в Первой мировой войне кубанцы заплатили высокую цену – около 4 тыс. убитых, 23 886 раненых и более 2,5 тыс. пропавших без вести или попавших в плен. Потери кубанских казаков составили около половины потерь всех казачьих войск... К различным наградам были представлены около 30,5 тыс. казаков (почти каждый третий казак, участвовавший в боевых действиях)» [29].

Потери донских казаков высчитаны более тщательно: убито 182 офицера, 3444 казака; ранено и контужено – 777 офицеров и 11 898 казаков; без вести пропали – 54 офицера и 2453 казака; в плену – 32 офицера и 132 казака. Георгиевские награды получили 37 тыс. казаков [6, с. 223].

Как видим, в войсках, примерно равных по численности, потери несколько разнятся. У донцов меньше убитых, гораздо меньше раненых, больше награжденных.

Впрочем, если мы сравним показатели по личному составу донских частей, оказавшихся на Кавказском фронте, то многое станет ясно. В мае 1917 г., когда Донская пешая бригада, воевавшая против турок, была выведена на Дон, то при штате в 6960 строевых казаков некомплект личного состава бригады составлял 4737 человек [6, с. 282]. Видимо, сказались непривычный климат и участие в наступательных операциях, которые влекут за собой большие потери среди атакующих.

Если учесть, что всего в ходе войны было призвано 113 742 донских казака и 106 115 кубанцев [5, с. 178], то потери (особенно убитыми) за три с половиной года войны – минимальны. Такие потери скорее сопутствуют военным учениям, а не войне, которую еще до ее окончания назвали «Великой». Минимальные потери и большое количество награжденных (каждый третий из призванных казаков) свидетельствуют о невиданно высокой боевой подготовке войск.

Естественно, и среди донских полков потери и награды распределились неравномерно.

10-й Донской казачий полк 1-й Донской дивизии, участвовавший в 120 боях, отчитался 7 ок-

тября 1917 г. такими цифрами: «убито – 145 человек (из них 13 офицеров); ранено и контужено – 802 человека (из них 45 офицеров), потери пленными – 5 человек. На пополнение прибыли – 52 офицера, 1350 казаков, 1213 лошадей. Награды – 2 ордена Св. Георгия, 5 шашек – «Георгиевское оружие», 820 георгиевских крестов и 1350 георгиевских медалей; полк представлен к Георгиевским трубам и георгиевским петлицам. В плен взято 15 офицеров противника, 1 врач, 1120 солдат, захвачено 3 орудия, 8 зарядных ящиков, 6 пулеметов с выюками, 104 лошади, 200 седел, 13 повозок с имуществом, 2 походные кухни». Вывод гласил: «Полк готов продолжать борьбу с лютым врагом, но за три года кони пришли в негодность...» [21, с. 1].

Указанные пропорции примерно совпадают с данными о потерях и наградах 12-го Донского казачьего полка: убито – 61 человек (из них 2 офицера); ранено и контужено 343 человека (из них 19 офицеров); без вести пропали 3 человека (из них 1 офицер); в плену 4 человека (из них 1 офицер). На пополнение прибыли 38 офицеров, 1249 казаков. Награды – 4 шашки – «Георгиевское оружие», 643 георгиевских креста и 632 георгиевские медали...» [26, с. 130]. В 12-м Донском полку и потерь и наград почти в два раза меньше, чем в 10-м Донском, но и в плен в этих полках попали единицы.

1-й Донской пеший батальон по численности был равен полку. Выступило в поход на Кавказский фронт: офицеров – 23, строевых казаков – 1160, нестроевых казаков – 133.

Пополнение: офицеров – 19; казаков – 929; лошадей из войска – 21.

Награды: Георгиевские медали – 264.

Убито: офицеров – 1; казаков – 45. Ранено: офицеров – 6; казаков – 210. Контужено: офицеров – 1; казаков – 0. Без вести пропало: офицеров – 0; казаков – 4. В плену: офицеров – 0, казаков – 0. Пленные турки: офицеры – 0, нижние чины – 141 [30].

Минимальное количество пленных в казачьих полках в очередной раз указывает на высокую боеспособность, стойкость и патриотизм казаков. В рядах донских казаков фактически не было дезертирства. Не обнаружен ни один документ о подобном явлении.

И, наоборот, за время войны донские казаки взяли в плен 460 офицеров и 29 650 неприятельских солдат. Трофеями донцов за годы войны стали: 74 орудия, 169 зарядных ящиков, 77 пулеметов, 23 250 винтовок, 3400 лошадей, 48 автомобилей, 116 повозок с военным имуществом и

95 выюков с боевым снаряжением, 21 вражеский аэроплан [6, с. 224].

В заключение уместно привести слова бывшего атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенанта Г.А. Вдовенко: «Казачество на эту войну отдало все до последнего напряжения. Оно честно выполнило свой долг перед Родиной. Казачьи полки заслужили похвалу – даже от неприятеля, и во время развала ушли с фронта последними» [11, с. 11–12].

Таким образом, донские и кубанские казаки проявили в ходе Первой мировой войны высокий уровень боевой подготовки и стойкости. Сохраняя свои жизни, они нанесли ощутимый урон врагу. Так, в Войске Донском количество награжденных в 10 раз превосходит количество погибших. При минимальных потерях в целом некоторые казачьи полки потеряли довольно много бойцов. Больше потерь понесли и меньше наград получили второочередные части. Возможно, это объясняется тем, что командовали ими призванные из запаса командиры. Открытым остается вопрос, как соотнести огромный некомплект в Донской пешей бригаде и достаточно скромные потери убитыми и ранеными в одном из ее шести батальонов. Возможно, в изученной нами статистике не учтены санитарные потери заболевшими. Большой процент потерь заболевшими всегда был характерен для донских частей, служивших на Кавказе и в Закавказье.

Литература

1. *Бабичев Д.С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов / Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1969. 212 с.
2. *Футорянский Л. И.* Борьба за массы трудового казачества в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую (март – октябрь 1917 г.). Оренбург, 1972.
3. *Кириенко Ю. К.* Революция и донское казачество (февр. – окт. 1917 г.). Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1988. 249 с.
4. *Козлов А.И.* Октябрь и казачество Дона, Кубани и Терека // Вопросы истории. 1981. № 3. С. 20–33.
5. *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачество России в войнах и революциях начала XX века. М. : Яуза; Эксмо, 2007. 238 с.
6. *Рыжкова Н.В.* Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д. : Рост. ун-та, 2003. 320 с.

7. Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. М. : Центрполиграф, 2014.

8. Оськин М.В. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой мировой войне. М. : Яуза, 2009.

9. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. 1915–1917. М. : Голос, 1994. С. 219.

10. Бубнов А.Д. В Ставке Верховного Главнокомандующего. М. : Вече, 2014. С. 216.

11. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имен...» (К 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар : ЭДВИ, 2005.

12. Беляев И. Где вера и любовь не продаются : мемуары генерала Беляева. СПб. : Питер, 2015. С. 285.

13. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М. : Вече, 2013. С. 262.

14. Елисеев. Казачий чуб // Родимый край. 1957. № 12. С. 13–14.

15. Казачьи думы. 1923. № 3. 15 июня. С. 3.

16. Селезнев Ю.В. 1917 г. и казаки. Ростов н/Д. : ВиВ, 2009. 768 с.

17. Белявский В.А. Февральский переворот, приход большевиков к власти и первое начало борьбы с большевиками на Дону при генерале А.М. Каледине // Атаман А.М. Каледин. Ростов н/Д. : Казачье зарубежье, 2013. С. 150.

18. Аюева Н.Б. Трансформация традиционных ценностей в среде служилого казачества в годы Первой мировой войны // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д., 2014.

19. Голубинцев А.В. Потухшие искры. Ростов н/Д. : Казачье зарубежье, 2005.

20. Брацун Е.В. «Из казаков станицы Кореновской»: жизнь и судьба хорунжего Кубанского казачьего войска И.И. Осаковского // «Беззаветно тебя мы любили святая наша земля...» : материалы X Междунар. дворянских чтений, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны. Краснодар : Экоинвест, 2014.

21. Племя героев // Вольный Дон. 1917. 7 окт.

22. Граф Келлер. М. : Посев, 2007. С. 275.

23. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 37. Л. 181 об.

24. России двинулись сыны: записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев / сост. С.С. Волк, С.Б. Михайлова. М. : Современник, 1988. С. 71–72.

25. 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ в Великой войне 1914–1918 гг. // Кубанский сборник. 2006. № 1 (22). С. 436.

26. Венков А.В. 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы Первой мировой войны. Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2014. 136 с.

27. Бузун Ю.Г. Первая Кубанская казачья дивизия в Великой войне // Кубанский сборник / под ред. О.В. Матвеева, Г.В. Кокунько. Краснодар : Книга, 2012. Т. IV (25). С. 147.

28. Галич А.М. Материалы к истории 11-го Кубанского пластунского батальона с 10.08.14 по 01.01.1917 г. по документам Государственного архива Краснодарского края // Кубанский сборник. Краснодар, 2014. Т. V (26). С. 356.

29. Ратушняк О.В. Участие кубанцев в Первой мировой войне // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д., 2014. С. 125.

30. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 54. Л. 30.

References

1. Babichev D.S. *Donskoe trudovoe kazachestvo v bor'be za vlast' Sovetov* [Working Don Cossacks in Struggle for Power]. Rost. gos. un-t. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1969. P. 212.

2. Futoryanskii L. I. *Bor'ba za massy trudovogo kazachestva v period pererastaniya burzhuzno-demokraticheskoj revolyutsii v sotsialisticheskuyu (mart – oktyabr' 1917 g.)* [Struggle for Masses of Working Cossacks in the Period of the Bourgeois-democratic Revolution Developed into Socialist Revolution]. Orenburg, 1972.

3. Kirienko Yu. K. *Revoljutsiya i donscoe kazachestvo (fevr. – okt. 1917 g.)* [Revolution and Don Cossacks (Feb. - Oct. 1917)]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1988, 249 p.

4. Kozlov A.I. *Oktyabr' i kazachestvo Dona, Kubani i Tereka* [October and Cossaks of Don, Kuban and Terek]. *Voprosy istorii*. 1981, No. 3, pp. 20-33.

5. Trut V.P. *Dorogoi slavy i utrat. Kazachestvo Rossii v voinakh i revolyutsiyakh nachala XX veka* [The Ways of Fame and Loss. Cossacks of Russia in Wars and Revolutions of the Beginning of XX century]. Moscow, Yauza, Eksmo, 2007, 238 p.

6. Ryzhkova N.V. *Donskie kazaki v voinakh Rossii nachala XX veka* [Don Cossacks in the Wars of Russia at the Beginning of the Twentieth Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 2003, 320 p.

7. Noks A. *Vmeste s russkoi armiei. Dnevnik voennogo attashe. 1914–1917* [Together with the Russian Army. Diary of the Military Attache. 1914-1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014.

8. Os'kin M.V. *Krakh konnogo blitskriga. Kavaleriya v Pervoi mirovoi voine* [The Collapse of the Horse Blitzkrieg. Cavalry in the First World War]. Moscow, Yauza, 2009.
9. Kersnovskii A.A. *Istoriya russkoi armii* [History of Russian Army]. Vol. 4. 1915-1917. Moscow, Golos, 1994, p. 219.
10. Bubnov A.D. *V Stavke Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego* [At the Headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. Moscow, Veche, 2014, p. 216.
11. Matveev O.V., Frolov B.E. «*V vechnoe sokhranenie i napominanie slavykh imen...*» (K 100-letiyu pozhalovaniya Vechnykh shefov pervoocherednym polkam Kubanskogo kazach'ego voiska) [“To the Eternal Memory and Recollecting of Glorious Names...” (To the 100th anniversary of the award of the Eternal Chefs to the First Regiments of the Kuban Cossack Army)]. Krasnodar, EDVI, 2005.
12. Belyaev I. *Gde vera i lyubov' ne prodavutsya: memuary generala Belyaeva* [Where Faith and Love are Not Sold: Memoirs of General Belyaev]. Saint Petersburg, Piter, 2015, p. 285.
13. Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My Memories]. Moscow, Veche, 2013, p. 262.
14. Eliseev. *Kazachii chub* [Cossack's Forelock]. *Rodimiy krai*. 1957, No. 12, pp. 13-14.
15. *Kazach'i dumy*. 1923, No. 3, July 15, p. 3.
16. Seleznev Yu.V. *1917 g. i kazaki* [The Year of 1917 and Cossacks]. Rostov-on-Don, ViV, 2009, 768 p.
17. Belyavskii V.A. [The February Coup, the Advent of the Bolsheviks to Power and the First Beginning of the Struggle against the Bolsheviks on the Don with General A.M. Kaledin]. *Ataman A.M. Kaledin* [Ataman A.M. Kaledin]. Rostov-on-Don, Kazach'e zarubezh'e, 2013, p. 150.
18. Akoeva N.B. [Transformation of Traditional Values in the Service Cossacks during the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voiny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014.
19. Golubintsev A.V. *Potukhshie iskry* [Extinct Sparks]. Rostov-on-Don, Kazach'e zarubezh'e, 2005.
20. Bratsun E.V. [“From the Cossacks of the Korenovskaya village”: the Life and Fate of the Cuban Cossack Troops of I.I. Oksakovskiy]. «*Bezzavetno tebya my lyubili svyatorusskaya nasha zemlya...*» [“We loved you unselfishly our Holy Russian land...”]. Proceedings of the X International Noble Readings dedicated to the 100th anniversary of the outbreak of the First World War. Krasnodar, Ekoinvest, 2014.
21. *Plemya geroev* [The Party of Heroes]. *Vol'nyi Don*. 1917, Oct. 7.
22. *Graf Keller* [Earl Keller]. Moscow, Posev, 2007, p. 275.
23. *RGVIA*. Fund 2007. In. 1. File 37. L. 181 ob.
24. *Rossii dvinulis' syny: zapiski ob Otechestvennoi voine 1812 goda ee uchastnikov i ochevidtsev* [The Sons of Russia Moved. Notes on the Patriotic War of 1812, Its Participants and Eyewitnesses]. Comp. S.S. Volk, S.B. Mikhailova. Moscow, Sovremennik, 1988, pp. 71-72.
25. 1-i Labinskii generala Zassa polk KKV v Velikoi voine 1914–1918 gg. [The 1st Labinsky General Zass's Regiment of KKV in the Great War of 1914-1918]. *Kubanskii sbornik*. 2006, No. 1 (22), p. 436.
26. Venkov A.V. *12-i Donskoi kazachii general-fel'dmarshala knyazya Potemkina-Tavricheskogo polk v gody Pervoi mirovoi voiny* [12th Don Cossack General-Field Marshal Prince Potemkin-Tavrichesky Regiment during the First World War]. Rostov-on-Don, YuNTs RAN, 2014, 136 p.
27. Buzun Yu.G. *Pervaya Kubanskaya kazach'ya diviziya v Velikoi voine* [The First Kuban Cossack Division in the Great War]. *Kubanskii sbornik*. Ed. O.V. Matveev, G.V. Kokun'ko. Krasnodar, Kniga, 2012, vol. IV (25), p. 147.
28. Galich A.M. *Materialy k istorii 11-go Kubanskogo plastunskogo batal'ona s 10.08.14 po 01.01.1917 g. po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Krasnodarskogo kraia* [Materials for the History of the 11th Kuban Plastoon Battalion from 10/08/14 to 01/01/1917 According to the Documents of the State Archives of the Krasnodar Territory]. *Kubanskii sbornik*. Krasnodar, 2014, vol (26), p. 356.
29. Ratushnyak O.V. [Participation of the Kuban in the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voiny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014, p. 125.
30. *RGVIA*. Fund 2007. In. 1. File 54. L. 30.

ВЫРАВНИВАНИЕ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В СОСТАВЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ (1920–1930 ГГ.)

© 2017 г. М.Ш. Гусейнов^а

^аДагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

ALIGNMENT OF ECONOMIC DEVELOPMENT LEVEL OF THE AUTONOMOUS REPUBLICS AND REGIONS OF THE SOUTHEAST OF RUSSIA AS THE PART OF THE NORTH CAUCASUS AREA (1920-1930)

M.Sh. Guseynov^а

^а*Dagestan State University, Makhachkala, Russia*

*Гусейнов Меджид Шабанович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России с древнейших времен
до конца XIX в.,
Дагестанский государственный университет,
ул. Коркмасова, 8, г. Махачкала, 367000, Россия.
E-mail: rasimkarmukov@mail.ru*

*Majid Sh. Guseynov –
Doctor of History, Professor,
Department of the History of Russia from the Ancient
Times until the End of the XIX Century,
Dagestan State University,
Korkmasova St., 8, Makhachkala, 367000, Russia.
E-mail: rasimkarmukov@mail.ru*

Анализируется политическое и экономическое положение на Северном Кавказе в начале 1920-х гг. Оно было сложным и требовало решительных действий для укрепления позиций советской власти и восстановления народного хозяйства края. Кавказские партийные и советские органы власти обосновали перед руководством страны необходимость создания на Кавказе центрального руководящего органа. ЦК РКП(б), учитывая сложность обстановки в крае, утвердил высшим партийным органом в этом регионе – Кавказское бюро ЦК РКП(б), которое затем было разделено на Кавказское и Юго-Восточное бюро РКП(б), в компетенцию которого входило руководство и контроль партийными и советскими органами на Северном Кавказе.

Многогранная деятельность руководства Юго-Восточного, затем Северо-Кавказского края была исключительна важна в экономическом и политическом развитии национальных республик и областей края.

Вывод: восстановление нефтяной и рыбной промышленности, сельскохозяйственного производства, транспортных коммуникаций и связи, а также многое другое произошло благодаря целенаправленной деятельности молодого Советского государства.

Ключевые слова: *Россия, Северный Кавказ, автономия, республика, область, экономика, промышленность.*

The article analyzes the complex political and economic situation in the North Caucasus in the early 1920s that demanded decisive action to strengthen the position of the Soviet power and restore the national economy of the region.

The Caucasian Party and Soviet authorities stressed the urgent necessity of the creation of a central governing body in the Caucasus to the leaders of the country. The Central Committee of the RCP (B.), considering the complexity of the situation in the province, approved the Caucasian Bureau of the Central Committee of the RCP (B) as the supreme party body in the Caucasus, which was later divided into the Caucasian and Southeast Bureau of the RCP (B.), which competence included leadership and control Party and Soviet bodies in the North Caucasus.

In this article, we reflect the many-sided activity of the leadership of the Southeast, then the North Caucasus region in the economic and political development of the national republics and regions of the region.

Conclusion: the restoration of the oil and fish industry, agricultural production, transport communications and mail, as well as many other things happened due to the purposeful activity of the young Soviet State.

Keywords: *Russia, North Caucasus, autonomy, republic, region, economy, industry.*

Экономическому подъему всех советских народов содействовали целенаправленная деятельность молодого советского государства по обеспечению определенных темпов развития

национальных районов и то, что в нужную минуту национальные республики всегда могли опереться и опираться на бескорыстную помощь ведущих в экономическом отношении республик

и областей, в первую очередь Российской Федерации.

Важным моментом, определяющим актуальность избранной темы, является растущий в российском обществе интерес к истории развития отечественной экономики. Этот интерес во многом объясняется обеспокоенностью общества современным состоянием индустриальных отраслей экономики в стране и в отдельных регионах, в том числе в республиках Северного Кавказа.

Нами отражена многогранная деятельность руководства Юго-Восточного, затем Северо-Кавказского края в экономическом и политическом развитии национальных республик и областей края. Сложная политическая и экономическая обстановка на Северном Кавказе в начале 20-х гг. XX в. требовала решительных действий для укрепления позиций советской власти и восстановления народного хозяйства края. Ревкомы составили важный этап в установлении и упрочении советской власти на Северном Кавказе, особенно в его национальных районах, где они функционировали относительно длительное время.

Кавказские партийные и советские органы поставили перед ЦК РКП(б) вопрос о создании центрального руководящего партийного органа на Кавказе. 8 апреля 1920 г. Пленум ЦК РКП(б), понимая неоднозначность обстановки в крае, трудности в работе советских и партийных органов, утвердил высшим партийным органом на Кавказе Кавказское бюро ЦК РКП(б) в составе Г.К. Орджоникидзе, С.М. Кирова, Е.Д. Стасовой, Н.Н. Нариманова, М.Д. Орахелашвили, А.Г. Белобородова, А.Н. Назаревича и др. 20 мая 1920 г. бюро приступило к работе. На него возлагалось руководство партийным строительством и организацией советской власти на юго-востоке России и в Закавказье [1, с. 68]. В марте 1921 г. Кавказское бюро было разделено на Кавказское и Юго-Восточное бюро РКП(б), в компетенцию последнего входило руководство и контроль партийными и советскими организациями Северного Кавказа.

Учитывая экономическое и политическое значение Северного Кавказа, советское правительство уделяло краю большое внимание. Исключительно важное значение для страны в целом имело восстановление нефтяной и рыбной промышленности, сельскохозяйственного производства, транспортных коммуникаций и связи Северного Кавказа.

После окончания Гражданской войны советское правительство приняло решение привлечь к хозяйственному строительству воинские соединения. Для этой цели на Северном Кавказе была создана специальная Кавказская армия труда. Усилия этой армии были направлены на восстановление железнодорожного транспорта, организацию добычи нефти, ее переработку и отправку нефтепродуктов в центральные районы страны, на восстановление и развитие рыбной промышленности [2, с. 68].

25 марта 1921 г. постановлением Совета труда и обороны (СТО), подтвержденным ВЦИКом, Ревтрударм был реорганизован в Краевой экономический совет. Крайэкономсовет координировал деятельность всех экономических ведомств края и служил проводником тех мероприятий, которые осуществлялись по линии хозяйственных наркоматов. Распоряжения центральной власти по экономическим вопросам направлялись на места только через Крайэкономсовет, отступления от установленного порядка допускались в исключительных случаях, причем Крайэкономсовет обязательно получал соответствующие уведомления [3, с. 36].

В связи с ролью, которую должен был играть Крайэкономсовет в экономическом возрождении края, учитывая тяжелое состояние народного хозяйства Дагестана и других автономных республик и областей Северного Кавказа, постановлением от 03.11.1921 г. Президиум ВЦИК связал автономию с юго-востоком России [3, с. 36].

Для быстрого восстановления народного хозяйства правительства национальных республик и районов Северного Кавказа принимали конкретные меры по укреплению и расширению экономических связей между областями.

Проводилась значительная работа по исследованию производительных сил региона. Научное объединение, созданное в Саратове, занималось изучением районов юго-востока России и Нижнего Поволжья. А в 1922 г. в Ростове-на-Дону Краевое бюро при уполномоченном Наркомзема приступило к работе над материалами по электрификации Донской и Кубаночерноморской областей, Ставрополья, Терека, Горской республики и Дагестана [4, с. 119].

Восстановление и развитие промышленности национальных республик и областей могло проводиться только на основе изучения природных богатств республик и областей. Так, грозненские нефтяники провели геологоразведочные работы

на территории Дагестана. Для этой цели центр выделил около 1,5 млн р. [5, с. 129].

Особое значение для экономики Северного Кавказа имело восстановление и развитие рыбной промышленности. Для решения этой задачи своим постановлением от 07.10.1921 г. СТО предложил приступить к постройке железнодорожных веток для соединения промыслов с железной дорогой.

Для выполнения указанных работ был введен Первый отдельный полк Кавказской Армии труда. В короткий срок трудармейцы построили Огнинскую железнодорожную ветку в 24, 5 версты, Билиджинскую – в 14 верст, полутороверстовую Араблинскую ветку, Каякентскую – в 14 верст и Туралинскую в 24, 2 версты. Ими же был построен мост через речку Рубас [4, с. 119]. Части Первого отдельного полка занимались также восстановлением Владикавказской железной дороги, фабрик и заводов, нефтяной промышленности и очисткой акваторий Новороссийского и Петровского портов, Дербентской пристани. Трудармейцами была полностью восстановлена телеграфная связь в Дагестане, проведены новые телеграфно-телефонные линии [5, с. 132].

Одной из форм помощи национальным республикам в восстановлении и развитии экономики была отправка кадров квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников и других специалистов. Только в феврале 1922 г. юго-восточное руководство направило в Дагестан 5 работников [6, с. 57]. Владикавказский линейный отдел железной дороги обязался также передать в распоряжение республики технический персонал, как для составления проекта оросительного канала р. Сулак – станция Порт-Петровск, так и для его строительства и эксплуатации. Линейный отдел отпустил необходимое количество рельсов и шпал для строительства и ремонта мостов, переходов и других сооружений на канале, оказывая тем самым техническое содействие проведению этих работ [5, с. 129–130].

Однако, несмотря на помощь, оказываемую республике, Дагестанское руководство 11.05.1924 г. приняло решение об отделении Дагестана от юго-восточного экономического района России. Данный вопрос был обсужден на заседании Юго-Восточного бюро ЦК и в ЦК ВКП(б). 09.10.1924 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) ДАССР была непосредственно подчинена центральным органам РСФСР [6, с. 57].

Дальнейшее экономическое развитие Дагестана показало ошибочность решения дагестанского руководства. Так, размер основного капитала промышленности на душу населения в 1926 г. составляла в ДАССР – 19 р. 40 коп., тогда как по СССР в целом – 43 р. 30 коп. Если в СССР к этому времени один рабочий приходился на 55 жителей, то в Дагестане на 155 [6, с. 58].

По данным 1925/26 г. валовая продукция обобщественной (цензовой и нецензовой) промышленности на душу населения составила: в Карачаеве – 0,33 р., в Чечне (без Грознефти) – 1 р. 62 коп., в Кабардино-Балкарии – 4 р. 08 коп. [7, с. 21]. При этом валовой оборот по всей промышленности на душу населения в 1926/27 г. составил [8, с. 22]: по СССР – 142,07 р.; республикам Закавказья – 148,20 р.; по Северному Кавказу – 80,60 р.

Даже наиболее промышленно развитые автономные республики и области Северного Кавказа намного отставали от среднесоюзного уровня – удельный вес промышленности по всей валовой продукции народного хозяйства в 1925 г. составил в целом (крупная промышленность) [4, с. 186]: по СССР – 42,2 %; ДАССР – 31,5; по Северо-Осетинской АО – 20,8 % [9].

Удельный вес промышленности автономных республик и областей по основным производственным показателям (основной капитал, рабочая сила) во всей государственной промышленности Северо-Кавказского края на 01.10.1926 г. составил 3,7 % [5, с. 13], хотя по населению и территории доля автономных республик и областей была в 3–4 раза больше.

В автономных республиках и областях преимущественно развивались те отрасли промышленности, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственного сырья (табл. 1) [6].

Отставание Дагестана продолжалось и в последующие годы (табл. 2) [6, с. 58].

В данный период в Дагестане приходилось 53 р. капиталовложений на душу населения, в то время как в среднем по СССР – 110, по РСФСР – 87, Северному Кавказу – 88, Крымской АССР – 198 р. [10, с. 119]. Также наглядным примером недостаточности капиталовложений в дагестанскую промышленность, по сравнению с другими автономными республиками и некоторыми районами СССР, являлись утвержденные пятилетним планом темпы роста основных фондов промышленности [6, с. 58].

Таблица 1

**Распределение населения по отраслям народного хозяйства в 1926 г.
 / Distribution of the population to branches of the national economy in 1926**

Республика и область	В % к общему количеству населения данного национального района	
	Занятые в промышленности, строительстве и транспорте	Занятые в сельском хозяйстве
РСФСР	7,69	86,62
Дагестанская АССР	7,27	88,20
Кабардино-Балкарская АО	4,11	92,43
Северо-Осетинская АО	3,80	92,90
Чеченская АО	1,62	97,21
Ингушская АО	1,43	97,18

Таблица 2

**Показатели развития экономики в 1928/29 г.
 / Indicators of economic development in 1928-1929**

Показатель	РСФСР	Северо-Кавказский край	Дагестан
Валовая продукция промышленности на одного человека, р.	192	199	54
Валовая продукция сельского хозяйства на одного человека, р.	89	–	73
Электроэнергия, кВт·ч, на 1000 чел.	27	24	5,5
Число промышленных рабочих на 1000 чел.	27	25	14

В Дагестане надлежало обеспечить более высокие темпы роста промышленности, чем в Центральной России. Поэтому Дагобком партии стал ходатайствовать перед Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) о включении Дагестана в состав Северо-Кавказского края. Решение данного вопроса было передано на обсуждение ЦК партии.

7 июня 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированных областей (краев). В постановлении отмечалось, что: «1) вхождение АССР в краевые объединения возможно только на началах добровольности, по решению Съезда Советов данной республики, как и право выхода из них; 2) сохранение конституций АССР, внесение поправок только по постановлению Съезда Советов АССР; 3) культурно-хозяйственный рост и национальное развитие данной автономной республики, входящей в районированный край; 4) единство хозяйственного руководства АССР на основе общего хозяйственного плана края; 5) вхождение парторганизаций АССР в

Краевую парторганизацию и подчинение их общему руководству крайкома» [6, с. 59].

Были и противники повторного вхождения Дагестана в состав Северо-Кавказского края. Но последующее развитие республики покажет позитивный характер вхождения Дагестана в состав Северо-Кавказского края, так как благодаря этому ДАССР наряду с центром стал получать огромную помощь для развития экономики края.

4 июля 1931 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О вхождении Дагестана в Северо-Кавказский край» [4, с. 123–124]. В постановлении предлагалось обязать органы РСФСР обеспечить за ДАССР все льготы и преимущества, предоставленные республике правительством. Президиум ВЦИК своим указом от 10.11.1931 г. утвердил решение IX Чрезвычайного Съезда Советов ДАССР о вхождении Дагестанской АССР в состав Северо-Кавказского края [4, с. 125].

26 октября 1931 г. теперь уже Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял постановление «Об

очередных задачах Дагестанской парторганизации», в котором отмечалось, что «задачей всей краевой парторганизации является максимальное повышение общих темпов социалистического строительства в Дагестане, ликвидация отставания его в ряде решающих областей с тем, чтобы в новых условиях и обстановке в наиболее короткий срок подтянуть Дагестан к уровню передовых районов» [4, с. 126].

Вхождение ДАССР в состав Северо-Кавказского края обеспечило республике, в первую очередь, более высокие капиталовложения в ее промышленность. Если в 1931 г. капитальные вложения в промышленность Дагестана составили 26,2 млн р., то в следующем, 1932 г., – 108,7 млн р. [10, с. 190]. Это сказалось на работе промышленных предприятий: промфинплан местной промышленности в 1934 г. был выполнен на 95,5 % (вместо 72 % в 1933 г.), стекольный завод «Дагестанские Огни» выполнил план на 113 % (вместо 59,6 в 1933 г.), ремонтно-механический завод – на 111 % (вместо 72, 3 в 1933 г.) и т.д. [10, с. 190].

Возобновились работы по строительству законсервированной горной гидроэлектростанции «Гергебиль», Дербентского консервного комбината, а также началось формирование избыточных работ и составление технических проектов гидроцентрали «Сулакстрой» [11].

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) постоянно держал под контролем положение дел в нефтяной промышленности Дагестана и других автономий. В своем постановлении от 15.02.1937 г. Крайком подверг критике «хозяйственное и партийное руководство Избербаша (Гоев и Мешков) за слабую организацию работы по освоению месторождения. Крайком поручил председателю СНК республики К. Мамедбекову, руководителям Избербаша решить вопросы строительства в поселке школы, больницы, дорог, магазина. Для решения этих задач, отмечалось в постановлении, дагестанскому правительству необходимо обратиться с просьбой к Наркому тяжелой промышленности страны Г.К. Орджоникидзе об увеличении ассигнований на жилищное строительство до 500 тыс. р. Директору завода № 182 (г. Каспийск) было предложено позаботиться о принятии мер для улучшения снабжения Избербаша и Ачи-Су (добыча нефти) электроэнергией, используя при этом опыт работы снабжения электроэнергией Грозненского нефтяного треста. Также в постановлении Крайкома предлагалось Грознефти отпустить средства на изыскание и проектирование трассы перекачки

станции нефтепровода Избербаш – Махачкала [12, с. 220].

Руководствуясь постановлением Северо-Кавказского крайкома, Дагестанское правительство обязалось в течение 1937 г. завершить строительство рабочего поселка Избербаш, построить 1080 квартир, 7 общежитий, больницы, школы-десятилетки, клуб, детсад и пр. В 1937 г. в нефтяную промышленность республики было вложено более 50 млн р. и дали стране 1 млн т нефти [12, с. 220].

Как видим, в Дагестане была создана новая, всесоюзного значения отрасль – нефтяная, объединенная в тресте «Дагнефть», построен завод № 32, имеющий общесоюзное значение. Завершалось строительство Гергебильской гидроэлектростанции, всем ходом шло строительство Нефтегавани в Махачкале, имеющее огромное значение, через нее переваливалось более 30 % нефти для всей страны, построен нефтепровод Махачкала – Грозный, длиной свыше 150 км, стоимостью около 10 млн р., большие успехи во всех республиках и областях были достигнуты в дорожном строительстве [12, с. 221].

Под руководством Северо-Кавказского крайкома успешно работала и «Грознефть». Годовой план 1936 г. был выполнен досрочно и дал 3190 тыс. т нефти [13, с. 236]. Значение вхождения автономных республик и областей в состав Северо-Кавказского края можно оценить по росту капиталовложений в промышленность в годы первой и второй пятилеток. Например, если капиталовложения на развитие промышленности и энергетики в первой пятилетке составили по автономной республике и области 107,7 тыс. р., в целом по Северо-Кавказскому краю – 65,5, то во второй пятилетке это уже было 1736 и 714 тыс. р. соответственно [14, с. 13–14, 23].

Вхождение автономных республик и областей юго-востока России в Северо-Кавказский край способствовало более конкретному и оперативному руководству ими, дало возможность получения помощи и поддержки со стороны края. Таким образом, была открыта новая страница в истории, восстановлении и дальнейшем развитии этой территории.

Литература

1. Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919–1921. М. : Наука, 1979. 236 с.

2. Кулиш-Амирханова А.С. Роль Красной Армии в восстановлении народного хозяйства на Северном Кавказе и в Дагестане в 1920–1922 гг. // УЗ ИИЯЛ. Т. XIX. Махачкала, 1968.

3. Казанбиев М.А. Дагестан в составе юго-востока России (1920–1924 гг.) // Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920 – 1970). Махачкала : Даг. филиал АН СССР, 1977. 211 с.

4. Гусейнов М.Ш. Россия и индустриальное развитие Дагестана. Конец XIX – 30-е гг. XX в. Махачкала : Юпитер, 2004. 376 с.

5. Булатов Б.Б. Дагестан на рубеже XIX – XX вв. Махачкала, 1996.

6. Гусейнов М.Ш. Развитие Дагестана в составе Северокавказского края (1920–1930) // Научная мысль Кавказа. 2004. № 1.

7. Революция и горец. 1928. № 1.

8. Воробьев Ю.Ф. Выравнивание уровня экономического развития союзных республик. М. : Наука, 1965. 215 с.

9. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XX. М. : ЦСУ СССР, 1929. 204 с.

10. Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1920–1940). Махачкала, 1960.

11. 10 лет автономии Дагестанской АССР. Махачкала, 1931.

12. Гусейнов М.Ш. Поисково-разведочные работы и добыча нефти в Дагестане накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.) // Вестн. Дагестанского гос. ун-та. 2014. Вып. 4.

13. История индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.). Документы и материалы. Грозный : Книжное изд-во, 1973. 622 с.

14. Революция и горец. 1931. № 5 (31); 1932. № 2–3.

National Economy in the North Caucasus and Dagestan in 1920-1922]. *UZ IYYaL*, vol. XIX, Makhachkala, 1968.

3. Kazanbiev M.A. [Dagestan in the Southeast of Russia (1920-1924)]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i kul'turnye preobrazovaniya v Dagestane (1920–1970)* [Socio-Economic and Cultural Transformations in Dagestan (1920-1970)]. Makhachkala, Dag. filial AN SSSR, 1977, 211 p.

4. Guseinov M.Sh. *Rossiya i industrial'noe razvitiye Dagestana. Konets XIX – 30-e gg. XX v.* [Russia and the Industrial Development of Dagestan. The End of the XIX - 30-ies XX Century]. Makhachkala, Yupiter, 2004, 376 p.

5. Bulatov B.B. *Dagestan na rubezhe XIX – XX vv* [Dagestan at the Turn of the XIX - XX Centuries]. Makhachkala, 1996.

6. Guseinov M.Sh. *Razvitiye Dagestana v sostave Severokavkazskogo kraja (1920–1930)* [Development of Dagestan as the Part of the North Caucasus Region (1920-1930)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2004, No. 1.

7. *Revolutsiya i gorets*. 1928, No. 1.

8. Vorob'ev Yu.F. *Vyravnivanie urovnya ekonomicheskogo razvitiya soyuznykh respublik* [Leveling of Economic Development of the Union Republics]. Moscow, Nauka, 1965, 215 p.

9. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.* [All-Union Population Census of 1926]. Vol. XX. Moscow, TsSU SSSR, 1929, 204 p.

10. Daniyalov G.D. *Sotsialisticheskie preobrazovaniya v Dagestane (1920–1940)* [Socialist Transformation in Dagestan (1920-1940)]. Makhachkala, 1960.

11. 10 let avtonomii Dagestanskoi ASSR [10 Years of Autonomy of the Dagestan ASSR]. Makhachkala, 1931.

12. Guseinov M.Sh. *Poiskovo-razvedochnye raboty i dobycha nefi v Dagestane nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1936–1945 gg.)* [Exploration and Oil Production in Dagestan on the Eve and during the Great Patriotic War (1936-1945)]. *Vestn. Dagestanskogo gos. un-ta*. 2014, No. 4.

13. *Istoriya industrializatsii Severnogo Kavkaza (1933–1941 gg.)*. *Dokumenty i materialy* [The History of Industrialization of the North Caucasus (1933-1941). Documents and Materials.]. Grozniy, Knizhnoe izd-vo, 1973, 622 p.

14. *Revolutsiya i gorets*. 1931, No. 5 (31); 1932, No. 2-3.

References

1. Bugai N.F. *Revolutsionnye komitety Dona i Severnogo Kavkaza. 1919–1921* [Revolutionary Committees of the Don and the North Caucasus. 1919-1921]. Moscow, Nauka, 1979, 236 p.

2. Kulish-Amirkhanova A.S. *Rol' Krasnoi Armii v vosstanovlenii narodnogo khozyaistva na Severnom Kavkaze i v Dagestane v 1920–1922 gg.* [The Role of the Red Army in the Restoration of the

ИТАЛИЯ ГЛАЗАМИ Б.И. КУРАКИНА

© 2017 г. О.А. Заварухина^а

^аЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ITALY THROUGH THE EYES OF B.I. KURAKIN

O.A. Zavarukhina^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Заварухина Оксана Алексеевна – аспирант, кафедра специальных исторических дисциплин и документоведения, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия. E-mail: Vulkanchik07@mail.ru

Oksana A. Zavarukhina – Postgraduate, Department of Special Historical Disciplines and Record Management, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia. E-mail: Vulkanchik07@mail.ru

Анализируются документы из архива князей рода Куракиных – «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1710 гг.» и «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная». Используются сравнительный метод. Сочинения представляют собой достаточно ценный и интересный памятник сношений России с европейскими государствами и Италией, в частности в период царствования Петра I. Несмотря на то, что свидетельства носят субъективный и неформальный характер, из них можно почерпнуть много полезной информации относительно бытовой, культурной жизни населения, а также дипломатии. Б.И. Куракин побывал в нескольких итальянских городах, но больше всего записей оставил о Риме. Здесь он пытается детально разобраться в тонкостях итальянского образа жизни, не упуская при этом все перипетии международной политики в эпоху двух войн: за испанское наследство и за выход к Балтийскому морю. В дневниках нет строгой структуры и замысла, их сложно читать, поскольку они переполнены итальянскими выражениями, но вопреки этому интерес к ним не угасает не только среди историков, но и среди филологов.

Помимо прочего, исследуемые источники дают нам представление о личных отношениях Петра I и князя как типичного представителя дворянства.

Ключевые слова: князь Б.И. Куракин, дипломатическая миссия в Италию, Рим, мемуары, итальянский быт.

The purpose of the article is to analyze the archival records of the Kurakins princely family - "Diary and travel notes of Prince Boris Ivanovich Kurakin. 1705-1710" and "The Life of Prince Boris Ivanovich". A comparative method is used. The works are of great value and interest as a monument to the relations between Russia, the European states and Italy, in particular, during the reign of Peter the Great. Despite the fact that the evidence is subjective and informal, much useful information about the everyday and cultural life of the population, as well as the diplomacy can be gathered. B.I. Kurakin visited several Italian cities, but most of the records are about Rome. He tries to understand the intricacies of the Italian way of life in detail, without missing all the vicissitudes of international politics in the era of two wars: the War of the Spanish Succession and the War for access to the Baltic Sea. In the diaries, there is no strict structure and design; it is complicated to read them. They are full of Italian expressions, but in spite of this the interest to them is high not only among historians, but also among philologists.

On top of it, the studied sources give us the idea of personal relations of Peter I and the prince, as a typical representative of the nobility.

Keywords: Prince B.I. Kurakin, diplomatic mission to Italy, Rome, memoirs, Italian way of life.

Историю России первой четверти XVIII в. едва ли можно представить без Петра Великого. Деятельность и личность царя до сих пор затмевает собой не менее упорную и трудную работу его сподвижников. Борис Иванович Куракин, безусловно, принадлежит к этому кругу лиц.

Мнения историков о его дипломатических заслугах в большинстве своем сходятся.

В.С. Бобылев отмечал, что Б.И. Куракин – человек, «отчетливо понимавший исключительную остроту международного положения России», и относил его к выдающимся деятелям своего времени [1, с. 124]. Н.Н. Молчанов отзывается о князе как об искусном дипломате, который «мыслил не только в масштабах отдельных стран, а умел охватывать глубоким и тонким

синтезом всю европейскую систему международных отношений с ее сложной структурой разнообразных связей» [2, с. 368]. В некотором смысле Н.Н. Молчанов является апологетом посла. В частности, историк достаточно категорично разделяет методы ведения дипломатических переговоров в период после победы Петра под Полтавой на два типа: «метод лихих кавалерийских атак» и «куракинский» [2, с. 369]. Несмотря на то, что метод Куракина был медленнее, но именно его автор исследования считал более результативным и надежным.

Подобных оценок работы Б.И. Куракина придерживаются и другие исследователи, такие как Е.Ф. Шмурло, М.А. Алпатов, А.Г. Тартаковский, В.В. Виноградов [3–6]. Среди историков существует тенденция, в рамках которой происходит изучение не столько вклада князя в посольскую деятельность, сколько рассматривающее результаты его заслуг, т. е. тот обширный комплекс документов, который и сегодня до конца не исследован. И данное направление являет нам Куракина в качестве основоположника автобиографического, мемуарного жанра в России.

Большую роль в популяризации архива князя сыграл его потомок – Федор Алексеевич Куракин. На протяжении почти 150 лет записи дипломата были не востребованы. Только в 70-х гг. XIX в. Федор Алексеевич на волне «общего увлечения памятниками отечественной истории и дворянских родов» вместе с П.И. Бартевым, который вскоре отошел от дел, а потом с М.И. Семевским и В.Н. Смольяниновым начинает готовить архивные документы к публикации [7, с. 80]. Всего за время с 1890 по 1902 г. вышло 10 томов, потом было еще три, но последние составлены уже не в хронологическом порядке, сюда вошли наиболее интересные, по мнению редакторов, записи представителей всего рода.

Для нас представляет интерес книга первая, в которой по настоянию Федора Алексеевича и были напечатаны документы о визитах Бориса Ивановича в Италию. В последующих томах есть лишь отдельные свидетельства интересующей нас тематики.

Известный ученый Е.Ф. Шмурло в журнале министерства Народного просвещения публикует статью «Новый свидетель преобразований», в которой в пух и прах критикует работу редакторов, заключив, что книга «не стоит на высоте ученого издания» [3, с. 188]. Среди найденных исследователем ошибок есть как чисто внешние

оплошности в оформлении издания, так и пронизывающий сочинение анахронизм (неправильная последовательность документов, неточность в описании исторических событий). Достоинством статьи Е.Ф. Шмурло является то, что историк дает перевод если не всех, то очень многих иностранных выражений, употребляемых Б.И. Куракиным. Столь обстоятельно историк останавливается на этом потому, что опять-таки считает работу редакторов по переводу дневника путешественника не удовлетворительной. Неким антиподом данной публикации, по мысли исследователя, является издание в 1884 г. этого же архива в журнале «Киевская старина», которое «дает во многих местах бесспорно лучшее чтение», хотя тоже имеет свои недостатки [3, с. 197]. По неизвестным причинам М.И. Семевский не воспользовался существующей редакцией записей.

Итак, Б.И. Куракин совершил свой первый визит в Италию в 1697 г. О своем полугодовом путешествии князь оставляет практически только схему маршрута, ограничиваясь при этом очень краткими фактами о наиболее важных событиях [8, с. 124–125]. Куракин посетил Неаполь, Рим и Венецию, при этом в последнем городе он прожил большую часть поездки (если верить записям, это где-то от 10 до 12 месяцев), но пометок в дневнике на этот счет никаких нет. Основной целью делегации, в составе которой он находился, было изучение разного рода наук. Результатом постижения ремесел, как пишет сам князь, стало получение «листа» «от мастера и за Венецкого князя рукою свидетельствованой» [8, с. 126].

Чем обусловлена такая краткость информации, неизвестно, можно строить только догадки. Е.Ф. Шмурло выдвигает некое предположение, относительно стиля, языка и содержания дневника посла. Связывает он это в первую очередь с тем, что Б.И. Куракин был в числе первых, кто стал писать путевые заметки в жанре автобиографии, и просто не знал, как это делать, какие данные включать, какие события описывать и т.д. [3, с. 204].

Второе посещение Италии состоялось в 1707 г. В этот период князь пишет довольно содержательные сочинения, которые вошли в архив под названием «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1710 гг.» и «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» [9, с. 101, 243]. Посол направляется в Италию с дипломатической миссией к Клименту XI. В реалиях Северной войны ему необходимо было убедить папу сменить позицию в отношении Станислава Лещинского.

Невзирая на то, что изначально поездка носила скорее личный характер – князь ехал в Европу для лечения – Куракин не упускал возможности записывать любопытные события в дневник. Его интересовала архитектура городов и особенности их управления, одежда солдат и структура флотского образования в Кёнигсберге и Амстердаме; путник дает пояснения о работе юстиции, парламента, почты, врачей. Автор даже зарисовывает план конюшни г. Бре-слава и солнечное затмение, которое он застал будучи в Голландии. Б.И. Куракин проявляет живой интерес к новым непривычным для него вещам. Может быть, отражая их в дневнике, князь таким образом представляет своеобразное руководство для готовящихся преобразований в России.

На протяжении всего очерка Борис Иванович большое внимание уделяет повседневной жизни городов. Свое повествование об итальянском государстве он начинает со сравнения стоимости жизни в Италии и Голландии.

Побывав на службе в капелле Святого Петра в честь Вербного воскресенья и Троицы, князь оставляет подробные заметки об одежде папы и кардиналов, о ходе литургии, о пении и т.д. [9, с. 177, 196]. Немалое место в записях уделяется системе управления в Ватикане. Посол описывает разделение полномочий между папой и кардиналами, конгрегациями и консисториями, пути дохода церкви, действия кардинала-камерленго в случае смерти папы [9, с. 193, 206–209]. Вопреки тому, что он был с честью принят вице-канцлером Пьетро Оттобони и кардиналом Павлюцием, неприязнь к католической религии у Б.И. Куракин не исчезла [9, с. 188]. Хотя в сочинениях и нет строго отрицательной оценки деятельности святого престола, но тем не менее князь периодически подчеркивает, что Римская церковь не только серьезный, но еще и хитрый игрок. Автор также отмечает, что среди итальянцев бытует убеждение в «неправом суде» церкви, а духовные лица «в податкахотяжены», что способствует тенденции уклонения «великих персон» из-под влияния папы [9, с. 196].

Значительную заинтересованность дипломат проявляет к итальянскому этикету. Исполняя службу, ему приходилось вникать в правила ведения встреч и приемов с высокопоставленными лицами. С учетом того, насколько скрупулезно Борис Иванович описывает последовательность манипуляций, какая одежда должна быть, какую руку следует подать и кому, автора, можно сказать, завораживает этот ритуал [9, с. 181–182,

184–186, 197–198]. И теперь в последующем повествовании о визитах, миссионер не упускает возможность проследить за всеми тонкостями дипломатических действий. Его поражает, что положение кресел, наличие шпаги или отсутствие шляпы и перчаток могут больше сказать об отношении сторон, нежели сами переговоры. Приобретенный опыт Борис Иванович экстраполировал и на себя, отсюда и были сделаны соответствующие выводы после встреч с вице-канцлером Оттобонием и кардиналом Павлюцием [9, с. 188, 211].

Отдельно регламентируются правила проезда в каретах. Экипаж был еще одним важным атрибутом знатного человека. Итальянцы превратили простое перемещение по городу в целый обряд. Даже мелочь в убранстве кареты, такая как кисть или «фиока», как называет ее автор, может рассказать нам об общественном положении пассажира и о статусе поездки [9, с. 178].

Куракин неспроста выказывает такое внимание данным аспектам светской жизни. Уровень благовоспитанности и этикета в современной ему Европе и России разительно отличался. И если Петр I желал включить Россию в европейское пространство, то необходимо было подтянуть и общество до определенного уровня. Этому способствовали как бритье бород и смена платья, так и выпуск сборников «Юности честное зеркало, или Показания к житейскому обхождению» и «Приклады, како пишутся комплименты разные», в которых содержались правила поведения.

Куракин был пленен этой страной. Все сравнения путешественник сводил в пользу Италии. Фонтаны, музыка, танцы, сады – могли быть лишь близки к итальянским, но не лучше [9, с. 123, 191, 201–202, 223]. Кроме того, здесь князь внезапно, но пылко влюбился в некую сеньору по имени Франческа Ротта, хоть роман продлился всего пару месяцев, в дневнике сделана запись: «До сих пор с сердца моего тот атог не может выйти» [8, с. 113].

Куракина как представителя дворянского рода волнует положение аристократических семей в европейских государствах. Применительно к Италии посол перечисляет наиболее знатные и старинные фамилии и отмечает, что здесь, так же как и в России, нарождавшееся новое купеческое и служилое дворянство постепенно вытесняет высокородную знать [9, с. 174–175, 311]. В течение всего дипломатического во-яжа князь каждый раз придавал значение тому, какой прием ему оказан. Было приятно, что в

Италии его княжескому титулу уделяли соответствующее внимание. Подтверждением этому, как уже отмечено выше, стали встречи с двумя кардиналами, а кроме того на аудиенцию к Куракину приезжал еще и племянник папы римского Аннибале Альбани [9, с. 199]. Единственный обряд, который задел достоинство посла – это целование туфли Климента XI, Борис Иванович считал данный акт в некоторой степени уничижительным [9, с. 276].

Архив князя Б.И. Куракина представляет достаточно интересное и яркое описание его итальянских приключений. Е.Ф. Шмурло замечает, что, несмотря на «недостаток образования», сочинения не лишены живости, ума и наблюдательности. Хоть путешественник и упускает важные, по нашему мнению, детали «не говорит о Рафаэле и о Микеланджело», нельзя не отметить большой объем важной информации [3, с. 204]. «Дневник и путевые заметки...», «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» стали неким наставлением для будущих дипломатических миссий. Кроме того, по записям можно проследить ход военных действий и развитие международных отношений в период войны за испанское наследство и Северной войны. И не стоит забывать, что изначально сочинение носило личный характер, поэтому интересно наблюдать за переменой отношений между Петром I и Куракиным, особенно в момент, когда изменилось в целом восприятие родового дворянства в связи с новыми преобразованиями.

Литература

1. Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М. : УНД, 1990. 168 с.
2. Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М. : Международные отношения, 1984. 440 с.
3. Шмурло Е.Ф. Новый свидетель преобразований // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Янв.
4. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – первая четверть XVIII. М. : Наука, 1976. 476 с.
5. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М. : Наука, 1991. 288 с.

6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М. : Высшая школа, 1982. 527 с.

7. Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М. : Трутень, 2002. 505 с.

8. Куракин Б.И. Семейная хроника и воспоминания князя Бориса Ивановича Куракина // Киевская старина. Т. X. 1884. Сентябрь. С. 104–287.

9. Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. I, III. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1890. 421 с.; 1892. 493 с.

References

1. Bobylev V. S. *Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I* [The Foreign Policy of Russia in the Era of Peter I]. Moscow, UND, 1990, 168 p.
2. Molchanov N.N. *Diplomatiya Petra Pervogo* [Diplomacy of Peter the Great]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1984, 440 p.
3. Shmurlo E.F. *Novyi svidetel' preobrazovaniia* [A New Witness of Transformation]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1891, January.
4. Alpatov M.A. *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa XVII – pervaya chetvert' XVIII* [Russian Historical Thought and Western Europe XVII - First Quarter of XVIII]. Moscow, Nauka, 1976, 476 p.
5. Tartakovskii A.G. *Russkaya memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.* [Russian Memoirs of the 18th - the First Half of the 19th Century]. Moscow, Nauka, 1991, 288 p.
6. Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII – XIX vv.* [Essays on the History of Russian Literary Language XVII - XIX Centuries]. Moscow, Vysshaya shkola, 1982, 527 p.
7. Druzhinin P.A. *Neizvestnye pis'ma russkikh pisatelei knyazyu Aleksandru Borisovichu Kurakinu (1752–1818)* [Unknown Letters of Russian Writers to Prince Aleksandr Borisovich Kurakin (1752-1818)]. Moscow, Truten', 2002, 505 p.
8. Kurakin B.I. *Semeinaya khronika i vospominaniya knyazyia Borisa Ivanovicha Kurakina* [Family Chronicle and Memoirs of Prince Boris Ivanovich Kurakin]. *Kievskaya starina*. Vol. X, 1884, September, pp. 104-287.
9. *Arkhiv kn. F.A. Kurakina* [Archives of Prince F.A. Kurakin]. V. I, III. Saint Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1890, 421 p., 1892, 493 p.

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, РЕЖИМЫ И ЭЛИТЫ

© 2017 г. С.А. Кислицын^а, М.С. Терентьева^а

^аЮжно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

MODERN UKRAINE: POLITICAL SYSTEM, REGIMES AND ELITES

S.A. Kislitsyn^а, M.S. Terent'eva^а

^а South-Russian Institute of Management - Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Кислицын Сергей Алексеевич –
доктор исторических наук, профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ул. Пушкинская, 70/54, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Sergey A. Kislitsyn –
Doctor of History, Professor,
South-Russian Institute of Management - Branch,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: kislizins@yandex.ru

Терентьева Марина Сергеевна –
аспирант,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ул. Пушкинская, 70/54, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.

Marina S. Terent'eva –
Postgraduate,
South-Russian Institute of Management - Branch,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don, 344002, Russia.

Рассматриваются политические системы, режимы и элиты современной Украины с позиций цивилизационного и геополитического подхода. Констатируется, что в стране произошла геоэтнополитизация общественного сознания большей части населения, которое было переориентировано в этом контексте строго на Запад. Режим по внешним признакам носит амбивалентный олигархическо-охлократический характер, причем доминирует тренд развития националистического корпоративного государства. Однако прослеживаются не только элементы нацистского политического формата, но и примеры гражданской самоорганизации национально-демократического толка. Анализ процесса эволюции политической системы, режима и элиты Украины показывает основную перспективу его развития от государства националистически ориентированной политической элиты и президентско-парламентского режима к преднацизму, который является потенциальной угрозой для будущего страны. Однако там существуют и альтернативные социальные проекты левых и центристских партий.

Ключевые слова: политическая система, режим, элита, цивилизационный раскол Украины, геополитика, этнополитика.

The authors of the article consider the political systems, regimes and elites of modern Ukraine from the standpoint of the civilizational and geopolitical approach. It is stated that in the country there was geo-ethnopolitization of the public consciousness of a large part of the population, which was reoriented in this context strictly to the West. The regime by external features is ambivalent oligarchic-ohlocratic character, and the trend of development of the nationalistic corporate state dominates. However, not only elements of the Nazi political format are traced, but also examples of civil self-organization of the national-democratic persuasion. The analysis of the evolution of the political system, regime and elite of Ukraine shows the main perspective of its development from the state of the nationalistically oriented political elite and the presidential-parliamentary regime to pre-nazism, which is a potential threat to the future of the country. However, there are also alternative social projects of leftist and centrist parties.

Keywords: *political system, regime, elite, civilizational split of Ukraine, geopolitics, ethnopolitics.*

В научной литературе как отечественной, так и зарубежной идут острые дискуссии о политических режимах на постсоветском пространстве. В частности, выявлены такие спорные области, как влияние институционального устройства авторитарных режимов с точки зрения их устойчивости или уязвимости; роль формальных и неформальных политических практик в контексте логики развития автократий; параметры стратегического выбора политических акторов (инкумбента и оппозиции) и их последствия, отразившиеся на развитии авторитарных режимов [1–5]. Один из самых дискуссионных вопросов – о сущности современного политического режима Украины рассматривается в контексте Крымских событий [6–8].

В основе современной политической системы на Украине находятся не только классические политические институты, но прежде всего специфическая цивилизационно-политическая идентичность. Общеизвестно, что Западная Украина исторически тяготела к центральной Европе, а восточная – к России, но и обе части страны в большей или меньшей мере где-то с середины XVII в. входили в ареал Российской Евразийской цивилизации, центральным элементом которой был так называемый русский мир. Современные украинские историки исходят из принципа, что все, что происходило на территории нынешней Украины на протяжении 10 веков, является историей именно Украинского государства. Киевские князья Игорь, Ольга, Святослав, Владимир, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах объявляются украинскими политиками, поскольку они возглавляли Киев [9, с. 6–21]. В реальности существовало древнерусское государственное образование с центром в Киеве, которое являлось раннефеодальной монархией конфедеративного типа, управляемой кланом потомков Рюриковичей по лестничной системе. Дальнейшее развитие в силу княжеских усобиц и монгольского нашествия пошло по пути формирования трех субцивилизационных центров: Московской Руси, или Великороссии, белорусской земли – Белой Руси и нынешней Украины – Малороссии. Когда запорожское казачество во главе с Б. Хмельницким взяло курс на интеграцию с Москвией, то имелось в виду воссоединение Малороссии и Великороссии. Гетман С.Мазепа пытался создать уже Украинское государство, но он не имел поддержки отсутствовавшей украинской элиты. С XVIII в. понятие «Украина» уже

используется наравне с термином «Малороссия», а в конце XIX в. – в основном обозначало эту этническую территорию. Накануне Первой мировой войны украинская националистическая интеллигенция стала базой национального движения с антироссийской направленностью. Оно поддержало в годы Гражданской войны национальные образования – «державу» Скоропадского, УНР, «Директорию» и др., существование которых закончилось разгромом. Большевицкая политическая элита создала УССР, однако сделала национальной интеллигенции уступки в виде ликвидации Донецко-Криворожской республики в 1918 г., политики украинизации в 1920-е гг. В советский период Украина впервые получила государственность, куда были включены территории так называемой Новороссии, но развивалась под началом России. Н.С. Хрущев волюнтаристски отдал Украине в 1954 г. Крым и даже вел разговоры о возможности передачи республике г. Таганрога Ростовской области. После распада СССР Украина представляла собой страну регионов, каждый из которых имел собственную историю, культурные особенности и свое видение будущего [10].

С 1992 г. на Украине функционировала президентско-парламентская республика при наличии президента, который практически не управлял. Затем возникла парламентско-президентская, которая поменялась в обратную сторону. Начиная с 1996 г. президенты Украины Л. Кучма, В. Ющенко, В. Янукович провели ряд изменений Конституции Украины. В 2004 и 2010 гг. были сделаны диаметрально противоположные изменения политического строя Украины. Реформа В. Януковича в 2010 г. действовала до его смещения в 2014 г. и последовавшего восстановления парламентско-президентского режима. Смена акцентов в соотношениях института президентства и парламентаризма на Украине стала имманентной причиной постоянных конфликтов политических субъектов и, естественно, обостряла внутриэлитную борьбу. Общеизвестно, что выборы на Украине сейчас происходят на основе искусственного отсечения от электорального процесса всех коммунистических и социалистических партий (КПУ, ПСПУ, ВКПБ-У, Рабочая партия У (марксистско-ленинская), Партия Коммунистов (большевиков)) и даже центристских партий, прежде всего «Партии регионов». Избиратель для выбора предлагаются только правые

и ультраправые националистические партии, которые соревнуются в том, кто агрессивнее проведет националистические интересы в борьбе с Россией. Налицо жесткая деформация самого принципа альтернативности выборов. Тайна выборов тоже относительна, что показывают многочисленные инциденты во время выборных кампаний. Разделение ветвей власти условно, так как институты президентства, парламентаризма и судебной системы функционируют в жесткой увязке друг с другом. Наблюдается включение в политическую систему прямых террористических методов против оппонентов вплоть до бессудных расправ.

В рамках сложившейся внутренне противоречивой политической системы в конце последнего десятилетия XX в. и первого десятилетия XXI в. функционировало несколько политических режимов. Следует отметить, что в украинской литературе, как правило, отождествляются система и режим, причем последний именуется демократическим, при отдельных недостатках. Некоторые авторы сформулировали определения такого режима – анократический, неконсолидированная демократия, гибридный, т. е. временно сочетающий авторитаризм и демократию, и т.п. В частности утверждается, что на Украине сформировалось что-то среднее между криминальной демократурой и национальной охлократией. Другая крайняя точка зрения, как правило российских авторов, не признает наличие на Украине демократии в принципе, более того, однозначно считает этот режим нацистским, фашистским, тоталитарным и т.д. Обе точки зрения имеют свои рациональные зерна, но они предельно политизированы и поэтому изначально ущербны по своей сути.

Следует отметить, что понятие «политический режим» органически включает в себя как управленческие методы и способы осуществления власти, так и идеологические характеристики. Но с помощью управленческих технологий изменить общественное сознание невозможно, так как нужна стратегическая работа с идеями, ценностями и умонастроениями [11, с. 167]. Если акцент делать только на управленческих признаках, то действительно вырисовывается вполне себе демократический режим, так как присутствует конституционность, выборность власти, разделение ветвей власти, некая многопартийность, элементы плюрализма.

Апологеты украинского режима признают определенную деформированность этих институтов, но при этом намекают на схожесть украинских процессов с российскими в различные периоды, что, по их мнению, логически предполагает неизбежность последующего аналогичного укрепления страны и выхода из кризиса. Украинская пропаганда усиленно провозглашает тезис о народном революционном характере движения конца 2013 – начала 2014 г. на Украине, именуя его революцией «достоинства». При этом она противопоставляет ее «антинародной» Октябрьской социалистической революции 1917 г., якобы сделанной на немецкие деньги. Этот сюжет интересен не только в силу политической актуальности, но и по причине 100-летнего юбилея революции. Провести прямые аналогии или противопоставления между двумя разновременными революциями весьма сложно, так как российская революция носила ярко выраженный широкосоциальный и антивоенный характер, а украинская реформация формулировала националистические, антироссийские, антирежимные узкосоциальные антикоррупционные цели.

Однако можно выявить и общие черты. Революционные процессы всегда имеют в своей основе объективные и субъективные причины, мощные предпосылки и сильных лидеров. В России начала XX в. сложились социально-экономические противоречия, неспособность самодержавного режима вывести страну из перманентного политического кризиса, непрекращающаяся война, наконец, сильная антиправительственная пропаганда оппозиционных сил. На Украине – это тяжелые последствия от разрушения советского народнохозяйственного комплекса, социальные противоречия, развертывание гражданской войны, неспособность правительства вывести страну из кризиса, антиправительственная пропаганда оппозиции. То есть везде наличию классические признаки революционной ситуации («верхи не могут», «низы не хотят», крайнее обострение противоречий). В России Временное правительство после ликвидации монархической системы не смогло создать новую полноценную вертикаль власти и допустило двоевластие. Было отменено единоначалие в армии и воинские части впоследствии перешли на сторону большевиков. В деревнях шли самозахваты земель, в городах – забастовки, по всей стране – рост альтернативной власти – Советов.

На Украине после «оранжевой революции» 2004 г. (в какой-то степени это аналог Февральской революции) и победы на выборах В. Ющенко начался этап роста антиэтатистских настроений, развернулась пропаганда национализма, началась подготовка отрядов штурмовиков. В зиму 2013–2014 гг. победила своя «Октябрьская» революция — мятежный Евромайдан. Но в отличие от России здесь не произошло ликвидации буржуазии. Во главе страны был поставлен один из финансистов майдана олигарх П. Порошенко. Система собственности осталась без изменений, а страна — без новой социальной политики, которую жаждала основная масса протестующих. В стране началась героизация бандеровцев, дискриминация русского языка и культуры, преследование инакомыслящих. Можно увидеть общий момент революций в том, что «цветной переворот» на Украине 2014 г., как Октябрьский переворот в России, положил начало последовательной экстремизации новых политических режимов.

Новый политический режим в Киеве официально позиционировал себя как демократический, рыночный, европейски ориентированный и т.п. Однако запрет комдвижения Украины как феномена, ликвидация антирежимной политической оппозиции, запрет ряда СМИ, в том числе российских ТВ-каналов, монополия официальной идеологии, террористические методы давления, запрет антисистемной оппозиции, всеобщий контроль над СМИ, милитаризация всех сфер общества, агрессия против непокорных регионов, приход к власти военизированным путем или путем давления идеологизированных масс — все это классические признаки тоталитарного режима фашистского типа.

Возникает много вопросов о способности политической элиты вывести страну из жесточайшего политического, экономического, геополитического и цивилизационного кризиса. До 2014 г. националистическая политическая контрэлита создавала полулегальные вооруженные формирования, распространяла свое влияние в обществе, получая под свой контроль целые направления культуры и образования. Правящая политическая элита в это время занималась укреплением своих позиций в обществе и разборками между различными субэлитами. Она представляла собой внутренне сплоченную, замкнутую социальную страту, тесно связанную с аппаратом правительства и президента, а также с олигархическими структурами. В 2004–2014 гг.

происходила жесткая конкуренция между старой политической элитой и окрепшей националистической контрэлитой. Это противостояние ослабило государственную власть и дискредитировало политическую систему страны.

Украинские исследователи выделяют характерные черты киевской политической элиты: низкий уровень моральных качеств, профессионализма, превалирование личных интересов, отсутствие стратегического мышления, низкая эффективность управленческой деятельности, и в целом отчуждение элиты от общества [12]. На Украине сложилась правящая элита провинциального типа с наличием власти по типу господства при крайне неустойчивых статусных позициях. С одной стороны, это способствовало воспроизводству ценностей патриархально-подданнической политической культуры. С другой стороны, в правящей элите Украины, как и в России, долгое время доминировали представители бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры [6]. Как и в России, важной составляющей политической элиты Украины стала «новоукраинская» буржуазия. Для них главной задачей было найти общий язык с представителями власти с целью конвертирования власти в собственность и наоборот. Возник мощный симбиоз номенклатурной и «новобуржуазной» элит [13]. Если в России Президент В.В. Путин резко ограничил развитие такого симбиоза, то на Украине он до сих пор является нормой политико-экономической жизни. Президенты Украинской Республики (УР) В. Янукович и П. Порошенко — известные олигархи. Другим отличием от России была возрастающая самостоятельная роль региональных элит. Будучи представленными сами себе, региональные элиты УР обладали определенными экономическими ресурсами и накапливали возможности соперничества с центром.

Характерной особенностью политического процесса на Украине являлась постоянная конкуренция субэлит западных и восточных регионов, как между собой, так и в вопросах своего воздействия и влияния на центральную государственную власть. Этнополитическая идентичность всех субэлит стала определяться степенью приверженности идее украинской этнической государственности и в значительной степени — местом дислокации (кадрам западно-украинского происхождения отдавался приоритет). В восточных и южных регионах Украины большое влияние на элитогенез оказывали традиции партийно-советской номенклатуры, другие сохранившиеся

советские стереотипы политического поведения, а также естественное влияние России, российской культуры и русского языка, в целом русского мира. Все экономические, социокультурные, ментальные различия между западно-украинскими и восточно-русскими регионами обусловили невозможность общей легитимной модели элитогенеза.

На Украине шел процесс социально-этнической трансформации с целью создания нового политического сообщества через отрицание всего предыдущего опыта советского развития. Получил распространение набор новых ценностных ориентиров как социальных, так и этнических, в условиях социальной аномии, что привело к обретению новой системы геополитических координат, институционализированной зависти к западному образу жизни и ненависти к России. Второй президент УР Л.Д. Кучма провозгласил в своей книге категоричное утверждение: «Украина – не Россия», хотя украинский и русский народ в исторической действительности были и остаются близкими частями одного суперэтнуса. По мнению украинских политологов, у местных политиков проявляется отсутствие каких-либо исторических, моральных, нравственных, идеологических и прочих принципов, о чем свидетельствует ряд прошедших судебных процессов за рубежом и на Украине [2]. Украинская элита не отличает тактику от стратегии [10], а отношения субэлит на эмоциональном уровне исключают возможность конструктивного взаимодействия [3].

Субэлиты Западной Украины опирались на идеи украинской «незалежности». В годы Второй мировой войны националистические силы создали целый ряд фашистско-террористических организаций, прежде всего ОУН во главе с С. Бандерой. Нацистские идеи этих формирований были реанимированы в новых постсоветских условиях и стали знаменем националистической оппозиции. Необандеровцы создавали полулегальные вооруженные формирования, распространяли свое влияние в обществе на развитие культуры и образования. В стране произошла геозтнополитизация общественного сознания большей части населения, которое было переориентировано в этом контексте строго на Запад [14].

Экс-президент В. Ющенко публично признал, что вплоть до «оранжевой революции» Украина была частью русского мира. Обретение полной самостоятельности Украиной после

краха СССР поставило национальную элиту перед альтернативой развития республики в рамках СНГ в традиционном союзе с Россией или осуществления курса на вхождение в Европу и разрыв с Россией. Выбор был сделан в пользу второго варианта, и исподволь началась работа по внедрению в общественное сознание идеи «Украина – не Россия», которая стала девизом президентства Л. Кучмы [15]. Концепты возрождения идеологии украинского национализма и идеи принадлежности Украины к западноевропейской цивилизации были на «ура» восприняты в западной части Украины, благожелательно в центральном киевском регионе, резко негативно – в восточной русскоязычной части страны – на Донбассе.

Украинская элита продемонстрировала свою неспособность к продуктивной работе в исполнительных и законодательных органах власти. Причины кроются в отсутствии парламентской политической культуры, в культурно-исторических различиях региональных субэлит, разной внешнеполитической ориентации элитных групп, во внутренней борьбе за ресурсы. Восточно-украинские региональные субэлиты стремились устанавливать прямой политический контроль над областями с русскими культурными традициями и историей. «Партия регионов» во главе с В. Януковичем эксплуатировала эту идентичность, но не смогла реализовать ее потенциал в интересах населения. Нерешительность и палиативность такой политики усиливали межнациональные и религиозные противоречия, создав угрозу территориальной целостности Украины. Это связано с тем, что за все годы независимости на Украине не была сформирована такая общенациональная, цивилизационная, федеративная, надэтническая по своей сути идея, которую бы приняли все субэлиты и всё население Украины. Глубинный цивилизационный раскол страны на западный и восточный субцивилизационные сегменты, конечно, не мог быть преодолен, но все-таки была возможна некая платформа их сближения в рамках внеблоковой страны – своеобразного моста между Европой и Россией. Однако на Украине и вне ее имелись субэлиты, сделавшие ставку на вхождение страны в НАТО и Евросоюз, полный отказ от дружбы и сотрудничества с Россией, уход из русского мира.

«Оранжевая» революция 2004–2005 гг. была первой попыткой смены цивилизационных ориентиров страны. Произведенный при прямой

поддержке Запада и участии националистических бандформирований «майданный госпереворот» в феврале 2014 г. стал второй, более эффективной попыткой форсированно добиться интеграции Украины в евро-атлантические институты и обеспечить окончательный уход из российской сферы притяжения. Националист А. Яценюк, стоявший вместе с боксером В. Кличко и лидером нацистов О. Тягнибоком у истоков «Майдана», стал лидером в политическом поле Украины. А. Турчинов, А. Парубий, В. Наливайченко, А. Аваков и другие внесли свой деструктивный вклад в нарастание гражданского противостояния в Украине на грани прямого столкновения с Россией – с перспективой втягивания в конфликт Европы. Олигарх И. Коломойский был финансистом «Правого сектора», националистических батальонов, что привело к выгодным для него условиям продажи госактивов страны. Более того, он стал губернатором развитого промышленного региона Днепропетровской области, восстановил потраченные на подготовку боевиков ресурсы.

Несмотря на отказ В. Януковича возглавить активное сопротивление госперевороту, восточные региональные субэлиты, прежде всего в Луганской, Донецкой областях и в Крымской автономной республике, выступили против «правительства победителей». Дальнейший процесс характеризовался расколом региональных субэлит. Харьковская элитная группа во главе с М. Добкиным и Г. Кернесом стала организатором в Харькове 22 февраля 2014 г. съезда депутатов юго-восточных регионов Украины, Крыма и Севастополя, который поставил под сомнение легитимность решений Верховной Рады. Съезд заявил, что юго-восточные органы самоуправления берут на себя ответственность за обеспечение конституционного порядка на своей территории. Однако ничего не было сделано и в дальнейшем, группа Добкина – Кернеса активно поддержала Киев, а Донецкая, Луганская и Симферопольская контрэлитные группы пошли по принципиально другому пути. Здесь произошла смена лидеров, радикализация региональных субэлит и превращение их в эффективные и полноценные боевые контрэлиты. А. Захарченко, Д. Пушилин – в Донецке, В. Болотов, И. Плотницкий – в Луганске взяли всю ответственность на себя и выступили против центральной власти, требуя или особого статуса для русских регионов в составе Украины, или, в самом крайнем случае, вхождения в состав России. Интегрированная националистическая

киевская элита не желала ни первого, ни тем более второго решения. Только крымской контрэлите во главе с С. Аксёновым удалось провести при поддержке России в марте 2014 г. всекрымский референдум, на котором 96,7 % проголосовавших высказалось за вхождение в состав России. Стратегическое решение Президента В.В. Путина и российской элиты поддержать референдум в Крыму и интегрировать крымскую республику в состав Российской Федерации носило исключительно вынужденный характер, так как в ином случае Крым стал бы полем боя и массовых репрессий, а также местом дислокации ПРО, Военно-морского флота и других стратегических сил США. В Донбассе не было ни столь мощной поддержки курса контрэлиты, ни дислоцированных частей российской армии, которые бы не допустили вмешательства националистов в референдумы.

Объединившаяся киевская элита (правящая верхушка и так называемый оппозиционный блок) развернула войну против восставшего народа Донбасса, назвав ее «антитеррористической операцией». Журналист М. Шевченко, считает, что эта война – всего лишь конфликт двух олигархических группировок УР – днепропетровской и донецкой. Осевшая в Москве от преследования группа Б. Олейника, И. Маркова и Н. Азарова создала «Комитет спасения Украины» в целях вывода в будущем страны из хаоса. Кандидат в президенты от КСУ Б. Олейник заявил, что в первую очередь в случае избрания на пост президента Украины он подпишет приказ об отводе войск из Донбасса. Лидер запрещенной компартии Украины П. Симоненко считает, что Донбасс никогда не вернется в состав Украины. Сами контрэлиты Донбасса в настоящее время находятся между Киевом и Москвой, так как эти центры не желают или не могут осуществить вхождения данных территорий в свой состав, но по принципиально разным причинам.

Исследователи отмечают, что начавшаяся «украинизация, носила планомерный, искусственный характер, так как поощряется и стимулируется иностранными политическими акторами на протяжении многих десятилетий» [16, с. 699–710]. Фрагментация страны привела к полноценному цивилизационному расколу Украины и геополитизации общественного сознания. Для решающего рывка в переходе страны на европейские рельсы развития потребовался новый политический режим, который сместил бы колеблющегося между Западом и Востоком президента

В. Януковича. После революционного переворота в стране стала осуществляться милитаризация экономики, сохраняется угроза новых мобилизаций, доминирует националистическая элита. Введенные в правительство Украины министры из числа граждан европейских стран не смогли переломить экономическую ситуацию и обновить элиту. Известные в прошлом лидеры Ю. Тимошенко, В. Кличко, О. Ляшко, А. Кинах, Ю. Луценко, А. Аваков, О. Тягнибок, А. Яценюк и другие в большой степени утратили поддержку электората. У высших политиков Украины отсутствует выраженная харизматичность (за исключением, может быть, Н. Савченко). Нравственность и ответственность перед многонациональным народом – это те качества, которые находятся в явном дефиците у лидеров страны [17].

На Украине никто не стесняется оправдания преступлений дивизии СС «Галичина» и бандеровских бандформирований в годы Великой Отечественной войны, таких как «волынская резня», холокост (Бабий Яр), сожжение белорусской деревни Хатыни, и др. Экстремистские батальоны с фашистской символикой «Азов», «Айдар» осуществляют террор в Донбассе на грани геноцида. Общественность потрясли убийства журналистов А. Бузины и П. Шеремета.

На Украине идет гражданская война государственной элиты с контрэлитами на Донбассе, которые не приемлют идеи национализма С. Бандеры как мировоззренческий ориентир. Добровольное вхождение народа Крыма на основе референдума в состав РФ вызвало на Украине массовое недовольство. Киев разорвал практически все традиционные культурные и торгово-экономические связи с Россией, которые были заменены русофобией в СМИ и в (квази)гражданском обществе. Властями Украины были сделаны публичные объявления персонами non-grata ряда российских культурных деятелей. Все внимание деятелей культуры Украины сосредоточено на «проблемных» страницах совместной истории народов бывшего СССР, в частности эксплуатируется тема «голодомора» как якобы «геноцида украинского народа».

Судя по всему, на Украине постепенно складывается «украинская модель неофашизма», которая обозначилась пока еще эпизодически и, надеемся, временно. Это, конечно, в первую очередь **базовая парадигма фашизма** — воинствующий шовинизм (на базе русофобии), антикоммунизм, насилие, антисемитизм. Более того, в стране идет

настоящая популяризация «классического» фашизма. Например, харьковское издательство «Фолио» издает дневники одного из лидеров нацистской Германии Й. Геббельса на украинском языке без комментариев [13]. О произведениях идеологов бандеровщины и говорить нечего – они возведены в разряд «священных» книг. Во время телевизионного выступления министр культуры Украины Е. Нищук объяснил, что в Донбассе и Запорожье у людей нет никакой украинской генетики, так как эти места были заселены искусственно во времена СССР. С этим он связывает культурную разобщенность жителей востока и запада Украины [18]. Примененный министром термин «генетическая чистота» пахнет фашизмом, что соответствует характеру нынешнего режима власти в Киеве. Этот деятель – выразитель того «обыкновенного фашизма», которому посвятил свой гениальный фильм М. Ромм. Другой пример. Президент-менеджер киевской сети розничной торговли, блогер Я. Потішняк выступила с призывом «давить танками» и «сжигать в газовых камерах» этнических русских.

Следующий признак постепенной фашизации режима – репрессивная языковая политика. «Свидомые» украинцы пытаются запретить использование русского языка не только на государственном, но и на бытовом уровне. Русский язык на Украине стараются свести к статусу языка национальных меньшинств и вытеснить его как из официальной сферы, так и из сферы культурной и общественной жизни.

П. Порошенко была поставлена задача образования «политической нации» в многонациональной республике на основе украинской этнической идентичности. Однако участие в братоубийственной войне в Донбассе привело к тому, что мало кто из русскоязычных граждан Украины верит в будущее единой украинской политической нации. Кроме того, существует проблема подкарпатских русинов, которые не желают ассимиляции в украинской политической нации. Новое политическое украинство аннулирует многое из исторического прошлого, прежде всего советский опыт. Этнические украинцы, все надднепрянские украинские граждане, «составляя большинство населения Украины, во многом поневоле стали антироссийской и антирусской суррогат-нацией» [19].

Для киевского режима принципиально важны мифы об общем историческом происхождении, общая историческая память. Представители инструментализма П. Брасс, К. Янг, Н. Глейзер,

Дж. Ротшильд обращают внимание на то, что объективные критерии отступают на второй план в сравнении с более субъективными маркерами: религией, политико-идеологическими предпочтениями, социальными качествами, чертами культуры, сознанием принадлежности к группе и на этой основе – солидарным действием. Для властного режима этнические группы определяются прежде всего по тем признакам, которые лежат в основе операции этнического конструирования украинскими элитами.

Ситуация на Украине в определенные моменты напоминает положение в Веймарской Германии 1920-х гг. Тогда эту страну сотрясали стачки, беспорядки, путчи, террористические акты, связанные с резкой поляризацией социально-политических сил от крайне правых, в том числе образовавшейся впоследствии фашистской Национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСДАП), до Коммунистической партии. В расколовшемся немецком обществе не нашлось места консенсусу здравомыслящих сил, необходимого в условиях кризиса и угрозы фашизма. Нестабильность Веймарской республики стала следствием национального позора после унижительного поражения в Первой мировой войне и потери ряда территорий. В это время распространяется «Майн кампф» А. Гитлера, утверждающая, что в постигшей немцев трагедии виноваты малые этнические группы, в первую очередь – евреи. В дальнейшем была развернута политика геноцида по отношению к евреям, цыганам и славянам на оккупированных территориях [20].

Герой Украины Н. Савченко выступила с антисемитскими заявлениями, выискивая еврейские корни у представителей украинской власти и оппозиции. Один из деятелей украинской еврейской общины Г. Корбан дал ей ответ в Facebook: «Как ни прискорбно, но если вы не преодолеете собственное невежество и безграмотность, если будете вторить ограниченному и глупым людям, добывая себе таким путём дешёвую популярность, то хорошего политика из вас не получится. Но уверен, из вас получится смелый солдат, защитник родины, или заботливая мать, опекающая своих детей».

На украинской земле происходят социальные беспорядки с этнополитическим подтекстом. Демонстрации необандеровцев проходят в том числе под лозунгом «геть юде!». 27 сентября 2016 г. президент Израиля Р. Ривлин в своем выступлении в Верховной раде Украины указал,

что украинские националисты были во время Второй мировой войны активными пособниками преступлений против евреев. В ответ на это глава ОУН Б. Червак и другие лидеры запрещенной в России ОУН потребовали публичных извинений. Встает вопрос: почему именно на Украине стал развиваться доморощенный неонацизм?

Вероятно дело в том, что официальная система Украинской республики не опирается на историческую систему демократических государственных институтов. Продекларированные свободы и права при отсутствии цивилизованных политических норм поведения создали необходимые условия для укоренения шовинистической и русофобской пропаганды. Была легализована деятельность националистических партий и экстремистских организаций, разжигающих межнациональную рознь, антисемитизм и русофобию, что обеспечило необходимые возможности для их вхождения в легальную общественно-политическую систему. На пьедестал истории Украины был возведен тот факт, что созданная С. Бандерой организация украинских националистов (ОУН) была союзником немецких оккупантов и заложила основы «самостийного нацизма» [21]. Действия участников ОУН-УПА по уничтожению польского населения Волыни признаны 22 июня 2016 г. сеймом Польши «геноцидом», однако украинские парламентарии осудили решение парламента Польши и назвали его «юридически некорректным» [22]. В ответ глава партии Польши «Закон и справедливость» Я. Качиньский, заявил, что украинские власти, строящие национальную идентичность на культе С. Бандеры, не смогут добиться принятия своей страны в ЕС. Он добавил, что «несмотря на то, что жестокость немцев сложно было превзойти, ОУН-УПА это удалось» [23].

Другим важнейшим признаком экстремизации режима является вооруженный характер произошедшей смены власти, сопровождавшийся гибелью киевлян. В. Сухарев считает, что еще не осознано полностью значение одесских событий 2-го Мая. «Кроме устрашения вся эта кровавая акция решала еще, возможно, более важный для хунты вопрос, рассчитанный на долгосрочную перспективу, – вопрос подготовки кадров для выполнения особого рода задач, связанных с физическим уничтожением огромного количества людей. Отсюда та несусветная, звериная жестокость, глумление над живыми и мертвыми, когда насиловали и убивали, рубили

и расчленили и мертвых, и еще живых, когда беспомощных живых обливали напалмом, поджигали, а затем, насладившись агонией, тушили, чтобы не задохнуться в смраде самим» [24]. Далее он подчеркнул, что фашизм имеет свою внутреннюю логику развития, в том числе неперенный атрибут – резервации, лагеря смерти, а на Украине – фильтрационные лагеря. Провозглашение Донецкой и Луганской Народных Республик приостановило это внутреннее развитие Украины, перенаправив вектор развития режима на борьбу с так называемой «внешней агрессией» [24].

Политолог Р. Ищенко выделяет противоречие «между внутренней нацистской организацией государственной власти и необходимостью в условиях глобального, прозрачного мира сохранять «человеческое лицо» перед мировым сообществом. В результате наиболее психически неустойчивая, но самая необходимая в такой ситуации часть нацистского аппарата подавления – боевики впадают в состояние когнитивного диссонанса [6]. Но в России дали свою оценку происходящему.

Дорогомиловский суд в Москве вынес постановление о том, что события Евромайдана 2014 г. в Киеве являются государственным переворотом. Это решение основано на показаниях экс-президента В. Януковича, экс-премьера Н. Азарова, экс-главы администрации президента А. Клюева. Бывший глава СБУ А. Якименко заявил, что митингующие получали указания официальных лиц США. Свидетели отмечали, что в случае отмены евроинтеграции Запад угрожал Киеву сменой власти, что в страну были посланы эмиссары из Прибалтики и Грузии, что смена власти произошла антиконституционным путем и т.д.

Академик РАН С.Ю. Глазьев в своем письме к генпрокурору Ю. Луценко писал: «Как юридически грамотный человек, Вы должны понимать, что действия лиц, узурпировавших власть на Украине, повлекшие, по оценкам, гибель свыше 100 тыс. человек, ранения, физические увечья и душевные расстройства более полумиллиона человек, бегство и вынужденное переселение нескольких миллионов человек должны квалифицироваться как преступления против человечности, военные преступления и геноцид населения южных и восточных регионов Украины. Поскольку лица, узурпировавшие здесь власть, считают себя правопреемниками гитлеровских коллаборационистов, поддерживавших оккупацион-

ный фашистский режим 1941–1944 гг. и осужденных Нюрнбергским трибуналом, расследование их преступлений должен вести аналогичный международный трибунал [25].

Но до этой перспективы все-таки еще очень далеко. После событий в Крыму и Донбассе национал-урпатриотическая кампания на какое-то время объединила территории, находящиеся под контролем Киева, но постепенное освоение обществом правды о Крыме и Донбассе, похороны сотен погибших в АТО, острые социально-экономические проблемы, коррупция власти и в целом деградация украинской державы изменили ситуацию.

Новым явлением политической жизни Украины стало частичное противостояние в элитной среде олигархов и националистов. По мнению некоторых украинских журналистов, процесс этого противостояния зашел так далеко, что действующий президент Украины из чувства самосохранения может «сражаться» против радикальной части элиты. В феврале 2016 г. в результате политических торгов между партийными фракциями в парламенте была сформирована новая правящая коалиция и обновленное правительство. П. Порошенко победил в конфликте с А. Яценюком и назначил премьером правительства В. Гройсмана, который, несмотря на открытый антисемитизм неонацистов, морально их защищает. Националистические бандформирования все еще играют большую роль в политике, их участники проявляют активность в Верховной Раде и рядом с ней, занимаются провокациями на линии соприкосновения в Донбассе. В то же время появились мнения, что возросла роль олигархов Р. Ахметова и Д. Фирташа. В газете *The Wall Street Journal* вышла статья В. Пинчука, украинского олигарха и зятя экс-президента Украины Л. Кучмы: «Украина должна принять болезненные компромиссы ради мира с Россией», – пишет он. Во-первых, без компромиссов мир на Украине установить не удастся. Во-вторых, Украине следует временно отказаться от цели членства в ЕС. В-третьих, принадлежность Крыма не должна быть «камнем преткновения» для миротворческого процесса. В-четвертых, выборы в Донбассе должны состояться, даже если там не удастся гарантировать «стерильное» состояние безопасности и всех требований ОБСЕ. В-пятых, Украине следует отталкиваться от того, что никакой «перспективы НАТО» для нее не существует, а значит, единственно разумный путь –

заявить о своем нейтралитете. Это был настоящий альтернативный тренд развития [26]. Но в Киеве В. Пинчука обвинили в озвучивании «плана капитуляции» Украины, в том, что он играет на стороне России, что он отрицает все ключевые внешнеполитические приоритеты своей страны [27]. Данное письмо, бесспорно, показывает, что, несмотря на зачистку политического поля, все еще сохраняется ряд отличий между различными финансово-политическими группами Украины, прежде всего идеологические и тактические. Более того, наконец появились конструктивные программы выхода из системного кризиса, которые имеют в обществе поддержку.

Всеукраинский крестный ход «За мир» в июле 2016 г. показал значительный вес в стране духовной субэлиты в лице Украинской православной церкви Московского патриархата и лично митрополита Онуфрия. В прессе начали обсуждать шансы на президентство внесистемных активных граждан, например, участников АТО, борцов с коррупцией, священников, журналистов, вопрос о возможном новом государственном перевороте, о «третьем майдане», о скором смещении П. Порошенко и всей его команды, и т.д.

Таким образом, строго научное определение политического режима современной Украины сформулировать чрезвычайно трудно по причине многовекторности параллельно протекающих политических процессов. Режим по внешним признакам носит композитный, в чем-то амбивалентный олигархическо-охлократический характер. При этом налицо базовый тренд развития националистического корпоративного государства, которое вело настоящую гражданскую войну, а на современном этапе террористически преследует мятежные регионы, организует их экономическую блокаду и т.д. Но считать украинский режим нацистским в классическом понимании некорректно, так как на практике прослеживаются не только элементы нацистского политического формата, но и факты гражданской активности национально-демократического характера. Анализ эволюции политического режима Украины показывает перспективу его развития: от государства национально ориентированной политической элиты к преднацизму, который в свою очередь в обозримом будущем может превратиться в полноценный нацизм. Такой иррациональный выбор украинское руководство может осуществить вполне осознанно или даже неосознанно в силу ограниченного политического интеллекта. Широкая конституционная реформа,

реальная демократизация, включая всестороннее соблюдение Минских соглашений и отказ от русофобии, сопряжены с очень большой опасностью для будущего современных лидеров государства. Принципиальный разворот стратегического политического курса может, вероятно, себе позволить только консолидированная, рационально-прагматическая национальная часть экономической элиты (национальной олигархии). Будущее покажет, сможет ли она трансформировать этот эклектический политический режим с опасными тенденциями.

В последнее время резко возросла роль бандеровских радикалов, которые принудили Порошенко пойти на блокаду Донбасса и другие провокационные экстремистские действия. Таким образом, в результате «цветного переворота» на Украине сформировался правоэкстремистский олигархическо-охлократический режим, развивающийся в сторону «обыкновенного фашизма». Анализ процесса эволюции политической системы, режима и элиты Украины показывает основную перспективу его развития от государства националистически ориентированной политической элиты и президентско-парламентского режима к преднацизму, который является потенциальной угрозой для будущего страны. Однако существуют и альтернативные социальные проекты левых и центристских партий.

Литература

1. Политическая наука : словарь-справочник / авт. и сост. И.И. Санжаревский. Тамбов, 2010.
2. Лапкин В.В., Пантин В.И. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Политис. 2014. № 5. С. 68–89.
3. Маммадов М. Особенности модернизации постсоветских политических режимов // Обозреватель Observer. 2017. № 1. С. 5–32.
4. Российская историческая политология / сост. С.А. Кислицын. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 1998.
5. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М. : Интерпракс, 1995. 296 с.
6. Ищенко Р. Особенности украинского политического режима. URL: <http://ukraina.ru/analytics/20140721/1009876002.html> (дата обращения: 04.03.2017).
7. Кислицын С.А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и

Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской автономной республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. № 8. С. 48–54.

8. Украинский кризис. Предпосылки, формы проявления. Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 256 с.

9. Ушаков Д.А. Великие украинцы. Харьков : Фактор, 2011. С. 6–21.

10. Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь : СОНАТ, 2005. 280 с.

11. Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы // Сравнительная политика. 2017. Вып. 1, т. 8. С. 167.

12. Баранчик Ю. Государственное строительство в республиках Донбасса. URL: https://regnum.ru/news/polit/2240709.html?google_editors_picks=true (дата обращения: 04.03.2017).

13. В Харькове на украинском языке издадут мемуары Геббельса. URL: <http://www.xx-century.com.ua/archives/45822> (дата обращения: 04.03.2017).

14. Кислицын С.А., Петрова С.В. Ретинская О.В. Проблемы прикладной геополитики Евразии. М. : ЛЕНАНД, 2016. 416 с.

15. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М. : Время, 2003. 690 с.

16. Абрамова Е.Н., Аникини В.И., Сурма И.В. Генезис украинского национализма и его влияние на российско-украинские отношения // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 6. С. 699–710.

17. Ставицкий А.В. Украинская элита: идентичность или глобальный выбор. Севастополь : Рибэст, 2013. 208 с.

18. Министр культуры Украины пояснил свои слова... URL: <https://ria.ru/world/20161123/1481985032.html> (дата обращения: 04.03.2017).

19. Украина: кризис политической нации. URL: http://www.discred.ru/news/ukraina_krizis_politicheskoi_nacii/2016-11-21-25066 (дата обращения: 04.03.2017).

20. Паламарчук Е.А. Нацизм: три лика геноцида. Ростов н/Д. : ИУБиП, 2003. 168 с.

21. Армстронг Дж. Истоки самостийного национализма. К чему пришла Украина в XXI веке : пер с англ. М. : Центрполиграф, 2014. 368 с.

22. Рада осудила решение Сейма о признании преступлений... URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3606088> (дата обращения: 04.03.2017).

23. Качиньский Я.: Украина с Бандерой в Европу не войдет. URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2017/02/6/7061227/> (дата обращения: 04.03.2017).

24. Сухарев В. Фашизм, как лицо современной Украины, или Будущий кошмар Европы. URL: <http://www.proza.ru/2014/08/11/1259> (дата обращения: 04.03.2017).

25. Письмо С.Ю. Глазьева к именуемому себя Генеральным прокурором Украины Ю. Луценко. URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/495 (дата обращения: 04.03.2017).

26. Что задумал Пинчук: Почему олигарх призвал отказаться от Крыма и НАТО. URL: http://rusnext.ru/recent_opinions/1483367283 (дата обращения: 04.03.2017).

27. Статья Пинчука о путях к миру в Донбассе – проблески здравомыслия? URL: <http://geopolitica.info/statya-pinchuka-o-putyakh-k-miru-v-donbasse--probleski-zdravomysliya.html> (дата обращения: 04.03.2017).

References

1. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Dictionary-guidebook. Comp. I.I. Sanzharevsky. Tambov, 2010.

2. Lapkin V.V., Pantin V.I. Krizis ukrainskoi gosudarstvennosti: politiko-pravovoi, tsennostnyi i geoekonomicheskii aspekty [The Crisis of Ukrainian Statehood: Political-legal, Value and Geo-economic Aspects]. *Polis*. 2014, No. 5, pp. 68-89.

3. Mammadov M. Osobennosti modernizatsii postsovetskikh politicheskikh rezhimov [Features of the Modernization of Post-Soviet Political Regimes]. *Obozrevatel'*. 2017, No. 1, pp. 5-32.

4. *Rossiiskaya istoricheskaya politologiya* [Russian Historical Political Science]. Comp. S.A. Kislytsyn. Rostov-on-Don, Izd-vo SKAGS, 1998.

5. Tsygankov A.P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern Political Regimes: Structure, Typology, Dynamics]. Moscow, Interpraks, 1995, 296 p.

6. Ishchenko R. *Osobennosti ukrainskogo politicheskogo rezhima* [Features of the Ukrainian Political Regime]. Available at: ukraina.ru/analytics/20140721/1009876002.html (accessed 04.03.2017).

7. Kislytsyn S.A. Politicheskoe znachenie deyatelnosti grazhdanskogo obshchestva Sevastopolya i Kryma v period bor'by za reintegratsiyu Krymskoi avtonomnoi respubliky v Rossiiskuyu Federatsiyu [Political Significance of the Civil Society of Sevastopol and Crimea in the Struggle for Reintegration of the Crimean Autonomous Republic into the Russian Federation]. *Vlast'*. 2016, No. 8, pp. 48-54.

8. *Ukrainskii krizis. Predposylki, formy proyavleniya* [The Ukrainian Crisis. Preconditions, Forms of Manifestation]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2014, 256 p.
9. Ushakov D.A. *Velikie ukraintsy* [Great Ukrainians]. Kharkov, Faktor, 2011, pp. 6-21.
10. Mal'gin A.V. *Ukraina: Sobornost' i regionalizm* [Ukraine. Communalism and Regionalism.]. Simferopol, SONAT, 2005, 280 p.
11. Khalilov T.A. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v imperskom kontekste Rossii: trendy i problemy [Formation of Civil Society in the Imperial Context of Russia: Trends and Problems]. *Sravnitel'naya politika*. 2017, No. 1, vol. 8, p. 167.
12. Baranchik Yu. *Gosudarstvennoe stroitel'stvo v respublikakh Donbassa* [State Building in the Republics of Donbass]. Available at: https://regnum.ru/news/polit/2240709.html?google_editors_picks=true (accessed 04.03.2017).
13. *V Khar'kove na ukrainskom yazyke izdadut memuary Gebbel'sa* [The Memoirs of Goebbels will be published in Kharkov]. Available at: <http://www.xx-centure.com.ua/archives/45822> (accessed 04.03.2017).
14. Kislitsyn S.A., Petrova S.V., Repinskaya O.V. *Problemy prikladnoi geopolitiki Evrazii* [Problems of Applied Geopolitics of Eurasia]. Moscow, LENAND, 2016, 416 p.
15. Kuchma L.D. *Ukraina – ne Rossiya* [Ukraine is not Russia]. Moscow, Vremya, 2003, 690 p.
16. Abramova E.N., Anikini V.I., Surma I.V. *Genezis ukrainskogo natsionalizma i ego vliyanie na rossiisko-ukrainskie otnosheniya* [Genesis of Ukrainian Nationalism and its Influence on Russian-Ukrainian Relations]. *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. 2016, No. 6, pp. 699-710.
17. Stavitskii A.V. *Ukrainskaya elita: identichnost' ili global'nyi vybor* [Ukrainian Elite: Identity or Global Choice]. Sevastopol, Ribest, 2013, 208 p.
18. *Ministr kul'tury Ukrainy poyasnil svoi slova...* [The Minister of Culture of Ukraine Explained his Words...]. Available at: <https://ria.ru/world/20161123/1481985032.html> (accessed 04.03.2017).
19. *Ukraina: krizis politicheskoi natsii* [Ukraine: the Crisis of the Political Nation]. Available at: http://www.discred.ru/news/ukraina_krizis_politicheskoi_nacii/2016-11-21-25066 (accessed 04.03.2017).
20. Palamarchuk E.A. *Natsizm: tri lika genotsida* [Nazism: Three Faces of Genocide]. Rostov-on-Don, IUBiP, 2003, 168 p.
21. Armstrong Dzh. *Istoki samostiinogo natsizma. K chemu prishla Ukraina v XXI veke* [The Origins of Self-centered Nazism. What did Ukraine Come to in the 21st Century?]. Transl. from Eng. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014, 368 p.
22. *Rada osudila reshenie Seima o priznanii prestuplenii...* [Rada Condemned the Decision of the Seim on the Recognition of Crimes...]. Available at: <http://tass.ru/mezhduna-rodnaya-panorama/3606088> (accessed 04.03.2017).
23. Kachin'skii Ya. *Ukraina s Banderoi v Evropu ne voidet* [Ukraine with Bandera will not Enter Europe]. Available at: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2017/02/6/7061227/> (accessed 04.03.2017).
24. Sukharev V. *Fashizm, kak litso sovremennoi Ukrainy, ili Budushchii koshmar Evropy* [Fascism, as the Face of Modern Ukraine, or the Future Nightmare of Europe]. Available at: <http://www.proza.ru/2014/08/11/1259> (accessed 04.03.2017).
25. Pis'mo S.Yu. Glaz'eva k imenuyshchemu se-bya General'nym prokurorom Ukrainy Yu. Lutsenko [Letter from S.Yu. Glazyev to Yu. Lutsenko, who names himself the General Prosecutor of Ukraine]. Available at: http://www.glazev.ru/econom_polit/495 (accessed 04.03.2017).
26. *Chto zadumal Pinchuk: Pochemu oligarkh prizval otkazat'sya ot Kryma i NATO* [What Pinchuk Conceived: Why did the Oligarch Call for Refusal of the Crimea and NATO]. Available at: http://rusnext.ru/recent_opinions/1483367283 (accessed 04.03.2017).
27. *Stat'ya Pinchuka o putyakh k miru v Donbasse – probleski zdravomysliya?* [Article of Pinchuk on the Ways to Make Peace in the Donbass - Glimpses of Sanity?]. Available at: <http://geopolitica.info/statya-pinchuka-o-putyakh-k-miru-v-donbasse--probleski-zdravomysliya.html> (accessed 04.03.2017).

УДК 94 (430)

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-62-70

СТАТУС ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ (1933–1939)

© 2017 г. Е.А. Паламарчук^а, В.П. Подольников^б

^аЮжный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия,

^бЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE STATUS OF MARRIED WOMAN IN NAZI GERMANY (1933 - 1939)

E.A. Palamarchuk^a, V.P. Podolnikov^b

^a*Southern University (IMBL), Rostov-on-Don, Russia,*

^b*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

*Паламарчук Евгений Александрович –
доктор исторических наук, профессор,
Южный университет (ИУБиП),
пр. М. Нагибина, 33А/47, г. Ростов-на-Дону,
344068, Россия.
E-mail: epalamar@mail.ru*

*Eugene A. Palamarchuk –
Doctor of History, Professor,
Southern University (IMBL),
M. Nagibina Ave, 33A / 47, Rostov-on-Don,
344068, Russia.
E-mail: epalamar@mail.ru*

*Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: podolnikov@list.ru*

*Vladimir P. Podolnikov –
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia,
E-mail: podolnikov@list.ru*

Анализируются основные аспекты антифеминистской политики национал-социалистов. Особое внимание уделяется содержанию комплекса мер, осуществлявшихся в Третьем рейхе в рамках демографической политики, поскольку проблема повышения рождаемости остро стояла в Германии еще с 20-х гг. XX столетия и усугубилась в 1929 г. с началом экономического кризиса.

Рассматриваются имевшие лишь ограниченный эффект попытки нацистского политического руководства реализовать на практике идеал Гогенцоллернов, в соответствии с которым уделом женщины считались «церковь, дети и кухня». Из-за ускоренной подготовки Германии к войне возникла проблема нехватки квалифицированной рабочей силы. Этот процесс вынудил национал-социалистов принести провозглашенный ими в качестве идеального образ хаузфрау в жертву потребностям экономики. В итоге пришлось проводить широкомасштабную агитационную кампанию за возвращение соотечественниц на предприятия и в офисы.

Ключевые слова: Третий рейх, брак, рождаемость, семья, статус, брачная ссуда, материнство, домохозяйка, безработица, многодетная мать, жилье, экономика, демографическая политика.

The article is devoted to the analysis of the main aspects of the National Socialist antifeminist policy. The main attention authors put to the maintenance of the demographic policy because the problem of the rising of the birthrate was very serious for the Germany from the 20-s years of the twentieth century and became much more aggravated in 1929 when the economic crisis began.

The authors examine in detail the attempts of Nazi political leadership to realize Hohenzollern's ideal of woman's destiny which was as "Kirche, Kinder und Küche" and which had only limited effect. Because of Germany's accelerated preparations for war, there was a problem of skilled labor shortage. This process forced the National Socialists to bring the ideal of the Hausfrau proclaimed by them as an ideal sacrifice to the needs of the economy. As a result, it was necessary to conduct a large-scale agitation campaign for the return of compatriots to enterprises and offices.

Keywords: the Third Reich, wedlock, birthrate, family, status, marriage loan, maternity, housewife, unemployment, mother of many children, housing, economy, demographic policy.

Ноябрьская революция 1918 г. поставила Германию в один ряд с ведущими мировыми державами, в которых набирали силу процессы женской эмансипации. При этом по такому важному показателю, как присутствие женщин в представительных органах власти, Веймарская республика заметно опережала США, Великобританию [1, р. 3].

Разумеется, далеко не все немцы готовы были отказаться от традиционных представлений о роли женщины в обществе и принять революционный разворот в женском вопросе. Среди политических противников наибольшую активность проявляли национал-социалисты, выступавшие с радикальных антифеминистских позиций, которые Д. Шёнбаум охарактеризовал как вторичный расизм [2, р. 187]. 21-й пункт программы Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) закрепил требование установления опеки над материнством и детством [3, р. 79].

Конкретизация нацистской модели гендерных отношений содержалась в многочисленных публичных выступлениях Гитлера и его соратников. Так, когда в апреле 1932 г. активистки Национал-социалистической женской организации («НС-Фрауеншафт») попытались добиться от него как от лидера влиятельной политической партии, рвущейся к власти, обещания сохранять приверженность закреплённому в конституции Веймарской республики принципу женского равноправия, фюрер поспешил охладить их пыл. Если революция 1918 г. привела к превращению 50 тыс. женщин «в голубых чулках и партийных чиновников», – заявил он, – то в случае его назначения канцлером с подобной блажью будет покончено. «Каждая женщина получит мужа» [4, р. 527–528].

Признавая за женщиной в качестве ее основного призвания замужество и воспитание детей, нацисты руководствовались отнюдь не только идеологическими соображениями. По их расчетам, изъятие большинства фрау работоспособного возраста из профессиональной сферы и ограничение их кругом семейных забот должны были способствовать рассасыванию массовой безработицы – проблемы, решение которой имело принципиальное значение не только для преодоления кризиса и восстановления экономики, но и для обеспечения стабильности нацистскому режиму.

Практически с первых дней канцлерства Гитлера национал-социалисты перешли к реализации своего видения решения указанного аспекта

гендерной проблемы. Эта политика получила мощное пропагандистское обеспечение. В средствах массовой информации развернулась беспрецедентная по своим масштабам агитационная кампания, цель которой заключалась в том, чтобы внушить работающим немкам (как замужним, так и собиравшимся вступить в брак) необходимость осознать свою исторически и биологически предопределённую миссию матери и домохозяйки, хранительницы домашнего очага и расы, от успеха которой непосредственно зависело будущее всей нации. Высвобождавшиеся таким образом рабочие места должны были занимать безработными фольксгеноссен. 8 сентября 1934 г. на съезде нацистской партии Гитлер отметил, что мужчина и женщина выступают в качестве представителей двух взаимодополняющих друг друга миров, доминируя каждый в своей «вотчине». Мир мужчины является более масштабным и в качестве основных элементов включает в себя государство, борьбу, готовность к служению обществу; миниатюрный мир женщины ограничен ее мужем, семьей, детьми, домом [4, р. 528]. Еще в «Майн Кампф», касаясь вопросов брака и семьи, Гитлер делал особый акцент на репродуктивной функции женщины, отмечая, что семейный союз, «не являясь самоцелью, ... должен служить более высокой цели – размножению и сохранению вида и расы» [5, с. 211]. В средствах массовой информации Третьего рейха женщина представала бойцом, находившимся на переднем крае борьбы за повышение рождаемости. «На первом месте для всех немецких женщин стоит материнство. Быть матерью – вот что объединяет женщин всех слоев, всех сословий», – провозглашал руководитель Германского трудового фронта Р. Лей [6, л. 105].

Конечно же, было бы излишним упрощением проблемы рассматривать подобные призывы исключительно как продиктованные антифеминизмом представителей нацистской политической элиты. Во многом повышенное внимание последних к демографическому фактору обуславливалось статистическими данными, свидетельствовавшими о падении рождаемости в германском государстве: с более чем 2 млн живых новорожденных в начале XX в. до 1,3 млн в 1925 и всего лишь 971 тыс. в 1933 г. С учетом же того, что в 1933 г. число способных к деторождению женщин в Германии превышало соответствующие показатели довоенного периода, демографический обвал оказался еще более драматичным. Если в 1910–1911 гг. на каждую тысячу женщин

фертильного возраста (от 15 до 50 лет) приходилось 128 новорожденных, то в 1925 г. их число снизилось до 80, а в год назначения Гитлера канцлером – до 59 [7, р. 96]. При этом наиболее скромные показатели рождаемости приходились на районы с высоким уровнем женской занятости [7, р. 91]. В свете отмечавшегося выше подхода нацистов к решению проблемы обеспечения рабочими местами безработных, а также взятого ими курса на ускоренную подготовку нации к войне сложившаяся ситуация требовала, по их мнению, срочного государственного вмешательства.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все национал-социалисты разделяли взгляды своих наиболее радикальных однопартийцев, настаивавших на полной дефеминизации профессиональной сферы. Многие из тех, кого в свое время наряду с социальными проблемами в ряды НСДАП привел дух «романтики», продолжали надеяться на то, что образцом для нового общества, создание которого провозглашалось их лидерами, послужит «славная нордическая эра», не знавшая какой бы то ни было дискриминации по половому признаку [8, р. 18–20]. Не остался в стороне и отличавшийся феминистской направленностью национал-социалистический журнал «Германская воительница», возглавлявшийся С. Рогге-Бернер. В 1934 г. в нем была опубликована статья, в которой утверждалось, что начатое властями проведение политики увольнения работающих женщин в целях рассасывания мужской безработицы обречет сотни тысяч оставшихся не у дел немок на самоубийство или занятие проституцией. Когда после последовавшей в том же году смерти Президента Германии Гинденбурга активисткам женских организаций было отказано в праве на участие в официальной траурной церемонии, журнал откликнулся едким комментарием: «Бесчисленные представители иностранных правительств, каждое из которых при желании может ввергнуть нас завтра в пучину войны, присутствовали на похоронах “отца фатерланда”, но для матерей фатерланда там не нашлось места» [8, р. 24 – 25].

Несмотря на то, что подобные настроения не носили массового и, тем более, оппозиционного режиму характера, Гитлер считал необходимым в своих многочисленных публичных выступлениях разъяснять целесообразность и безальтернативность политического курса нацистов в женском вопросе. В 1935 г., обращаясь по случаю Дня партии с речью к членам «НС-Фрауеншафт»,

он отверг обвинения противников национал-социализма, утверждавших, что в Третьем рейхе женщина оказалась в ущемленном положении, поскольку смысл ее существования сведен исключительно к деторождению. «Быть матерью для женщины не унижение, – подчеркнул он. – Напротив, это ее величайшая честь. Нет ничего благороднее для женщины, чем быть матерью сыновей и дочерей народа» [8, р. 17]. Вернувшись к той же теме на партийном съезде 1937 г., фюрер отметил более высокий статус немецкой матери и домохозяйки по сравнению с женщиной, посвятившей жизнь достижению карьерного роста. По его мнению, мать, родившая и вырастившая пятерых, шестерых, семерых здоровых детей, внося таким образом вклад в обеспечение жизнеспособности немецкой нации в будущем, заслуживала неизмеримо большего уважения, нежели, например, женщина-адвокат [1, р. 49]. Харизма фюрера, усилия рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, соответствующих партийных инстанций привели к тому, что многие немецкие женщины с готовностью последовали обращенным к ним призывам. Посол США в Германии У. Додд оставил в своем дневнике датированную 12 июля 1934 г. запись о встрече с немкой, которая, показывая ему «фотографию своего ребенка – крепкого, здорового, шестимесячного малыша, ... не раз повторяла лозунг Гогенцоллернов, который Гитлер проповедует еще более рьяно, чем они: дело женщины: “Kirche, Kinder und Küche (церковь, дети и кухня)”» [9, с. 179–180].

Отводя женщине роль ключевого звена проводимой ими демографической политики и при этом хорошо осознавая ограниченность одного лишь лозунгового потенциала, нацисты разработали широкую программу стимулирующих мер как материального, так и морального характера. Так, уже с лета 1933 г. по предложению статс-секретаря рейхсминистерства финансов Рейнхардта молодоженам начали предоставляться беспроцентные, не облагавшиеся налогом ссуды. Они имели форму ваучеров, предназначенных для приобретения их обладателями в специально определенных магазинах розничной торговли мебели и бытовых товаров на сумму в 1000 рейхсмарок, выдача которых осуществлялась в соответствии с разделом 5 «Закона о сокращении безработицы» от 1 июня 1933 г. Согласно Положениям о выдаче брачных ссуд, представители немецкой нации, намеревавшиеся создать семью (обязательным условием также было отсутствие

генетически обусловленных заболеваний и расовых изъянов [10, р. 217]), могли подать соответствующее прошение еще накануне свадьбы. Для получения же ваучеров помимо оформления брачных отношений от кандидатов требовалось строгое соответствие следующим критериям: будущая жена должна была «а) проработать не менее шести месяцев в Германии в период между 11 июня 1931 г. и 31 мая 1933 г.; б) ... оставить свою работу не позднее дня бракосочетания или ... к моменту подачи заявления; в) ... дать обязательство не возвращаться на работу до тех пор, пока доход ее мужа (в соответствии с целями закона о подоходном налоге) составляет более 125 рейхсмарок (в месяц. – *Е.П., В.П.*) и до тех пор, пока брачная ссуда не будет полностью погашена...» [11, р. 365].

Содержавшийся в Положениях пункт о погашении ваучеров финансовыми ведомствами в кассах был призван способствовать скорейшему посткризисному восстановлению и развитию соответствующих сфер экономики.

Погашение ссуды производилось на льготной основе – из расчета 1 % в месяц. Первый взнос полагалось внести по истечении трех месяцев с момента ее получения [1, р. 46]. Кроме того, требование немедленного увольнения с места работы не распространялось на женщин, чьи мужья имели ежемесячный доход менее 125 рейхсмарок [7, р. 95, 111].

Основным источником финансирования указанной программы стал налог на бездетных холостяков, составлявший от 2 до 5 % от их дохода [12, р. 250]. Охарактеризовав «Закон о содействии заключению браков» как одну из принципиальных мер, направленных на рассасывание безработицы, и одновременно как главную законодательную основу стабильного роста в долгосрочной перспективе народонаселения и укрепления немецкой нации, Рейнхардт озвучил планы выдавать по 250 тыс. брачных ссуд ежегодно. Согласно приведенным им расчетам, в обозримом будущем численность наемных работниц сократится вдвое – с «нынешних» 6 до 3 млн, тогда как количество регистрируемых браков вырастет, по самым скромным подсчетам, на 200 тыс. в год, что благотворно скажется на показателях рождаемости [13, р. 92–93].

Поскольку, по словам рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, одним из основных факторов, позволявших тому или иному народу претендовать на мировое доминирование, являлась его «многодетность» [14, р. 335] (это мнение разделяли

все нацистские лидеры), власти Третьего рейха в своей демографической политике делали ставку на стимулирование образования максимально возможного числа многодетных семей, «имевших решающее значение для сохранения нации» (в качестве таковых они рассматривали полные «наследственно здоровые стабильные семьи», в которых насчитывалось не менее четырех детей, «имеющие решающее значение для сохранения нации») [15, р. 352]. С рождением каждого ребенка у супругов, взявших брачную ссуду, списывалось 25 % последней [11, р. 366]. Такой вариант погашения ссуды немцы окрестили как «расчет детьми» [12, р. 250]. Кроме того, для внесения очередного взноса государство предоставляло им отсрочку сроком на один год. Помимо брачных ссуд семьям, имевшим на иждивении несовершеннолетних детей, предоставлялись и иные льготы. В октябре 1934 г. сумма подоходного налога, выплачивавшаяся на каждого такого ребенка, была сокращена почти вдвое. Пособия работающим женщинам по случаю их выхода замуж, выплачивавшиеся некоторыми работодателями, не облагались налогом. С сентября 1935 г. многодетные семьи (главным образом те, в которых было более пяти детей) начали получать денежные пособия, составлявшие 100 имперских марок на каждого ребенка. Однако, вознаграждая лояльных соотечественниц «пряником», власти не забывали и о кнуте, предназначавшемся для фрау, проявлявших строптивость. В Гамбурге, например, в период с августа по октябрь 1933 г. нацистами был организован ряд акций с тем, чтобы оказать давление на одиноких женщин и побудить их к вступлению в брак и отказу от профессиональной деятельности [16, р. 291–292]. В период гитлеровского режима подобные меры широко применялись по всей Германии.

Они дали определенный позитивный эффект. В представленном Рейнхардтом 29 января 1935 г. отчете о достигнутых на тот момент результатах оздоровления германской экономики говорилось о том, что, по данным на 31 декабря 1934 г., в соответствии с имперским «Законом о содействии заключению браков» от 1 июня 1934 г. брачные ссуды на общую сумму в 200 млн рейхсмарок получила 365 591 семья, что позволило исключить из списков безработных не менее 500 тыс. человек. Это в свою очередь дало экономию около 250 млн имперских марок на выплате пособий по безработице. Рейнхардт также с гордостью констатировал тот факт, что уже в первый год канцлерства Гитлера число заключенных в стране

браков возросло на 27,3 % по сравнению с 1932 г., отметив сохранение соответствующей позитивной динамики и в дальнейшем. По его данным, в первом полугодии 1934 г. было заключено 334 567 брачных союзов, результатом которых стало появление на свет 576 843 младенцев, что превышало аналогичные показатели за тот же период 1933 г. на 81 975 и 86 503 соответственно [11, р. 366].

Все это привело к росту спроса населения на жилье, мебель и предметы домашнего обихода, вызвав подъем в соответствующих секторах экономики. Проблема обеспечения многодетных семей жильем была объявлена в Третьем рейхе важнейшей социально-политической задачей. В этой связи один из нацистских экспертов Лоэффлер отмечал, что среди всех построенных в 1935 г. квартир 43 % выпадало на тесные полутора- или двухкомнатные помещения, способные служить кровом бездетным супружеским парам или семьям, имевшим всего одного ребенка, но совершенно непригодные для полноценного проживания многодетных семей. Уже при появлении в таком жилище второго ребенка, подчеркивал он, возникали трудности, при наличии же трех или четырех детей подобное жилище превращалось в «инкубатор телесных и душевных недугов». Приходя к выводу о том, что маленькая квартира сама по себе служила преградой на пути расширения семьи, Лоэффлер призывал «убрать пугало тесных жилищ», на смену которым должно было прийти жилье, «ориентированное на полную семью», т. е. способное «предоставить жизненное пространство для 6–8 человек» [17, р. 298].

Однако процесс формирования необходимой для решения указанной проблемы нормативной правовой базы продвигался медленно. Только 20 апреля 1939 г., в очередной день рождения фюрера, появилось «Предписание об облегчении создания квартир для многодетных семей», под которым стояла подпись рейхскомиссара по вопросам ценообразования. Здесь стимулирование образования максимально возможного числа многодетных семей объявлялось принципиальным направлением политики народонаселения режима и непосредственно увязывалось с созданием для подпадавших под указанную категорию соотечественников соответствующих бытовых условий. Признавая невозможность решения в короткие сроки данной проблемы исключительно за счет ввода в эксплуатацию новых квартир, Предписание требовало от домовладельцев

при сдаче жилья внаем «отдавать предпочтение многодетным семьям», предусматривая для нарушителей этого требования наказания в виде уплаты штрафа в размере пяти тысяч имперских марок (пар. 3 Предписания). Средства, собранные таким образом, предполагалось израсходовать на возведение новостроек для многодетных семей. 15 июня 1939 г. последовало принятие носившего разъяснительный характер Предписания о реализации «Предписания об облегчении создания квартир для многодетных семей». Согласно пар. 1 этого документа, в качестве многодетной рассматривалась семья, в которой имелось не менее четырех несовершеннолетних представителей подрастающего поколения. В то же время ведомства, отвечавшие за политику ценообразования, наделялись правом в случае необходимости придавать статус многодетных семьям с тремя детьми [18, л. 239 – 240].

Констатируя в адресованном партийным функционерам письме зафиксированный в 1934 г. рост уровня рождаемости: 73 живых младенца на тысячу женщин фертильного возраста (в 1933 г. – 59) [19, р. 47], Р. Гесс тем не менее признал достигнутый результат все еще недостаточным [15, р. 356]. В 1936 г. в выступлении Рейнхардта на съезде нацистской партии были приведены следующие данные: 620 тыс. семей-получателей брачных ссуд дали жизнь 425 тыс. детей [1, р. 47].

Хотя, по нашему мнению, имеются веские основания считать вышеприведенную статистику существенно завышенной, определенная эффективность проводившейся политики была налицо. В результате анализа, проведенного английским историком Т. Мейсоном, всплыли следующие цифры: к 1938 г. на каждого из 3 млн детей, появившихся в 560 тыс. семей, было выплачено в виде пособий по 62 имперских марки. В среднем пособие составило 330 марок на семью. При этом часть указанной суммы получили семьи, в которых под одним кровом проживали совершеннолетние дети, уже не являвшиеся иждивенцами. В июле 1936 г. была введена еще одна мера стимулирующего характера: с этого времени семьям рабочих и служащих, ежемесячный доход которых не превышал 185 марок, на каждого пятого и последующего ребенка полагалось дополнительное вспомоществование в размере 10 имперских марок в месяц. По прошествии 15 месяцев вышеупомянутый потолок был поднят до 200 марок, в связи с чем право на соответствующие доплаты получили лица, обслуживавшие собственное

предприятие. В то же время на последних не распространялись новые положения, введенные в 1938 г., когда доход претендовавших на получение льгот семей был повышен до 650 имперских марок и была установлена выплата ежемесячных пособий в сумме 10 марок за каждого третьего и четвертого и 20 рейхсмарок на каждого последующего ребенка. Всего в период с 1936 по 1938 г. число детей, охваченных указанными пособиями, возросло с 300 тыс. до 2,5 млн. Все выплаты производились за счет средств Национального фонда страхования по безработице, в котором с 1934 г. скопились значительные нераспределенные средства [7, р. 96–97].

При проведении своей демографической политики нацисты отводили моральному стимулированию не менее важное место, нежели материальному. 16 декабря 1938 г. Гитлер подписал указ об учреждении Почетного креста немецкой матери, который имел три степени. Ежегодно в День матери (официальный государственный праздник, отмечающийся во второе воскресенье мая) представители руководства НСДАП торжественно вручали награду соотечественницам, подарившим нации не менее четырех детей. Крест первой степени был изготовлен из золота и предназначался для женщин, имевших не менее восьми детей. Матери шести-семи детей удоставались серебряного креста второй степени. Фрау же, родившие четырех-пятерых детей, награждались бронзовым крестом третьей степени. На оборотной стороне каждого креста было выгравировано: «Ребенок облагораживает мать!» [13, р. 134; 7, р. 101]. Церемонии награждения широко освещались в средствах массовой информации.

Таким образом, провозгласив материнство главной миссией немецкой женщины, нацисты ввели жесткую статусную градацию среди матерей, в основе которой лежала хорошо продуманная система материального и морального поощрения, степень которого находилась в прямо пропорциональной зависимости от весомости вклада, внесенного той или иной фольксгеносин в решение проблемы оздоровления нации.

Хотя реализация указанных мер принесла свои плоды, успехи национал-социалистической демографической политики оказались значительно скромнее, нежели те, на которые рассчитывали власти нацистской Германии. Если в 1932 г. количество бракосочетаний на каждую тысячу человек населения составляло 7,9, то в 1933 г. оно увеличилось до 9,7, а в 1934 – до 11,2.

Затем кривая рождаемости вновь поползла вниз: в период 1935–1938 г. ее колебания происходили в пределах между 9,1 и 9,7, и лишь в 1939 г. удалось вновь выйти на уровень 1934 г. [1, р. 44], что ненамного превышало средние показатели 1920-х гг. и явилось одним из последствий преодоления кризиса в экономической сфере [7, р. 96]. Видимо, отчасти столь скромные показатели объяснялись введением обязательных трудовой и в особенности воинской повинности для молодежи. На протяжении всего периода прохождения военной службы, составлявшего 2,5 года, заработок молодых немцев был недостаточен для создания семьи, что негативно сказалось на количестве ранних браков [7, р. 105]. Кроме того, соотношение числа регистрируемых и расторгаемых браков складывалось не в пользу первых [20, р. 192] (впрочем, та же тенденция была характерна и для других промышленно развитых государств). Хотя отношение самого Гитлера к разводам было резко отрицательным (он приравнивал их к дуэлям) [21, с. 35], законодательством, принятым в 1938 г., к уже имевшимся основаниям для расторжения брака были добавлены новые: супружеская измена, бездетность, несоответствие супругов официальным расовым критериям, «евгеническая слабость», аморальное поведение, наличие венерических заболеваний. Многие супруги (в 80 % случаев – мужья) поспешили воспользоваться вновь предоставленными возможностями, в связи с чем число разводов подскочило более чем на 20 % [20, р. 192]. При этом, если в 1910/1911 г. на каждую тысячу способных к деторождению женщин приходилось 128, а в 1922 г. – 90 живых новорожденных, то соответствующие показатели, достигнутые в Третьем рейхе в довоенный период, несмотря на значительное расширение сети родильных домов, заметное сокращение детской и материнской смертности [7, р. 99], оказались значительно скромнее, составив в 1933 г. 59, в 1934 – 73, в 1935–1937 – 77, в 1938 – 81 и в 1939 г. – 85 младенцев [15, р. 367].

В 25,9 % семей, возникших в 1929 кризисном году и не распавшихся к концу 1934 г., детей не было вообще, в 36,4 % из них имелся лишь один ребенок; для брачных союзов, образовавшихся в 1933 г. и продолжавших существовать в декабре 1938 г., соответствующие показатели составляли 33,1 и 26,9 %. В целом около 20 % всех семей, возникших в период 1929–1933 гг., оставались бездетными к 1939 г. Рассматривая такое положение как саботаж

проводимой ими демографической политики, особенно нетерпимый в условиях интенсивной подготовки нации к войне, власти на 40 % повысили налог на бездетность для семей, которые просуществовали не менее пяти лет и за это время не позаботились об обузаведении потомством [7, р. 103].

В то же время в семьях, воспользовавшихся брачными ссудами, наблюдался рост рождаемости. Так, в 1934 г. он составил 11%, в 1937 – 17,5, в 1939 – 20,5 и, наконец, в 1940 г. – 22 %. Впрочем, исходя из того, что, по данным на осень 1933 г. брачные ссуды были предоставлены более 30 %, а в конце 1930-х гг. их получили свыше 40 % семей [1, р. 47], мы приходим к выводу о том, что причины указанного роста статистики рождаемости в значительной степени коренятся в процессах оздоровления экономики Германии, пришедшего на смену кризисным годам, и в несколько меньшей мере обусловлены мерами, предпринятыми национал-социалистами с целью улучшения демографической ситуации.

Рассматривая проблему статуса фрау в Третьем рейхе, нельзя не остановиться и на тех требованиях, которые нацисты, отказывая женской части нации в праве на наличие амбиций в профессиональной сфере, предъявляли к их профессионализму в ипостасях матери и домохозяйки. Здесь, по мнению идеологов национал-социализма, требовался вполне определенный уровень квалификации. Для приобретения такового Имперская материнская служба и специально образованный концерн «Национальная экономика/Домашняя экономика» организовали широко разрекламированные в средствах массовой информации курсы домохозяек. Проходившие в их рамках занятия по домоводству сочетались с идеологической обработкой обучавшихся. Так, женщинам, постигавшим в ходе обучения премудрости кулинарии, кройки и шитья, одновременно внушалась настоятельная необходимость использования во всех случаях исключительно отечественных продуктов и материалов. Диплом «домохозяйки-мастера», выдававшийся по истечении срока обучения каждой женщине, должен был, по расчетам нацистов, способствовать повышению ее общественного статуса и привести ее к осознанию связанной с этим персональной ответственности за оздоровление и жизнеспособность нации [22, р. 164].

Нацистская пропаганда прилагала немалые усилия с целью убедить соотечественниц в том,

что ситуация в каждом отдельно взятом домашнем хозяйстве оказывает определяющее влияние на положение дел в имперской экономике в целом. Утверждалось, что успешное развитие последней, в значительной степени измерявшееся степенью достижения автаркии, напрямую зависело от умеренности в повседневных расходах. В этой связи домохозяйкам предлагалось продемонстрировать свой профессионализм, упрощая рацион семейного питания: использовать вместо мяса рыбу, а вместо натурального масла искусственные жиры, не выбрасывать пищевые остатки, носить одежду из синтетического волокна и т. п. [7, р. 100 – 101; 22, р. 163]. Более того, продукты питания не следовало закупать впрок, поскольку это могло привести к возникновению их дефицита в масштабах всего рейха [8, р. 102]. В одной из многочисленных пропагандистских публикаций льстиво утверждалось, что квалифицированная немецкая домохозяйка по своей значимости ничем не уступала министру экономики, и подчеркивалось: если женщины проникнутся этой мыслью, то это снимет тяжелую ношу с плеч фюрера и его «экономического штаба» [13, р. 101]. Благополучие всей германской экономики зиждется на кастрюле немецкой домохозяйки, утверждала активистка «НС-Фрауеншафт» А. Цюльке в опубликованной ею в 1934 г. книге «Задача женщины, работа женщины в Третьем рейхе» [13, р. 27].

Те же идеи обосновывались в имевшей директивный характер публикации рейхсфюрерин из той же организации Г. Шольц-Клинк: «Обязанность и задача женщины в национал-социалистическом государстве». Здесь женщине-домохозяйке придавался статус «одного из важнейших факторов национальной экономики». При этом основной акцент в очередной раз делался на тех успехах, которых последняя могла достичь в случае экономного ведения хозяйства во всех без исключения семьях. Свои призывы Шольц-Клинк подкрепляла следующим примером. Если в каждой из 17,5 млн немецких семей, писала она, в неделю выбрасывается ломтик хлеба весом всего лишь в 50 г, то в месяц эти потери составят 8750 ц, а в год достигнут астрономической цифры в 455 тыс. ц, для перевозки которых потребовалось бы четыре тысячи товарных вагонов [13, р. 29].

В конечном итоге курс на ускоренную подготовку Германии к войне, в ходе реализации которого на смену массовой безработице пришла проблема нехватки квалифицированной рабочей

силы в ключевых хозяйственных отраслях, вынудил национал-социалистов принести провозглашенный ими в качестве идеального образа хаузфрау в жертву потребностям экономики. Теперь государственным и партийным пропагандистским структурам и подконтрольным им средствам массовой информации пришлось совершать стремительный разворот на 180 градусов и проводить широкомасштабную агитационную кампанию за возвращение соотечественниц на предприятия и в офисы. Лозунг: «Место женщины дома!» был заменен на: «Наш дом – Германия, где бы мы ей ни понадобились!» [23, р. 247]. Произведенный нацистскими экспертами анализ потребностей германской экономики в рабочей силе в случае начала войны содержал категоричный вывод: без «широкого привлечения женщин в экономику и в сферу управления» будет невозможно осуществить мобилизацию в вооруженные силы занятых на производстве мужчин, пригодных для прохождения армейской службы в военное время [24, р. 215]. Хотя о полном отказе от первоначальных идеологических установок речь не шла, еще до начала Второй мировой войны 37 % женского населения рейха было занято в различных сферах производства, что превышало показатели периода Веймарской республики [25, р. 664]. В военный период эта тенденция получила дальнейшее развитие.

Литература

1. Stephenson J. *Women in Nazi Society*. L., 1975.
2. Schoenbaum D. *Hitler's Social Revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939*. N. Y., 1966.
3. Lubasz H. *Fascism. Three Major Regimes*. N.Y., 1973.
4. *The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 - August 1939*. V. 1. L., 1942.
5. Гитлер А. *Моя борьба*. Ашхабад : Т-Око, 1992.
6. РГВА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 7.
7. Mason T. *Women in Germany, 1925-1940: Family, Welfare and Work. Part 1 // History Workshop*. 1976. N 1.
8. Rupp L. J. *Mobilizing Women for War. German and American Propaganda 1939-1945*. Princeton (N.J.), 1978.
9. *Дневник посла Додда*. М. : Соцэкгиз, 1961. 568 с.
10. Peukert D. J. K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life*. New Haven; L., 1987.

11. Noakes J., Pridham G. *Documents on Nazism, 1919-1945*. N. Y., 1975.
12. Burleigh M., Wippermann W. *The Racial State: Germany 1933 – 1945*. Cambridge, 1992.
13. Kuhn A., Rothe V. *Frauen im deutschen Faschismus*. Bd. 1. Düsseldorf, 1987.
14. Strobl G. *The Bard of Eugenics: Shakespeare and Racial Activism in the Third Reich // Journal of Contemporary History*. 1999. Vol. 34. № 3.
15. Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen": the League of Large Families in the Popular Policy of Nazi Germany // *European Studies Review*. 1979. Vol. 9. No. 3.
16. Wulff B. *The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work-Creation Schemes in Hamburg 1933-1934 // Evans R. J., Jeary D. (Eds.). The German Unemployed. Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich*. L.; Sydney, 1987.
17. Loeffler L. *Rassen – und Siedlungspolitik // Reichsplanung*. 1936. No. 10.
18. РГВА. Ф. 720. Оп. 7. Д. 35.
19. *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*. 1938. Berlin, 1938.
20. Koonz C. *Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics*. N.Y., 1987.
21. Пукер Г. *Застольные разговоры Гитлера*. Смоленск : Русич, 1993. 485 с.
22. Stephenson J. *The Nazi Organisation of Women*. L., 1980.
23. Bry G. *Wages in Germany. 1871-1945*. Princeton, 1960.
24. Gassner G. *Zwischen, Kindern, Küche und Kanonen. Die Arbeit der Münchnerinnen in Zweiten Weltkrieg // Kraft S. Zwischen den Fronten. Münchner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950*. München, 1995.
25. Hermand J. *All Power to the Women: Nazi Concepts of Matriarchy // Journal of Contemporary History*. 1984. Vol. 19. No. 4.

References

1. Stephenson J. *Women in Nazi Society*. London, 1975.
2. Schoenbaum D. *Hitler's Social Revolution: class and status in Nazi Germany. 1933-1939*. New York, 1966.
3. Lubasz H. *Fascism. Three Major Regimes*. New York, 1973.
4. *The Speeches of Adolf Hitler. April 1922 - August 1939*. Vol. 1. London, 1942.

5. Gitler A. *Moya bor'ba* [Mein Kampf]. Ashgabat, T-Oko, 1992.
6. RGVA. Fund 1355. In. 1. File 7.
7. Mason T. Women in Germany, 1925-1940: Family, Welfare and Work. Part 1. *History Workshop*. 1976, No. 1.
8. Rupp L. J. *Mobilizing Women for War. German and American Propaganda 1939-1945*. Princeton (N.J.), 1978.
9. *Dnevnik posla Dodda* [Diary of Ambassador Dodd]. Moscow, Sotsekiz, 1961, 568 p.
10. Peukert D. J. K. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life*. New Haven; London, 1987.
11. Noakes J., Pridham G. *Documents on Nazism, 1919-1945*. N. Y., 1975.
12. Burleigh M., Wippermann W. *The Racial State: Germany 1933 - 1945*. Cambridge, 1992.
13. Kuhn A., Rothe V. *Frauen im deutschen Faschismus*. Bd. 1. Düsseldorf, 1987.
14. Strobl G. The Bard of Eugenics: Shakespeare and Racial Activism in the Third Reich. *Journal of Contemporary History*. 1999, vol. 34, No. 3.
15. Stephenson J. "Reichsbund der Kinderreichen": the League of Large Families in the Popular Policy of Nazi Germany. *European Studies Review*. 1979, vol. 9, No. 3.
16. Wulff B. The Third Reich and the Unemployed: National Socialist Work-Creation Schemes in Hamburg 1933-1934. Evans R. J., Jeary D. (Eds.). *The German Unemployed. Experiences and Consequences of Mass Unemployment from the Weimar Republic to the Third Reich*. London; Sydney, 1987.
17. Loeffler L. Rassen – und Siedlungspolitik. *Reichsplanung*. 1936, No. 10.
18. RGVA. Fund 720. In. 7. File 35.
19. *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich*. 1938. Berlin, 1938.
20. Koonz C. *Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics*. New York, 1987.
21. Piker G. *Zastol'nye razgovory Gitlera* [Talks of Hitler at the Table]. Smolensk, Rusich, 1993, 485 p.
22. Stephenson J. *The Nazi Organization of Women*. London, 1980.
23. Bry G. *Wages in Germany. 1871-1945*. Princeton, 1960.
24. Gassner G. Zwischen, Kindern, Küche und Kanonen. Die Arbeit der Münchnerinnen in Zweitem Weltkrieg. Kraft S. *Zwischen den Fronten. Münchner Frauen in Krieg und Frieden 1900-1950*. München, 1995.
25. Hermand J. All Power to the Women: Nazi Concepts of Matriarchy. *Journal of Contemporary History*. 1984, vol. 19, No. 4.

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ И ИЗМЕНЕНИЕ УКЛАДА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ

© 2017 г. А.В. Сароглиди^а

^аЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE AGITATION AND PROPAGANDA ACTIVITIES OF THE RED ARMY OF THE WORKERS AND PEASANTS IN THE DON REGION IN THE 1920S AND CHANGING WAY OF LIFE OF THE YOUTH

A. V. Sarogliidi^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Сароглиди Ангелина Владимировна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: anvel483@yandex.ru

Angelina V. Sarogliidi –
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: anvel483@yandex.ru

Рассматривается агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) в Донской области в 1920-е годы XX века. Отмечается, что РККА выступила в качестве силы, способной инкорпорировать молодых людей, проживающих на Дону, в обновленное революционными потрясениями общество. Раскрываются причины, по которым несмотря на кажущуюся простоту проблема взаимодействия органов советской власти, в первую очередь в лице РККА, с молодежью достаточно сложна. Одна из причин, называемых автором, связана с выбором, заданным Гражданской войной, которая разделила общество на красных и белых.

Ключевые слова: агитационно-пропагандистская деятельность, система советской агитации и пропаганды, Рабоче-Крестьянская Красная Армия, Гражданская война, молодежь Дона.

The article considers agitation and propaganda activities of the Red Army of the workers and peasants in the Don Region in the 1920s. It is noted that the Red Army acted as a force capable of incorporating young people living on the Don into a society renewed by revolutionary upheavals. The reasons for which, despite the seeming simplicity, the problem of interaction between the bodies of the Soviet power, primarily the Red Army, with the youth is quite complex. One of the reasons considered by the author is connected with the choice given by the Civil War, which divided the society into reds and whites.

Keywords: agitation and propaganda activities, the system of Soviet agitation and propaganda, the workers and peasants Red Army, the Civil War, the Don youth.

Октябрьская революция 1917 г., изменившая судьбу России в XX в., была не до конца понятной для масс – многие люди, не видевшие большой разницы между большевиками и другими революционерами, задавались одним и тем же вопросом: что же будет дальше?

После победы большевиков продолжился процесс разрушения прежней системы органов власти и в то же время началось формирование новой советской государственной «машины». Одним из неперемennых условий существования

последней было завоевание поддержки миллионов людей. Решающая роль в этом процессе отводилась идеологической работе. Для ее осуществления были необходимы разнообразные, а главное действенные средства и механизмы распространения идеологических формул и установок в народе, выступающие в роли призмы, через которую должен был восприниматься окружающий мир.

Формирование мировоззренческих ориентаций молодежи на Дону во втором десятилетии

XX в. тесно связано с агитационно-пропагандистской деятельностью органов советской власти в Донской области, административной единицы, существовавшей с 20 марта 1920 г. по 13 февраля 1924 г. на территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Вполне очевидно, что пришедшие к власти большевики оказали значительное влияние на политические и социально-экономические процессы в регионе, выступив в качестве силы, способной инкорпорировать молодых людей в обновленное революционными потрясениями общество.

К сожалению, в отечественной исторической науке практически отсутствуют специальные работы, посвященные указанной проблематике. По мнению О.В. Баевой, пытаясь переосмыслить советское прошлое, историческая наука во многом добилась успехов, но еще остается во власти некоторых стереотипов того времени [1, с. 3]. Общепринятым является лишь тот факт, что с 1918 по 1924 г. вопросы, связанные с агитацией и пропагандой, имели для большевиков первостепенное значение, так как они искали опору в народе. Необходимо было донести свои идеи до широких масс и повести их за собой [2, с. 11]. Развернуть такую деятельность в условиях неграмотности изрядной части населения страны и отсутствия средств массовой информации в современном их понимании, большевики смогли при поддержке Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

А.Ю. Рожков отмечает, что «уже в начале Гражданской войны большевики осознали, что вооруженное войско может стать полноценной армией только при условии строжайшей дисциплинированности и организованности, а также мощной пропаганды, в которой большевики были особенно сильны» [3, с. 376]. Собственно Гражданская война, разделившая страну на красных и белых, породила небывалое для дореволюционной России количество пропагандистской продукции – плакатов, листовок, брошюр и т.п. По мнению Л.А. Булавки, события этого периода, едва ли не каждого ставили перед простой, но зачастую смертельно жесткой альтернативой: так ты за красных или за белых? Заставляя выбирать адекватную своим интересам форму их выражения [4, с.25]

Анализируя сложившуюся ситуацию вокруг красной и белой пропаганды, отечественные исследователи отмечают как факторы, повлиявшие на успешность первой: ее систематичность и

длительность, уровень профессионализма, степень системности, тотальный охват населения, массированность, т.е. объем информации на душу населения; понятность и доступность [5], так и на бездарно-бюрократический характер второй, которая не отвечала, по их экспертному мнению, духу времени [6, с. 342]. Так, Н. Козлова, анализируя дискурсивные практики советских людей, их воспоминания, семейную переписку, дневники, а также «письма трудящихся» в газеты и журналы, приходит к выводу, что «входя в галактику Гуттенберга [люди] получали из рук государства, представленного в том числе большевистскими просветителями, соответствующий принцип видения. Обучение грамоте было введением в политику. Родная речь, которой овладевали в школе, была языком власти. Дети и молодежь дышали им, как дышат воздухом» [7, с.199].

Советская власть в 1920-х гг. активно создавала собственную систему политических символов, в которых, как отмечает А.С. Бочкарева, происходило пересечение и взаимодействие культуры, искусства, политики, психологии, экономики, математики, социологии, права и многих других аспектов, присущих политической пропаганде как явлению [8, с. 23]. Молодые люди с крестьянским прошлым, пытаясь обучиться новым названиям элементов мира и таким образом упорядочить собственное пространство жизни, найти свое место в нем, встраивались в систему. Например, Н. Козлова отмечает «фетишистское отношение к текстам вождей – Маркса, Ленина, Сталина». Их имена, по мнению исследователя, занимают ключевое место в ценностно-семантическом поле массового сознания советского человека, а их книги обладают таким содержанием, глубины которого он постичь не в состоянии априорно, поскольку подвергнуть сомнению язык указанных классиков нельзя, им можно, даже если он непонятен и непостижим, «наслаждаться» тактильно, трогая книгу [7, с. 198–200].

Агитационно-пропагандистская деятельность на Дону началась сразу же после установления Советской власти и образования на территории Области войска Донского – Донской Советской республики 23 марта 1918 г. Как и по всей России, на Дону имели место быть социальные противоречия, «которые дополнялись острым противостоянием относительно обеспеченного в земельном отношении казачества и иногороднего

безземельного крестьянства. Практическая деятельность различных политических партий и казачьего Войскового круга, разнородных социальных интересов объективно обостряли политический кризис и привели к вооруженной конфронтации» [9, с. 124–125].

Известие о вооруженном восстании в Петрограде стало сигналом для Советов Дона, которые опирались на безусловную поддержку малоимущих слоев населения, к немедленному захвату власти. Историки отмечают, что, не обладая еще реальной властью, большевики с помощью популистских декретов пытались завоевать доверие населения, призывая его к самостоятельности, революционному творчеству, умело направляя ненависть общественных низов к старым порядкам [10, с. 1358]. На Дону после падения кабинета Керенского казачество в основном перешло на позиции нейтралитета. В частности, казаки, участвовавшие в Первой мировой войне, симпатизировали предложенному большевиками «Декрету о мире», хотя с большим сомнением относились к «Декрету о земле» [9, с. 125]. Установление Советской власти на Дону сопровождалось вооруженными схватками революционеров и их противников (А. М. Каледин, генералы Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев). В. И. Ленин, выступая в марте 1919 г. в Народном доме в Петрограде, заявил: «Наши победы на Дону стали возможны исключительно благодаря усилию партийной и культурно-просветительской деятельности в рядах Красной Армии. Это вызвало психологический сдвиг, и в итоге наша Красная Армия завоевала для нас Дон» [11, с. 35–36]. К апрелю 1920 г. было завершено освобождение Донской области от белогвардейцев.

Вопрос о взаимоотношениях органов Советской власти с молодежью на Дону в начале XX в., несмотря на кажущуюся простоту, достаточно сложен по нескольким причинам.

Во-первых, невозможно однозначно охарактеризовать формат такого взаимодействия, поскольку изначально представители новой власти привлекали для осуществления пропаганды и агитации неспециалистов, перед которыми ставилась задача подорвать идейные позиции противников Советской власти и ликвидировать их влияние на местное население. Пропагандистско-агитационные установки большевиков распространялись на все сферы, даже те, которые казались были совсем мало пригодны для этого. Так, в своих воспоминаниях Л. Троцкий отме-

чает, что творчество было значительным фактором успеха многих военных операций: «Без новых и новых импровизаций во всех областях война была бы для нас невыносимой. Поезд был инициатором таких импровизаций и их регулятором». Речь идет о бронепоездах, которые, приезжая в те или иные места, становились для местного населения электрической станцией, библиотекой, баней, телеграфом, типографией и многим другим, что позволяло поднять жизнь на местах хотя бы на время [цит. по: 4, с. 19].

Во-вторых, заинтересованность молодежи в сотрудничестве с властными и общественными структурами на местах требовала выбора такого формата взаимодействия, который должен был соответствовать интересам молодого поколения: агитспектакли, бичевавшие «пережитки капитализма» или моральное разложение под «буржуазным влиянием» части молодежи. Юноши и девушки не только активно вовлекались в художественную самодеятельность, но и были действующими лицами. Этому в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что доступ в театральные студии был открыт для всех желающих. Театр позволил десяткам тысяч молодых людей по всей стране в живом непосредственном диалоге с другими выговаривать и проговаривать важнейшие вопросы и ответы по поводу бытия в нарождающейся новой жизни [4, с. 41–42].

В-третьих, сложным оставался и вопрос гражданского самоопределения молодежи, поскольку его решение было сопряжено с выбором, о котором говорилось выше. Этот процесс был мучительным не только для молодых людей, но и всего населения в целом. Трудно не согласиться с тем, что период 20-х гг. прошлого века отличался высокой степенью политизации всех сфер жизни. Революция, по мнению исследователей, заставила едва ли не каждого человека если не прямо включаться в политику, то в любом случае позиционировать себя в этой реальности [4, с. 68–69].

Итак, последовавший после Октябрьской революции социальный взрыв в форме Гражданской войны задал вектор развития общества. Система советской агитации и пропаганды на первом этапе сформировалась вокруг армии, на вызовы которой и откликнулась молодежь. Именно у юношей и девушек, по большей части необразованных, но благодаря РККА включенных в революционные массы под действием пропагандистских лозунгов, начали формироваться культурно-просветитель-

ские потребности. Во многом этому способствовала деятельность большевиков в деле ликвидации безграмотности (26 декабря 1919 г. был издан соответствующий Декрет, который обязывал всех граждан от 8 до 50 лет обучаться грамоте), изменение парадигмы образования, главными принципами которой стали: светскость, бесплатность, создание новой рабоче-крестьянской интеллигенции [12]. Несмотря на то, что систему агитации и пропаганды первых лет Советской власти отличают гибкость и разнообразие применяемых средств, массовость, собственно осмысление системы невозможно без понимания её связи с армией и просвещением (образованием) молодежи. Представляется, что большевистская пропаганда стремилась не только расширить лагерь своих сторонников, но и была нацелена на создание нового человека.

Литература

1. Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2007. 32 с.
2. Трубников С. Становление системы советской агитации и пропаганды (1918–1924 гг.) // Суть времени. 2015. № 145. 16 сент. С. 11–16.
3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
4. Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008. 288 с.
5. Шишова У.Д., Ширяева-Бакшевникова В.Н. Сравнительный анализ политической пропаганды белых и красных в Северной области в период Гражданской войны 1918–1920 гг. // Студенческий научный форум : V Междунар. студ. электр. конф. URL: <http://econf.rae.ru/article/8375> (дата обращения: 13.04.2017).
6. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск : Харвест, 1999. 448 с.
7. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М. : Европа, 2005. 544 с.
8. Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2007. 29 с.

9. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (От Земли Войска Донского до наших дней). Ростов н/Д., 2007. 328 с.

10. История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А.Н. Сахарова. М. : АСТ, 2017. 1744 с.

11. Ленин В.И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде. 13 марта 1919 г. : газетный отчет // Полн. собр. соч. М. : Политиздат, 1969. Т. 38. С. 33–38.

12. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

References

1. Baeva O.V. *Kul'turnaya zhizn' Donskogo kraja v 1920-e gody* : avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [Cultural Life of the Don People in the 1920s]. Rostov-on-Don, 2007, 32 p.
2. Trubnikov S. Stanovlenie sistemy sovetskoi agitatsii i propagandy (1918–1924 gg.) [The Formation of the System of Soviet Agitation and Propaganda (1918-1924 gg.)]. *Sut' vremeni*. 2015, No. 145, 16 Sept., pp. 11-16.
3. Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 640 p.
4. Bulavka L.A. *Fenomen sovetskoi kul'tury* [The Phenomenon of Soviet Culture]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2008, 288 p.
5. Shishova U.D., Shiryaeva-Bakshvnikova V.N. [Comparative Analysis of Political Propaganda of White and Red in the Northern Region during the Civil War of 1918-1920]. *Studencheskii nauchnyi forum* [Students scient. forum]. V Intern. Stud. Electr. Conf. Available at: <http://econf.rae.ru/article/8375> (accessed 13.04.2017).
6. Krys'ko V.G. *Sekrety psikhologicheskoi voiny (tseli, zadachi, metody, formy, opyt)* [Secrets of Psychological Warfare (goals, tasks, methods, forms, experience)]. Minsk, Kharvest, 1999, 448 p.
7. Kozlova N. *Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii* [Soviet People. Scenes from History]. Moscow, Evropa, 2005, 544 p.
8. Bochkareva A.S. *Politicheskaya propaganda i agitatsiya partiino-sovetskikh organov vlasti na Kubani v 20-e gg. XX veka* : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Political Propaganda and Agitation of Party

and Soviet Authorities in the Kuban in the 20-ies XX century]. Krasnodar, 2007, 29 p.

9. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. *Istoriya Rostovskoi oblasti (Ot Zemli Voiska Donskogo do nashikh dnei)* [The History of the Rostov Region (From the Land of the Don Army to our Days)]. Rostov-on-Don, 2007, 328 p.

10. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Russia from Ancient Times

to Our Days]. Ed. A.N. Sakharov. Moscow, AST, 2017, 1744 p.

11. Lenin V.I. [Speech at the Meeting in the People's House in Petrograd. March 13, 1919: the Newspaper Report]. *Com. col. of works*. Moscow, Politizdat, 1969, vol. 38, pp. 33-38.

12. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti* [Center for Documentation of the Newest History of the Rostov Region]. Fund 5. In. 1. File 35. L. 40.

Поступила в редакцию / Received

2 мая 2017 г. / May 2, 2017

УДК 94

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-76-83

ВЕДОВСКИЕ ПРАКТИКИ В ШОТЛАНДИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

© 2017 г. Н.В. Филатова^а

^аЮжный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

WITCHING PRACTICES IN EARLY MODERN SCOTLAND

N.V. Filatova^а

^аSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Филатова Надежда Владимировна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: contact@viaregina.ru

Nadezhda V. Filatova –
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: contact@viaregina.ru

Анализируются различные уровни ведовских практик: вербальный, вещественный и акциональный. Сочетания специальных слов, предметов и жестов отражают способы кодирования и воспроизводства смыслов, наполняющих самые разнообразные магические манипуляции. Объективация внутренних смыслов возможна только в конкретном культурно-психологическом контексте, образуемом в процессе межличностного общения, когда из массы значений выбирается единственное, которое становится объективно существующим элементом образованной двумя или более участниками intersубъективной реальности. В Шотландии раннего Нового времени ведовские практики приобретают не известное прежде содержание и социальное назначение: не утрачивая традиционной функции медиации и коммуникации, они абсолютизируются и демонизируются, получают антихристианский окрас, подвергаются не только общественному порицанию, но и законодательному преследованию.

Ключевые слова: история Шотландии, ведовские практики, охота на ведьм, шотландское ведовство, магические ритуалы, Изобель Гоуди, ведовская мифология.

The article attempts to identify and analyze different levels of witching practices: verbal, material and actional. Constellations of special words, objects and gestures reflect ways of coding and reproduction of meanings that fill a variety of magical manipulations. Objectification of inner meanings is possible only in the specific cultural and psychological context, formed in the process of interpersonal communication. From variety of values the only one that becomes an objectively existing element formed by two or more participants of intersubjective reality is selected. In Early Modern Scotland witching practices acquire an unknown content and social purpose. Without losing traditional mediating and communicating functions, they are absolutized and demonized, receive anti-Christian lean, exposed both to public censure and legislative persecution.

Keywords: history of Scotland, witching practices, witch-hunt, Scottish witchcraft, magic rituals, Isobel Gowdie, witching mythology.

Исследуются ведовские практики как элемент повседневной культуры раннемодечной Шотландии. В них отсутствует привычная нам, но отнюдь не предзаданная рациональная объективность, и присутствуют свойственные мифологическому мировоззрению объективации. Основой любых магических ритуалов служит индуцирование желательных объективных изменений посредством субъективных манипуляций соответствующими случаю знаками и символами. При

этом гетерогенные явления воспринимаются включенными в ведовскую мифологию индивидами как части целостного процесса, объединенные на смысловом уровне. Носителям рационалистического мировоззрения подобная связь может казаться абсурдной, сформированной случайным образом, в духе кэрролловской логики (если есть море, значит, должен быть вокзал), однако в пределах дорационалистической парадигмы психологические символические связи

действуют не менее прочно и эффективно, чем физические пространственно-временные.

Структура статьи подразумевает несколько искусственное разграничение «реального» и «мыслимого» ведовства, т. е. магических манипуляций и их репрезентации. В первую очередь сосредоточимся на «реальных», сложившихся ритуальных практиках, чрезвычайно разнообразных как в раннее Новое время, так и сейчас. К категориям традиционной магии относятся ритуальные слова, предметы и действия, сообщения о которых содержат некоторые судебные документы периода охоты на ведьм.

Задача исследования практического аспекта ведовства существенно осложняется отсутствием не искажающих смысл и назначение ведовских практик письменных исторических источников. Сталкиваясь с необходимостью изучать ведовство сквозь призму его дьявологической интерпретации, наложенной в ходе расследований, не всегда можно различить идеи, часто скрытые за одними и теми же словами обвиняемых и судей, даже нельзя с уверенностью утверждать, что подобное разделение было бы корректным. Вместе с тем попытаемся решить означенную задачу при помощи феноменологического анализа тех немногих сообщений, которые более или менее подробно описывают ведовские ритуалы.

На материале судебных документов и их интерпретаций, относящихся к ведовским практикам, можно наблюдать разнообразные дискурсивные игры, разворачивающиеся между ведьмами и агентами власти, а также между увлеченными проблемой ведовства представителями различных исторических эпох. Наиболее адекватное представление о ведовстве и магии в Шотландии раннего Нового времени содержат обвинительные акты, в которых фиксировались жалобы и показания свидетелей. При этом средства и манера описания ведовских ритуалов имеют не меньший эвристический потенциал, чем их содержательная часть. К примеру, события, представленные в ведовских процессах, могут быть интерпретированы их участниками одновременно как реальные и вымышленные: когда секретарь фиксирует описания встреч ведьмы с дьяволом, он подходит к этому как к реальности, а когда речь заходит об эльфах, как к вымыслу.

Немаловажными источниками для исследования шотландских ведовских практик являются признательные показания обвиняемых, сохранившиеся в судебных архивах. Особую ценность

представляют собой признания жительницы хут. Лохлой Изобель Гоуди, данные ею в апреле 1662 г. в Олдерне. Согласно утвердившемуся в научном сообществе мнению, Гоуди дала подробнейшие описания магических манипуляций без доноса соседей и ошутимого насильственного принуждения следователей. По одной из точек зрения, она страдала делирием или другой формой психоза, сопровождавшегося галлюцинациями, что тем не менее не помешало ей запомнить или сочинить и воспроизвести целые массивы стихотворных заклинаний, имеющих некоторую художественную ценность и впоследствии вошедших в антологию женской поэзии Нового времени. Четыре признания, данные Гоуди в Олдерне в 1662 г., уникальны не только из-за тщательной детализации, но также из-за кажущейся искренности, чрезвычайно редко встречающейся в делах о ведовстве.

Устоявшаяся классификация ведовских практик предполагает различие магических манипуляций по их целям, в этом случае выделяются ритуалы посвящения, сопровождения, предсказания, лечебная, любовная, хозяйственная, апотропическая, метеорологическая и вредоносная магия. Менее описательным, но более аналитически ориентированным представляется выявление трех универсальных уровней магических манипуляций – вербального, вещественного и акционального по классификации Н.И. Толстого [1]. Эти уровни отражают способы кодирования и воспроизводства смыслов, наполняющих самые разнообразные магические манипуляции. Слова, действия и вещи представляют собой три взаимосвязанных знаковых системы – систему вербальных, жестовых знаков и материальных артефактов.

При помощи соответствующих знаков выражается та или иная субъективная установка. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что знаки могут иметь самые разнообразные значения, но в конкретном контексте, образуемом в процессе межличностного общения, из массы значений выбирается единственное, которое становится объективно существующим элементом образованной двумя или более участниками субъективной реальности [2, с. 62–64]. Другими словами, представленный в суде эпизод употребления какого-либо предмета в магических целях не вызывал последовательной критики у судей, поскольку для них этот предмет также был знаком магических манипуляций. Следовательно, события, произошедшие с истцом после употребления предполагаемой ведьмой данного предмета,

были вызваны ее магическим воздействием. Сказанное означает, что знаковые системы могут служить и сигналами, и инструментами ведовских практик.

Вербальный уровень отражает устойчивые вербальные формулы, имеющие ритуальное значение – заклинания, заговоры, молитвы, содержащиеся в признательных показаниях ведьм. Кроме того, к этой категории относятся слова, контекстуально причисленные к ведовским – проклятия, оскорбления, угрозы, известные нам из показаний свидетелей. Данный уровень ведовских практик базируется на представлении о сакральном статусе слова и особенно ряда словарных категорий, среди которых в первую очередь имена сверхъестественных существ, к которым апеллирует ведьма. В период господства идеи благочестивого государства эти имена приобрели максимальную аксиологическую наполненность. Известно, что различные модификации имени дьявола в обыденной речи имели выраженный инвективный эффект, однако доподлинно установить, насколько часто оно употреблялось во вредоносной магии, не представляется возможным, поскольку оно буквально приписывалось ведьмам в ходе расследования, что будет показано ниже.

Формулы заклинаний – не импровизация, а традиция, сакральное знание, полученное человеком от сверхъестественного при особых обстоятельствах. Заклинания, заговоры и молитвы ведьм имеют единую структуру: они начинаются с преамбулы, продолжаются апелляцией к конкретной сверхъестественной сущности и обозначением желаемого результата, далее следуют специальные слова, маркирующие окончание заклинания. При этом заклинания апеллируют к дьяволу, а молитвы и заговоры – к богу. Яркие образцы заклинательной поэзии известны нам из судебных процессов Агнес Сэмпсон в 1590 г., Барти Патерсона в 1607 г. и Изобель Гоуди в 1662 г.

В качестве примера можно привести заговор Гоуди:

*«Он проливал кровь за кровь до последней капли,
Око за око, пока все не изыдет.*

*Богоматерь заколдовала своего дражайшего
сына зубами и языком*

И своими десятью пальцами.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!» [3, р. 608].

Стоило ведьме, прикоснувшись к ране, трижды произнести эту фразу, как она затягивалась.

Заговоры, предназначенные для исцеления больного, обращаются если не к космогонии, то к становлению христианского миропорядка среди людей – богоматерь заколдовала или убила Христа, принеся его в жертву во имя людей. М. Элиаде отмечает, что магические ритуалы целителей имеют силу постольку, поскольку в этих ритуалах маги обращаются к Христу, Деве Марии или святым, вербально воспроизводя сюжет их страстей и символически приобщаясь к ним, становясь их современниками и получая часть их божественной силы [4, с. 207]. При этом заговор может апеллировать не только к Троице, но также к апостолам и всем святым, что свидетельствует о сохранении элементов католического культа и через сотню лет после пресвитерианской реформации. Сюжетная (но не сущностная) сторона ведовских практик часто отражает именно католическое мировоззрение. Об этом говорит текст заговора от болезней Изобель Гоуди: «При лихорадке мы говорим трижды: “Я прекращаю малярию, морские лихорадки, земляные лихорадки и все лихорадки, что когда-либо сотворил Бог, изгоняю из головы, из сердца, из спины, из боков, из почек, из бедер, от кончиков пальцев рук к кончикам пальцев ног – должны уйти все лихорадки; одна – на холм, одна – на крышу, одна – на камень, одна – на дерево. Во имя Святого Петра, Святого Павла и всех святых на небесах. Во имя Отца, Сына и Святого духа!”» [3, р. 604]. Гоуди приводит примеры не только лечебных, но и зловредных вербальных формул: она сообщает о губительной силе стрел эльфов и о том, что источником этой силы является дьявол. Выстрел в жертву крошечной стрелой должен был сопровождаться следующими словами: «Стреляйте ими во имя [дьявола]; Им никогда не вернуться домой здоровыми!» [3, р. 607].

Помимо упоминаний сакральных имен заклинания могли содержать устойчивую фразеологию. Так, словосочетание «Horse and Nattock», восходящее к языческим ритуалам кельтского населения Шотландии, и поныне используется англоязычными викканами в магических практиках. Эти слова встречаются в фольклорных историях о феях, согласно которым заклинание переносило фей туда, куда они хотели. Исследователи шотландского ведовства сталкиваются с заклинанием “Horse and Nattock” в материалах дела Изобель Гоуди, насыщенных упоминаниями о феях и другими дохристианскими реминисценциями. Ведьмы использовали это словосочетание, когда

хотели перенестись куда-то по воздуху, но в редакции секретаря Джона Иннеса заклинание удлинилось, получив дополнение «во имя дьявола!», что недвусмысленно указывало на источник волшебной силы ведьм. В первом признании Гоуди читаем: «...я говорила: “Horse and Hattock, во имя дьявола!” И тогда мы взлетали, и, где бы мы ни были, летели над дорогой, словно соломинки. Мы можем полететь, как солома, куда мы хотим, стебли травы и солома служат нам лошадьми, мы просто кладем их между стопами и говорим: “Horse and Hattock, во имя дьявола!”» [3, p. 603].

Вербальный уровень ведовских практик содержит не только специальные магические слова, но и естественные для бытовых ссор брань, оскорбления и проклятия. Наиболее существенным смысловым ингредиентом так называемых ведовских слов служил их контекст: вылетевшие из уст предполагаемой ведьмы проклятия могли обладать собственной магической силой. Угрозы в таком случае воспринимались как магические формулы, несущие несчастье. Перейдя подвижную грань между оскорблениями и проклятиями, слова ведьмы приобретали статус вербальной формулы, подобной словам священника или судьи, т. е. власть, сопоставимую с прямым действием.

Оскорбление было почти исключительно женской прерогативой. Л. Мартин замечает, что единственный мужчина, обвиненный в сглазе и злословии – Томас Патон, получил обвинение вместе с женой в Абердине в 1597 г. [5, p. 273]. Стереотип о вреде женских проклятий подкреплялся традиционными представлениями о болтливости и склонности женщин к сквернословью, которое в пресвитерианской Шотландии законодательно преследовалось. Л. Мартин приводит примеры некоторых фраз обвиненной в 1629 г. в сглазе и ведовстве жительницы Дарнбара Изабель Янг: «Дьявол! Я сожалею, что ты это видел(а), ибо ты еще пожалеешь об этом»; «Благодарение богу, я получила теперь власть над тобой»; «С этого момента в течение двенадцати месяцев он будет жалеть об этом» [5, p. 278]. Эти слова могли быть восприняты как магические, особенно, если они сопровождалась со стороны ведьмы какими-либо тревожащими собеседника действиями. К примеру, Изабель Янг во время конфликтов с соседями имела привычку приседать, а в минуты особого эмоционального накала срывала со своей головы платок. Плохую службу также могли сослужить некоторые синхронные или диахронные конфликту события – болезнь,

травма, смерть собеседника или члена его семьи, а также буря, морской шторм или другое внезапное природно-климатическое явление; на ведовские чары могло указать и необычное поведение животных. Совпадение или сочетание вербальных знаков, имеющих особый мифологический статус (заклинаний, молитв, оскорблений), с природными знаками или неблагоприятными событиями само по себе служило залогом, а иногда и доказательством вины предполагаемой ведьмы.

Возможно, в раннесовременной Шотландии коллективный страх перед слугами дьявола периодически становился так велик, что слова и жесты имевших репутацию ведьм людей могли оказывать мощное суггестивное воздействие. З. Фрейд анализирует аналогичные этнографические данные, согласно которым жители Океании, прикоснувшись к пище, которая является табу, умирали вскоре после этого происшествия [6]. В таких случаях, согласно К. Леви-Строссу, запускался социокультурный механизм исключения: окружающие разрывали связи с заколдованным, за социальной смертью следовала физическая [7, с. 171]. Этот культурно детерминированный синдром, широко наблюдаемый в клинической практике, получил название смерти вуду, т. е. физической смерти, вызванной осознанием факта губительного нарушения табу или убеждением в состоянии околдованности. Причем словесные формулы запускали не только действие механизма разрушения объекта магии, но также механизм защиты и очищения его окружения, в данном случае – через обвинение в ведовстве. В то же время, когда дело доходило до суда, свидетели могли давать самые разнообразные клеветнические показания из чувства мести или элементарной тревоги. Вероятно, в подавляющем большинстве случаев слова ведьм приобретали деструктивное значение не как вредоносная суггестия, а *post factum*, в процессе дачи свидетельских показаний. Кроме того, импульсом для фантазий о ведовских практиках служили индивидуальные, как это настойчиво предполагают исследователи процесса Изабель Гоуди, а также и коллективные формы психопатологий, панические вспышки ведьмомании, сопровождающиеся многочисленными свидетельствами и красочными описаниями магических ритуалов.

Предметный/Вещественный уровень подразумевает совокупность конкретных условий физического мира, необходимых для отправления ведовских практик: определенное время,

место, форму одежды, набор предметов или веществ. Предметный уровень содержит две основные категории: атрибуты объекта манипуляций (клиента или жертвы магического ритуала) и атрибуты субъекта манипуляций (ведьмы).

Среди различных предметов и веществ, упомянутых в судебных материалах 623 раза, обнаруживаются следующие упоминания: вода встречается 60 раз, воск и восковая/глиняная кукла – 51, камни – 33, человеческие волосы – 28, трава – 26, нитки – 25, одежда – 24, кровь животных – 24, кости – 22, огонь – 22, соль – 20, плоть – 14, мертвая плоть – 7 и мертвая плоть, истертая в порошок – 3, лепешки – 11, ремень/пояс – 9, ногти – 9, решето/сито – 8, яйца – 6, elfshot встречается 6 раз [8]. Как ритуальные объекты несколько раз упоминаются животные – жабы, птицы, кошки, змеи. Кроме того, на первоначальном этапе охоты на ведьм в качестве инструментов употреблялись кресты, статуэтки святых и девы Марии. Убедительной иллюстрацией использования различных предметов и веществ являются показания Марджори Ритчи, данные в 1662 г. в Форфаре. Среди прочих преступлений Марджори призналась в том, что «она решила отомстить [своему соседу Джону Сторроку] или его жене, утром она положила небольшой мешочек с нитками перед дверью указанного Джона, который первая обнаружила его жена и прошла над мешочком и нитками; немедленно после этого она испытала перемену всех членов и частей ее тела и в течение одного года после этого она была не в состоянии стать самой собой ... Она также призналась, что заколдовала корову тем, что бросала на нее комья земли, после чего она [корова] умерла. И что она, чувствуя негодование по отношению к своему зятю Александру Миссону, положила небольшое количество овса перед его дверью, поскольку намеревалась ввергнуть его в бедность» [9, р. 261].

В пределах мифологического мировоззрения вещи могут менять свое назначение в зависимости от контекста, т. е. помимо утилитарного применения они используются также знаково и символически. Эта идея лежит в основе всех типов магических практик, оперирующих одним и тем же ограниченным набором предметов сельского обихода для достижения самых разнообразных целей.

Вместе с тем ведовские практики предусматривали некоторое количество устойчивых ритуальных предметов, как правило, означающих власть над объектом. Среди них наиболее часто

упоминается кукла – глиняное или восковое изображение, имитирующее объект магических манипуляций. Так, Изобель Гоуди рассказала о способе наведения порчи на человека при помощи его глиняного изображения, которое полагалось систематически обжигать в очаге, в результате чего жертва постепенно теряла жизненные силы. «Джон Тейлор и его жена Джанет Брэдхед из Беллнакейта, Бесси Уилсон из Олдерна и Маргарет Уилсон ... смастерили фигурку из глины, чтобы стереть в порошок детей лэрда Парка. Джон Тейлор принес глину домой, завернув ее в уголок своего пледа, его жена растерла ее очень мелко, в порошок. Она просеяла его в решете вылила в него воду, во имя дьявола, и сильно месила его, пока это не стало похоже на ржаное тесто, затем вылепила изображение сыновей лэрда. Оно имело все черты и особенности ребенка, такие как голова, глаза, нос, руки, ноги, рот и маленькие губы. ... Мы поместили его в огонь, пока оно не ссохлось от высокой температуры, его окружил открытый огонь, пока оно не запылало красным, как уголь. После этого мы жарили его снова и снова на другой день, через день часть его была хорошо прокаленной. Здоровые сыновья лэрда Парка начали от этого страдать...» [2, р. 605].

Предметы домашнего обихода фигурируют в описаниях магического поиска пропав – широко распространенного компонента белой магии. Примером такого рода занятий служит сообщение знахарки Бесси Данлоп, обвиненной в ведовстве и сожженной в 1576 г. Бесси якобы получила умение находить потерянную одежду и прочие личные вещи от духа погибшего при Пинки Тома Рейда. Однажды «Джеймс Джеймсон и Джеймс Бэрд по ее совету нашли украденные железные плуги, которые помощник шерифа не искал из-за взятки в три фунта» [10, р. 50]. Досье Бесси Данлоп содержит также пример употребления трав и пищевых продуктов в магических практиках. Для исцеления леди Стэнли Бесси по совету Тома Рейда приготовила «смесь, эффективную, как сам галаадский бальзам. Она состояла из самого крепкого эля, смешанного со специями и сахаром, ее надлежало пить по утрам перед едой. Смесь содержала имбирь, гвоздику и лакричник» [10, р. 51].

Вещественный уровень включает не только единичные объекты, но также их совокупность – к примеру, урожай с полей, на порчу или присвоение которого могли быть направлены злые чары ведьм. Так, Изобель Гоуди в своем первом призна-

нии рассказывает о том, как ее ковен лишил урожая семью Брэдли из Нэрна. Ведьмы встретились «в церковном дворе в Нэрне и выкопали некрещеное дитя из могилы; на окраине пшеничного поля Брэдли прямо напротив мельницы Нэрна взяли указанный труп ребенка и обрезки ногтей с наших пальцев рук и ног, зерна всех сортов и листья капусты и очень мелко нарезали и смешали все это, положили часть этой смеси в кучу навоза на земле Брэдли, и таким образом лишили его урожая зерна» [2, р. 603]. Считалось, что ведьмы сохраняли украденный таким образом урожай, после чего они совместно съедали его в праздники, например, на рождество или пасху.

С мифологической точки зрения любая вещь обладает тремя ипостасями – физической, метафизической и метафорической. Единство этих ипостасей предопределяет бесконечное многообразие возникающих смысловых связей и логических рядов. На первый взгляд объекты образуют случайные конstellации, однако их взаимосвязь не произвольна, а закономерно продиктована вариативностью смыслов и атрибутов единичных вещей, которая и сегодня часто встречается в народной культуре. При этом связь между явлениями обеспечивается скорее судьбой, чем божественным предопределением.

К **акциональному уровню** можно отнести всевозможные жесты, завязывание узлов, приготовление зелий, закапывание или выкапывание из земли, просеивание через сито, лепку восковых или глиняных кукол, их обжиг, танцы, песни и пр. Акциональный уровень включает индивидуальные и коллективные действия ведьм, это и язык жестов, и сам акт манипулирования магическими предметами.

Приведем несколько примеров ведовских ритуалов, включавших различные действия. Распространенным компонентом ведовских практик было завязывание узлов. «Когда мы крадем коровье молоко, мы снимаем волосы с хвоста и закручиваем их и заплетаем против шерсти во имя дьявола и затем мы тянем эту привязь ручной работы между задними ногами коровы и между ее передними ногами, во имя дьявола, и таким образом мы забираем коровье молоко с собой. Также мы крадем овечьё молоко. Способ, чтобы забрать молоко или отдать его обратно, это перерезать эту привязь» [2, р. 605].

Т. Петтигрю в своей коллекции «Суеверий, связанных с историей и практикой медицины и хирургии» приводит в пример этнографические

данные о магическом способе избавления от гектической лихорадки, распространенном в графстве Морей. Для снятия симптома ведьмы остригали ногти на пальцах рук и ног пациента, клали их в тряпку, вырезанную из его одежды, а затем, произнося короткую вербальную формулу, трижды махали этой ветошью над его головой. После этих действий тряпку следовало закопать в тайном месте [11, р. 98].

Отдельным видом ритуальных действий было захоронение или эксгумация. Один из способов избавления от болезни – захоронение живьем жертвенного животного, как правило, быка или петуха [12, р. 68]. Таким образом, как предполагали, можно было избавиться от эпилепсии, рака, лунатизма. Аналогичный ритуал использовался для защиты скота от болезней. В 1650 г. Маргарет Доу предстала перед судом церковной сессии за то, что заживо похоронила ягненка перед своим порогом с целью спасти от эпидемии оставшееся стадо [13, р. 196–197].

Помимо магических акций ведьмам приписывались коллективные практики поклонения, а также участие в оргиях и карнавалах. Судя по тому, что оргиастические и карнавальные сюжеты упоминаются значительно чаще, чем ритуалы поклонения, «реальные» народные ведовские практики раннего Нового времени представляют собой не столько инверсию христианских ритуалов, сколько регресс к дохристианским мифологическим основаниям. Их смысловое пространство скорее мифологическое дохристианское, нежели дьявологическое.

Карнавал и оргия отменяют законы творения, знаменуя уход во «тьму», погружение в первоначальный добожественный хаос, предшествовавший всякому творению, всякой оформленности [4, с. 245]. Во время оргии нарушаются первобытные культурные запреты – промискуитета, инфантицида, каннибализма. В Шотландии второй половины XVI – XVII вв. ведовские практики служили негативом повседневности в том виде, в котором ее конструировало духовенство. Вместе с тем реальность вряд ли соответствовала этим представлениям. Исследователи не располагают сведениями об устойчивых тайных квазирелигиозных обществах на территории Шотландии. Не нашло подтверждения даже предположение о распространении ковенных в Шотландии: высокая вариативность числа ведьм на собраниях – от нескольких человек до нескольких сотен – говорит о том,

что шотландские ведьмы, вероятно, не образовывали ни устойчивых ячеек, ни, тем более, каких-либо тайных орденов.

Большая часть сведений, зафиксированных судебными материалами, не противоречит традиционным для фольклористики и семиотики представлениям о повседневной обрядовой практике жителей сельских общин. Можно предположить, что в Шотландии было разделение магических компетенций, хотя в судебных материалах оно практически не просматривается. Вместе с тем ведовство, колдовство и чародейство были тесно взаимосвязанными, но несколько различными понятиями. С точки зрения антиведовской идеологии и судопроизводства их различие было минимально: в реальной судебной практике и «charming», и «witchcraft» считались преступлениями против бога. Сфера деятельности знахарей – апотропическая магия, лечение золотухи, желтухи, кровотечений, зубной и суставных болей, сексуального бессилия и т.д. В качестве методов лечения использовались различные травы, наложение рук, молитвы и заговоры [14, р. 186]. Наряду с «charmer» существовала категория «wise men/women», которые занимались любовной магией, поиском потерянных вещей, гаданием, астрологией и хиромантией, заговорами на удачу. При этом чары могли не содержать демонической и дьявольской составляющей, они не всегда упоминаются в однозначно негативной коннотации. В 1630 г. члены пресвитерии Далкейта на запрос о том, что им делать с чародеями, получили следующий ответ от синода Лотиана и Твидейла: «Тем, кто является просто чародеями и их клиентами, предписано покаяние» [15, р. 91]. Судебные материалы показывают, что периодически чародейство, соотносимое с белой магией, каралось значительно мягче, чем соотносимое с черной магией ведовство.

Отмеченные нами уровни ведовских практик всегда представлены в совокупности, образующей инструментарий магических ритуалов. Характерно, что слова, вещи и жесты приобретают смысл и власть только в определенном сочетании и контексте, в котором ведьма символизирует и воплощает принцип взаимопроницаемости и взаимообратимости сакрального и профанного. Данный принцип реализуется и в повседневных обрядовых практиках, и в репрезентации ведовства, к примеру, в мифе об обратимости форм, которые произвольно способна принимать ведьма. Встав на путь сношений с дьяволом, ведьма претерпевает многочисленные метаморфозы: в первую

очередь она отказывается от своего предыдущего имени и получает новое, далее она по собственной воле меняет обличье, превращаясь то в зверя, то в птицу. Превращаясь в животное, она отчасти становится животным, а не просто меняет видимые очертания («мы деремся, как кошки, убегаем от собак, как кошки», – сообщила Изабель Гоуди). Новое имя в свою очередь означает утрату прежней самотождественности, переход в новый мифологический и социальный статус. Изменчивость формы и содержания ведьмы отражает изменчивость самого дьявола – бестелесного духа, не имеющего устойчивой формы. Видовой признак тварного человека – наличие вполне определенного облика – образа и подобия бога, тогда как ведьма, заключив сделку с дьяволом, утрачивает божественный компонент своей сущности и замещает его дьявольским, т. е. приобретает некоторые свойства дьявола. Ведьма, будучи эмиссаром дьявола, транслирует его имеющие необычайную силу слова и действия. Но она и сама имеет некоторую волю, поскольку самостоятельно решает, по отношению к кому применить магические слова и действия.

Смысловой уровень ведовских практик возмещает открытость и значимость человека как части и элемента окружающего его природного мира. В то же время ведовские практики – не только мировоззренческое, но и социально-психологическое явление. В исследуемый период «ведьма» – это прежде всего социальный маркер, а не форма личностной идентичности или особый рисунок поведения. В судебных документах рядом термин «witch» очень часто сопровождает предикат «notorious» – пользующаяся плохой славой, отъявленная ведьма. Язык ведовских процессов говорит нам о том, что для следователей и судей репутация обвиняемого была немаловажным, если не решающим доказательством вины. Груз дурной репутации колдуньи или знахарки мог копиться годами и даже десятилетиями, прежде чем стать причиной обвинения в ведовстве по какому-либо незначительному поводу.

Рассматривая структуру ведовских практик, мы обнаруживаем, что ведовство – это не только индивидуальный выбор, но также социально-психологическая практика со-участия, в пределах которой с предполагаемой ведьмой взаимодействуют ее визави, локальное сообщество, институты светской и духовной власти. На протяжении охоты на ведьм совместно с процессом воспроизводства ведовских практик в быту осуществлялась также их регуляция из-за церковной кафедры

и судебной трибуны. Именно в исследуемый период ведовские практики приобретают не известный ранее смысл и социальное назначение: не утрачивая традиционной функции медиации и коммуникации, они как бы становятся инструментом в руках некоего общечеловеческого врага, абсолютизируются и демонируются вслед за ним.

Литература

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 512 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
3. Pitcairn R. Criminal Trials in Scotland: 1609–1624. Vol. 3. Edinburgh, 1833b. 746 p.
4. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М. : Ладомир, 1999. 488 с.
5. Martin L. The Devil and the Domestic: Witchcraft, Women's Work and Marriage in Early Modern Scotland. Edinburgh, 2003. 399 p.
6. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. Петроград : Государственное изд-во, 1923. 171 с.
7. Леву-Стросс К. Структурная антропология. М. : Neoclassic, 2011. 544 с.
8. Survey of Scottish Witchcraft. URL: <http://www.shca.ed.ac.uk> (дата обращения: 19.09.2015).
9. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Vol. 22. Edinburgh, 1887–1888. 447 p.
10. Pitcairn R. Ancient Criminal Trials in Scotland: 1542–1584. Vol. 1. P. 2. Edinburgh, 1833a. 400 p.
11. Pettigrew T.J. On superstitions connected with the history and practice of medicine and surgery. Philadelphia, 1844. 226 p.
12. Mackay W. Records of the Presbyteries of Inverness and Dingwall, 1634–1688. Edinburgh, 1986. 384 p.
13. Spence L. The Magic Arts in Celtic Britain. London, 1945. 199 p.
14. Davies O. A Comparative Perspective on Scottish Cunning-Folk and Charmers // Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland / Goodare J., Martin L., Miller J. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2008. P. 185–205.
15. Miller J. Devices and Directions: Folk Healing aspects of Witchcraft Practice in Seventeenth-century Scotland // The Scottish Witch-Hunt in Context. / Julian Goodare (ed.). Manchester : Manchester University Press, 2002. P. 90–106.

References

1. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik, 1995, 512 p.
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium, 1995, 323 p.
3. Pitcairn R. *Criminal Trials in Scotland: 1609-1624*. Vol. 3. Edinburgh, 1833b, 746 p.
4. Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow, Ladomir, 1999, 488 p.
5. Martin L. *The Devil and the Domestic: Witchcraft, Women's Work and Marriage in Early Modern Scotland*. Edinburgh, 2003, 399 p.
6. Freid Z. *Totem i tabu: Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii* [Totem and Taboo: The Psychology of Primitive Culture and Religion]. Petrograd : Gosudarstvennoe izd-vo, 1923, 171 p.
7. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Neoclassic, 2011, 544 p.
8. *Survey of Scottish Witchcraft*. Available at: <http://www.shca.ed.ac.uk> (accessed 19.09.2015).
9. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. Vol. 22. Edinburgh, 1887-1888, 447 p.
10. Pitcairn R. *Ancient Criminal Trials in Scotland: 1542-1584*. Vol. 1, part 2. Edinburgh, 1833a, 400 p.
11. Pettigrew T.J. *On superstitions connected with the history and practice of medicine and surgery*. Philadelphia, 1844, 226 p.
12. Mackay W. *Records of the Presbyteries of Inverness and Dingwall, 1634-1688*. Edinburgh, 1986, 384 p.
13. Spence L. *The Magic Arts in Celtic Britain*. London, 1945, 199 p.
14. Davies O. A Comparative Perspective on Scottish Cunning-Folk and Charmers. *Witchcraft and Belief in Early Modern Scotland* / Goodare J., Martin L., Miller J. (Eds.). Palgrave Macmillan, 2008, pp. 185-205.
15. Miller J. Devices and Directions: Folk Healing aspects of Witchcraft Practice in Seventeenth-century Scotland. *The Scottish Witch-Hunt in Context* / Julian Goodare (ed.). Manchester : Manchester University Press, 2002, pp. 90-106.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 336.7

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-84-89

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАЕМНОГО КАПИТАЛА

© 2017 г. Д.А. Никитин^а

^аУниверситет управления «ТИСБИ», Казань, Россия

THE EFFICIENCY LOAN USE

D.A. Nikitin^а

^аUniversity of Management “TISBI”, Kazan, Russia

Никитин Денис Андреевич –
аспирант,
Университет управления «ТИСБИ»,
ул. Муштары, 13, г. Казань, 420012, Россия.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Denis A. Nikitin –
Postgraduate,
University of Management “TISBI”,
Mushtari St., 13, Kazan, 420012, Russia.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Рассматривается одна из ключевых проблем привлечения и рационального применения заемного капитала в наше время, речь идет об эффективности его использования. Описана методика оценки и анализа финансового состояния, эффективности использования привлеченного капитала. На конкретном примере определяется эффект финансового рычага – это увеличение собственного капитала за счет рационального внедрения в производство заемного капитала; а также факторов, влияющих на изменение его уровня и пути его повышения. К этим факторам относятся: изменение плеча финансового рычага, т. е. соотношения собственного и заемного капитала, рентабельность общего капитала (ROA), уровень налогообложения, средний размер процентных ставок. Приводится конкретный пример методики их определения, кроме того, показано, как эти факторы оказывают влияние. Изложены рекомендации для принятия управленческих решений с целью последующего улучшения состояния и обеспечения собственного капитала и увеличения эффекта финансового рычага.

Ключевые слова: заемный капитал, собственный капитал, обязательства, плечо финансового рычага, ставка налога на прибыль, средняя расчетная ставка процента за кредит, рентабельность активов, эффект финансового рычага.

The article considers one of the key current problems of attracting and rational use of loans, it is about the effectiveness of its use. The article describes evaluation method and analysis of preliminary financial conditions in relevance to efficiency in using acquired capital. The author examines financial leverage as a method to increase equity by means of attracting and using loans along with the factors affecting this process. The paper defines, that these factors include: dynamics of debt to equity ratio, return on assets (ROA), level of taxation and average interest rate on the loan. The article includes an example of implementing the technique, and identifies the level of influence for each factor. On the basis of loan use efficiency analysis we suggest a few directions to improve the pre-loan conditions and ensure positive effect of financial leverage.

Keywords: loans, equity, obligations, financial leverage, income tax rate, average loan interest rate, profitability of assets, effect of financial leverage.

Привлеченные средства представляют собой долю финансовых ресурсов предприятия, эта доля ему не принадлежит, а привлекается на основе банковского, коммерческого кредита или эмиссионного займа на условиях возвратности, которые ин-

вестированы в активы предприятия. В бухгалтерском учете понятие «заемный (привлеченный) капитал» определяется как обязательства [1].

Обязательства – это обязанность займополучателя выплачивать кредиторам задолженность

по кредитам и займам, а также в установленные сроки процентов по ним.

Заемный капитал для коммерческих организаций играет важную роль как дополнительные средства для расширения и осуществления хозяйственной деятельности. Но так как займы привлекаются на условиях возвратности с процентами, предприниматели должны оценить сложившиеся обстоятельства с учетом финансового состояния предприятия перед тем как брать заемные средства для осуществления хозяйственной деятельности. Кроме того, высокая доля заемных средств, высокий уровень процентной ставки за кредит означают привлечение новых заемных средств нерациональным решением, и они могут ухудшить финансовое состояние и привести к банкротству. Непредвиденные обстоятельства, такие как снижение спроса на продукцию, увеличение цен на сырье и материалы, тоже могут вызвать финансовую нестабильность предприятия, снижение доходов и уменьшение рентабельности. Поэтому нужно проводить систематический мониторинг и тщательный анализ собственных и заемных средств руководителям предприятия или же ответственным сотрудникам перед тем как решиться на дополнительные заемные средства.

Следует изучить состояние, обеспеченность и эффективность использования привлеченных средств, а также конкретные закономерности в деятельности предприятия.

Преобладание темпа роста общей суммы задолженности по сравнению с ростом оборотных активов указывает на падение уровня ликвидности предприятия и может стать причиной финансовой нестабильности предприятия в целом.

Предприятие является финансово стабильным, если собственные средства превосходят заемные более чем в 1,2 раза [2]. Преобладание темпа роста заемного капитала по сравнению с ростом объема производимой продукции указывает на падение эффективности применения заемных средств.

Соотношение заемного и собственного капиталов считается показателем финансовой стабильности предприятия, на основе которого кредиторы устанавливают степень риска предоставления кредитов.

Для абсолютного представления об эффективности использования заемного капитала нужно исследовать размещение долгосрочных и краткосрочных заемных средств в активах предприятия. Долгосрочные обязательства должны

быть применены с целью покрытия внеоборотных активов. Это связано с тем, что они возвращаются более чем за 12 месяцев.

Краткосрочные обязательства применяются в оборотных активах, так как их возврат осуществляется в течение текущего года из средств ликвидных активов. В случае если краткосрочные обязательства превышают оборотные активы и предприятие не сможет расплатиться по своим обязательствам, оно считается неликвидным и неплатежеспособным.

Заемный капитал идет на увеличение доходности собственного капитала, повышение прибыли и рентабельности капитала в целом.

Эффект финансового рычага (ЭФР) считается одним из показателей для оценки эффективности использования заемного капитала. Он указывает, насколько повышается объем собственного капитала за счет привлечения заемных средств в оборот предприятия. Выгода возникает в том случае, если рентабельность общего капитала превышает средневзвешенную цену заемного капитала [3, 4]. Привлечение заемного капитала считается результативным, если темп роста прибыли предприятия будет превосходить темп роста суммы активов, т. е. будет повышаться показатель рентабельности активов (ROA).

ЭФР появляется вследствие превышения рентабельности активов над стоимостью заемного капитала, т. е. средней ставкой банковского кредита. Среднюю расчетную процентную ставку за кредит можно рассчитать по бухгалтерской отчетности путем отношения суммы уплаченных процентов к средней сумме заемных средств за расчетный период, умноженного на 100.

Положительный результат финансового рычага возникает, если рентабельность активов превышает среднюю расчетную ставку процента (СПср), т.е. $ROA > СПср$, вследствие увеличится рентабельность собственного капитала за счет использования кредита.

Отрицательная величина ЭФР возникает, если рентабельность активов ниже средней расчетной ставки процента за кредит, т. е. $ROA < СПср$, значит, использование заемного капитала неэффективно, что означает снижение объема собственного капитала. Каждое предприятие должно рассчитать такую рентабельность активов для того, чтобы средств, приобретенных от применения заемного капитала, было достаточно для выполнения своих обязательств перед кредиторами и налоговым органом, а также для пополнения собственного капитала.

ЭФР рассчитывается по формуле [2]:

$$\text{ЭФР} = (\text{ЗКср}/\text{СКср}) \times (1 - \text{Снп}) \times (\text{ROA} - \text{СПср}),$$

где Снп – ставка налога на прибыль, рассчитывается по бухгалтерской отчетности путем отношения суммы уплаченных налогов за прибыль к сумме прибыли за отчетный период, умноженного на 100; ROA – рентабельность активов, %; СПср – средняя расчетная ставка процента за кредит, %; ЗКср – средняя за период сумма заемного капитала; СКср – средняя за период сумма собственного капитала; $(1 - \text{Снп})$ – налоговый

корректор, на основе этого коэффициента снижается уровень рентабельности капитала, с учетом налогообложения; $(\text{ROA} - \text{СП})$ – дифференциация финансового рычага, т. е. снижение рентабельности капитала в результате уплаты процентов за кредит; $(\text{ЗКср}/\text{СКср})$ – плечо финансового рычага, т. е. соотношение заемного капитала к собственному капиталу.

Известны данные по деятельности некоторого (условного) производственного предприятия страны за 2015 и 2016 гг. Определим эти показатели и обобщим в табл. 1 (п. 1–6).

Таблица 1

**Финансовые показатели деятельности производственного предприятия в 2015–2016 гг.
 / Financial performance indicators of a manufacturing enterprise in 2015-2016**

№ п.п.	Показатель	Условные обозначения	2015	2016	Отклонение
1	Среднегодовая сумма собственного капитала, тыс. р.	СКср	40300	43800	3500
2	Среднегодовая сумма заемного капитала, тыс. р.	ЗКср	17564	16024	-1540
3	Среднегодовая сумма активов, тыс. р.	Аср	57864	59824	1960
4	Прибыль до налогообложения, тыс. р.	Пдн	18640	17140	-1500
5	Налоги из прибыли, тыс. р.	НП	4660	4456,4	-203,6
6	Проценты к уплате, тыс. р.	УП	4700	3950	-750
7	Плечо финансового рычага, коэф.	ЗК/СК	0,43	0,36	0,03
8	Уровень налогообложения, коэф.	Снп	0,25	0,26	0,01
9	Рентабельность активов, %	ROA	32,2	28,6	- 3,6
10	Средняя расчетная ставка процента за кредит, %	СП	26,7	24,6	- 2,1
11	Эффект финансового рычага, %	ЭФР	1,77	1,06	-0,71

Затем на основе данных, приведенных в табл. 1, рассчитаем показатели, указанные в формуле для оценки эффекта финансового рычага:

- Плечо финансового рычага
 Прошлый год = $17\ 564/40\ 300 = 0,43$
 Отчетный год = $16\ 024/43\ 800 = 0,36$
- Ставка налога на прибыль
 Прошлый год = $4660/18\ 640 = 0,25$
 Отчетный год = $4456,4/17\ 410 = 0,26$
- Рентабельность активов, % ROA
 Прошлый год = $18\ 640/57\ 864 \times 100 = 32,2$
 Отчетный год = $17\ 410/59\ 824 \times 100 = 28,6$
- Средняя расчетная ставка процента за кредит, в %
 Прошлый год = $4700/17\ 564 \times 100 = 26,7$
 Отчетный год = $3950/16\ 024 \times 100 = 24,6$

На основании полученных показателей определим эффект финансового рычага (ЭФР) за 2015 и 2016 гг.

- ЭФР за прошлый год = $0,43 \times (1 - 0,25) \times (32,2 - 26,7) = 1,77$
- ЭФР за отчетный год = $0,36 \times (1 - 0,26) \times (28,6 - 24,6) = 1,06$.

Произведенные расчеты ЭФР за прошлый и отчетный год и исходные данные покажем в табл. 2.

По полученным данным из произведенных расчетов можно сделать вывод, что наше предприятие работает стабильно и получает прибыль, но в то же время потенциал роста рентабельности собственного капитала за счет взятия долгосрочных и краткосрочных ссуд в финансовых учреждениях используется не совсем достаточно.

Таблица 2

**Расчет эффекта финансового рычага и факторы влияния на этот процесс
 / Calculation of the effect of financial leverage and the factors influencing this process**

Показатель (основные факторы)	Прошлый год	Отчетный год	Подстановки			
			1	2	3	4
Плечо финансового рычага, коэф.	0,43	0,36	0,36	0,36	0,36	0,36
Уровень налогообложения, коэф.	0,25	0,26	0,25	0,26	0,26	0,26
Рентабельность активов, %	32,2	28,6	32,2	32,2	28,6	28,6
Средняя расчетная ставка процента за кредит, %	26,7	24,6	26,7	26,7	26,7	24,6
ЭФР	1,77	1,06	1,48	1,46	0,50	1,06

В отчетном году уровень ЭФР снизился на 0,71 % (1,77 – 1,06). В дальнейшем необходимо определить, в результате каких факторов произошло изменение показателя ЭФР. К ним относятся:

- ставка налога на прибыль;
- средняя расчетная ставка процента за кредит;
- рентабельность активов (ROA);
- плечо финансового рычага.

Повышение ставок налога на прибыль влечет за собой уменьшение показателя ЭФР и наоборот. Однако эти условия не зависят от руководства предприятия.

Средняя расчетная ставка процента за кредит считается одним из ключевых условий, оказывающих влияние на уровень ЭФР. Если процентная ставка за кредит на высоком уровне, то это приводит к снижению уровня ЭФР и наоборот [5]. Управление предприятия обязано достигать снижения процентных ставок за кредит путем выбора определенных кредиторов и усовершенствования расчетно-платежной дисциплины, ликвидации просроченной задолженности.

Такой фактор, как уровень рентабельности активов, который добывается путем увеличения эффективности работы предприятия, тоже значительно влияет на уровень ЭФР. Чем выше уровень рентабельности активов, тем выше эффект финансового рычага. Положительный ЭФР позволяет предприятию еще больше привлекать заемные средства и вследствие приумножать собственный капитал, и наоборот при отрицательном эффекте заемный капитал только ухудшит финансовое состояние и в итоге может привести к банкротству [6].

Последующий шаг – анализ влияния всех упомянутых ранее факторов на ЭФР. Вследствие того, что эти факторы оказывают непосредственное воздействие на ЭФР и поэтому их можно проанализировать по формуле оценки ЭФР, для выявления влияния каждого из факторов применяется метод цепных подстановок.

Произведем расчеты ЭФР на основе цепных подстановок, пользуясь данными табл. 1 (п. 7–11):

$$\text{ЭФР}_0 = 0,43 \times (1 - 0,25) \times (32,2 - 26,7) = 1,77$$

$$\text{ЭФР}_1' = 0,36 \times (1 - 0,25) \times (32,2 - 26,7) = 1,48$$

$$\text{ЭФР}_2' = 0,36 \times (1 - 0,26) \times (32,2 - 26,7) = 1,46$$

$$\text{ЭФР}_3' = 0,36 \times (1 - 0,26) \times (28,6 - 26,7) = 0,50$$

$$\text{ЭФР}_4' = 0,36 \times (1 - 0,26) \times (28,6 - 24,6) = 1,06$$

Итоги данных расчетов отразим в табл. 2.

Выявим воздействие всех факторов на ЭФР отчетного года по сравнению с прошлым годом. В отчетном году ЭФР, т. е. результативность применения заемного капитала снизилась на 0,71 % (1,77 – 1,06). Такие результаты у предприятия возникли за счет следующих факторов:

1. Уменьшение плеча финансового рычага, т. е. доли привлеченного капитала, снизило ЭФР на 0,29 % (1,48–1,77). Как ранее было упомянуто, если ЭФР положительна, тогда чем больше заемного капитала, тем выгоднее применять заемные денежные средства. И у предприятия появится возможность быстрее выполнить свои обязательства перед кредиторами, а остаток от полученных доходов можно ориентировать на увеличение собственного капитала.

2. Повышение уровня налогообложения уменьшило ЭФР на 0,02 % (1,46–1,48). Из-за повышения уровня налогообложения предприятию требуется оплачивать большую сумму в счет

налогов из полученной прибыли и тем самым останется меньше средств для выполнения обязательств перед кредиторами и пополнения собственного капитала [7].

3. Уменьшение рентабельности активов снизило ЭФР на 0,96 % (0,50–1,46). В связи с тем, что выплаты процентов за кредит осуществляются за счет полученной прибыли от использования капитала, после выплаты процентов за кредит меньше средств останется на пополнение собственного капитала.

4. Уменьшение средней расчетной ставки процента повысило ЭФР на 0,56 % (1,06–0,50). От размера процентной ставки за заемный капитал зависит, сколько предприятию требуется оплачивать за использование заемных денежных средств. Чем меньше процентная ставка, тем меньше выплат по обязательствам и тем больше средств останется на увеличение собственного капитала.

Произведем проверку точности установления воздействия всех факторов на ЭФР: $(-0,29 - 0,02 - 0,96 + 0,56) = -0,71$ %.

Согласно результатам исследования, для эффективного применения привлеченных средств следует сделать выводы и рекомендации для увеличения ЭФР. Из произведенных расчетов можно понять, что наше предприятие стабильно получает прибыль, но потенциал роста рентабельности собственного капитала за счет привлеченного капитала используется не совсем достаточно. В нашем случае ЭФР – это положительная величина, следовательно, пользование кредита выгодно нашему предприятию, т. е. каждый рубль привлеченного капитала в виде займов и кредитов приносит дополнительный доход и увеличивает собственные средства предприятия [8].

Однако по сравнению с прошлым годом уровень эффекта финансового капитала снизился на 0,71 %, в результате чего предприятие недополучило дополнительных средств в сумме 310,9 т.р. ($43\ 800 \times 0,71 : 100$). Это произошло в основном в результате снижения рентабельности активов (ROA), плеча финансового рычага и в малой доле за счет ставки налогообложения. Снижение средней расчетной ставки за пользование кредитом способствовало некоторому росту ЭФР.

Для дальнейшего повышения эффективности использования привлеченных средств руководству необходимо:

– во-первых, разумно использовать материальные, финансовые и трудовые ресурсы. За-

няться вопросом повышения спроса на продукцию предприятия или же грамотно распределять прибыль организации и добиваться экономии затрат. Все это способствует увеличению рентабельности активов;

– во-вторых, для повышения уровня плеча финансового рычага пытаться привлечь дешевые займы и кредиты, но, осознавая, что есть разумные рамки пользования заемным капиталом, необходимо предварительно рассчитать максимальную сумму, которую можно привлечь, чтобы предприятие сильно не зависело от кредиторов;

– в-третьих, не допускать нарушений сроков расчета перед своими обязательствами, улучшая расчетно-платежную дисциплину.

Насчет уровня ставки налогообложения можно сказать, что он не так сильно повлиял на ЭФР и тем более не зависит от руководства предприятия. Поэтому необходимо учитывать данный момент и перекрывать увеличение налоговой ставки за счет других факторов.

Всегда стоит уделить большое внимание производственному процессу организации. Лучше с этим справится управленческий персонал – главный технолог, инженер, менеджер по продажам, экономист-аналитик, менеджер по работе с персоналом. От них требуется определить слабые стороны, которые не дают предприятию рационально развиваться, устранить узкие места. Необходимо тщательно провести работу с рисками, выявить уровень их угрозы, найти способы ослабить или исключить их вообще.

Литература

1. Абдукаримов И. Т., Яковлева Е. А., Наризный И. Ф., Демченко А. Ф. Бухгалтерская (финансовая) отчетность как важнейший фактор комплексных оценок эффективности инвестиционной и инновационной деятельности предприятия // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 1 (24). С. 125–133.
2. Абдукаримов И. Т., Беспалов М. В. Бухгалтерская (финансовая) отчетность коммерческих предприятий. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 49–575.
3. Котова Г.А., Никитина Н.И., Раквиашвили А.А. Микроэкономика. М. : Сампринт, 2014. С. 43–68.
4. Тарануха Ю. В. Предпринимательство: теория и российская действительность. М. : Ру-сайтс, 2015. С. 100–136.

5. Абдукаримов И. Т., Беспалов М. В. Анализ финансового состояния и финансовых результатов предпринимательских структур. М. : ИНФРА-М, 2011. С. 146–171.

6. Сутягин В. Ю. Стоимость компании: аспекты менеджмента и оценки // Вестн. Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 3 (47). С. 76–80.

7. Дорожкина Н. И., Федорова А. Ю. Роль и значение стратегического планирования в успешном развитии российских предприятий // Актуальные инновационные исследования: наука и практика. 2010. № 2.

8. Кульков В.М., Чирков М.А. Экономика России : учебно-методические материалы. Чебоксары : Новое время, 2015. С. 6–12.

References

1. Abdugarimov I.T., Yakovleva E.A., Narizhnyi I.F., Demchenko A.F. Bukhgalterskaya (finansovaya) otchetnost' kak vazhneishii faktor kompleksnykh otsenok effektivnosti investitsionnoi i innovatsionnoi deyatelnosti predpriyatiya [Accounting (Financial) Reporting as the Most Important Factor of Complex Estimations of Investment Efficiency and Innovative Activity of the Enterprise]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. 2014, No. 1 (24), pp. 125-133.

2. Abdugarimov I.T., Bespalov M.V. *Bukhgalterskaya (finansovaya) otchetnost' kommerch-*

eskikh predpriyatii [Accounting (Financial) Reporting of Commercial Enterprises]. Moscow, INFRA-M, 2014, pp. 49-575.

3. Kotova G.A., Nikitina N.I., Rakviashvili A.A. *Mikroekonomika* [Microeconomics]. Moscow, Samprint, 2014, pp. 43-68.

4. Taranukha Yu.V. *Predprinimatel'stvo: teoriya i rossiiskaya deistvitel'nost'* [Entrepreneurship: Theory and Russian Reality]. Moscow, Rusains, 2015, pp. 100-136.

5. Abdugarimov I.T., Bespalov M.V. *Analiz finansovogo sostoyaniya i finansovykh rezul'tatov predprinimatel'skikh struktur* [Analysis of the Financial Condition and Financial Results of Entrepreneurial Structures]. Moscow, INFRA-M, 2011, pp. 146-171.

6. Sutyagin V. Yu. *Stoimost' kompanii: aspekty menedzhmenta i otsenki* [Value of the Company: Aspects of Management and Evaluation]. *Vestn. Tambovskogo un-ta. Gumanitarnye nauki*. 2007, No. 3 (47), pp. 76-80.

7. Dorozhkina N.I., Fedorova A.Yu. *Rol' i znachenie strategicheskogo planirovaniya v uspešnom razvitii rossiiskikh predpriyatii* [Role and Importance of Strategic Planning in the Successful Development of Russian Enterprises]. *Aktual'nye innovatsionnye issledovaniya: nauka i praktika*. 2010, No. 2.

8. Kul'kov V.M., Chirkov M.A. *Ekonomika Rossii* [Economics of Russia]. Teaching Materials. Cheboksary, Novoe vremya, 2015, pp. 6-12.

МОДЕЛЬ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ИДЕЙ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

© 2017 г. А.А. Хохлов^а

^аРостовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

MODEL OF IMPORT REPLACEMENT IN THE INDUSTRY OF THE REGION ON THE BASIS OF GLOBALIZATION IDEAS

A.A. Khokhlov ^a

^aRostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Хохлов Александр Александрович –
аспирант,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Б. Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: Sniper4738@yandex.ru

Aleksandr A. Khokhlov –
Postgraduate,
Rostov State University
of Economics,
B. Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: Sniper4738@yandex.ru

Рассматривается модель реализации политики импортозамещения в РФ на основе современных методологических конструкций, учитывающих динамические процессы макро- и мезоуровня. Сформирована система положений о приоритете регионального ресурсного комплекса при формировании сбалансированной отраслевой воспроизводственной структуры регионального хозяйства. Показано, что стимулирование перелива капитала в промышленный сектор в современных условиях зависит от стоимости реализации предпринимательской деятельности и может регулироваться государством. В качестве концептуальной модели предложено использование идей глокализации, которая является ответной реакцией на недостатки глобальных траекторий развития и обладает значительным потенциалом.

Ключевые слова: импортозамещение, промышленность региона, глокализация, индустриальная динамика, региональная промышленная политика.

The article considers the implementation of the model of import substitution policy in the Russian Federation on the basis of modern methodological designs that take into account the dynamic processes of macro- and meso-level. The system of the provisions on the priority of regional resource complex in the formation of a balanced industry-reproductive structure of the regional economy is formed. It has been shown that the stimulation of the flow of capital in the industrial sector in modern conditions is dependent on the cost of the implementation of the business and can be regulated by the state. As a conceptual model of the use of the ideas, the author suggests localization, which is a response to the global trajectory of the shortcomings and has considerable potential.

Keywords: the import substitution, industry in the region, glocalization, industrial dynamics, regional industrial policy.

Необходимость импортозамещения, обусловленная сложившейся экономической ситуацией в Российской Федерации, общепризнана и объясняет научный поиск возможных моделей реализации в содержательном и институциональном контекстах. Как было показано в [1], основные векторы решения проблемы заключаются в логическом рассмотрении последовательности смыслового определения понятий индустриальной динамики, отраслевой сбалансированности, глокализации, вертикальной интеграции, повышения

капиталоемкости и их последующего интегрального оценивания.

На наш взгляд, все перечисленные элементы экономики промышленного сектора в своей совокупности обеспечивают необходимый импульс воспроизводственным процессам и могут быть формализованы. В основе предлагаемого комплекса решений проблемы импортозамещения лежит использование региональных ресурсов в целях экономического роста и регионального воспроизводственного процесса. В указан-

ном контексте нами предложена модель вертикальной интеграции производственного комплекса, обеспечивающая необходимый уровень диверсификации регионального хозяйства и позволяющая повысить уровень рациональности использования имеющихся ресурсных и производственных возможностей.

В этой связи целесообразно рассмотрение стимулирования процессов промышленной динамики (в том числе создания вертикально интегрированных структур) и разработки эффективной промышленной политики в российских регионах как инструмента достижения отраслевой сбалансированности и обеспечения требований регионального воспроизводственного процесса.

Эмпирически доказано, что «структурные изменения могут быть связаны с экономическим ростом сильнее, чем это обусловлено теорией эндогенного роста, в котором подчеркиваются технологические и инновационные входные изменения» [2]. На наш взгляд, именно условная анонимность рыночной среды экономики открытого типа, как можно охарактеризовать национальную экономику РФ до начала кризисных явлений, препятствовала развитию указанного сценария, так как не позволяла оценить уровень инноваций, «стоимость предпринимательской деятельности» конкурентов и возможный рыночный спрос.

Можно предположить, что промышленные изменения и внутренний спрос наряду с понятием стоимости предпринимательской деятельности в большей степени влияют на процессы возникновения предприятий и дальнейшего межотраслевого перераспределения факторов производства [3].

Таким образом, цель региональных властей в настоящее время трансформируется в область создания необходимых условий перераспределения ресурсов между секторами экономики, снижения указанных предпринимательских издержек и обеспечения воспроизводственного баланса в экономике.

Как отмечается в [4], существуют две основные экономические школы, исследующие взаимосвязи изменений в отраслевой структуре и экономического роста. Неоклассический подход считает отраслевую структуру незначительным побочным продуктом роста, в то время как зарубежные ученые относят изменения в отраслевой структуре к важнейшим факторам экономического роста [5, 6]. Вопросам реструктуризации внутри секторов и в разных секторах посвящены работы [7–9]. Под иным углом зрения процессы

рассматриваются в [10], отмечается, что рост производительности труда обусловлен внутренней реструктуризацией. Как особую функцию предпринимательства межсекторальные перераспределения выделяет Р.А. David [11]. Результатом рыночной адаптации отраслевого динамику считает J. Metcalfe [12].

В области формирования региональной индустриальной политики, направленной на отраслевую сбалансированность, большой интерес вызывает теоретическая конструкция С. Губанова [13], представляющая данный процесс формулой «неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция», которая наиболее эффективно реализуется в развиваемой в настоящее время концепции глокализации [14].

Глокализация, пришедшая на смену процессам глобализации, которые кроме положительных особенностей обладают рядом противоречивых свойств, приводит к экологическим проблемам, недостаткам финансовых и экономических моделей, усилению и трансформации конкуренции, тиражированию диспропорций развития. При этом следует отметить, что система научных исследований столкнулась с парадоксом: «Чем сильнее глобализация, тем востребованней оказывается всевозможная локальная специфика» [15].

Английский социолог Р. Робертсон, предложивший термин «глокализация», считает, что перечисленные тенденции «в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [16]. Глокализация как «новый регионализм» направлена на поиск оптимальных способов интегрирования в региональные соглашения в глобальные процессы (в отличие от «интровертности», т.е. прежде всего протекционистской направленности старого регионализма).

В контексте импортозамещения глокализация становится важным инструментом транслокальных объединений, которые в условиях России, когда объемы межрегионального движения капиталов ничтожны, смогут выполнять функцию экономической интеграции в силу обратимости и проницаемости всех энергетических связей в таких системах. Кроме того, поскольку глокализация как феномен отличается проявлением сетевой геоэкономической конкуренции, это требует нового подхода к промышленной политике через формирование уникальных региональных «брендов» с особенной эффективной социально-экономической системой.

В рамках такой системы регион получает народно-хозяйственный комплекс, ориентированный на решение региональных задач, соответствующий культурным традициям осуществления бизнеса, отличающейся четкой идентификацией участников производственного процесса, что позволит взаимодействовать с экономическими комплексами различного уровня.

«Несмотря на многообразие инвариантов промышленной политики, практика ее реализации в прошедшие годы ограничивалась стимулированием экспортно-ориентированных производств, обеспечивающих некоторый мультипликационный социально-экономический эффект в смежных отраслях, укрепление позиций отрасли в экономике, получение доступа к мировым технологиям. Однако данная модель характеризовалась серьезным недостатком, обусловленным преобладанием экспорта сырьевых товаров и упрощением структуры промышленного сектора. Современные реалии изменили вектор реализации промышленной политики в направлении импортозамещения, который не подкреплен соответствующим законодательным и научно-методологическим инструментарием. Это связано также с другим системным противоречием, характерным для региональной экономики – глубокими отраслевыми диспропорциями, которые в значительной степени препятствуют воспроизводственным процессам и инвестиционной активности. Поиск решения находится в векторе индустриальной политики и должен получить свое развитие в форме адекватного инструментария» [15].

Главным критерием формирования новой отраслевой структуры экономики должно стать обеспечение оптимального использования наличных ресурсов при максимально возможных темпах экономического роста. Учитывая накопленный Россией производственный, кадровый и научно-технический потенциалы, необходимо, чтобы структурная перестройка ее экономики была ориентирована на создание достаточно полных многоотраслевых хозяйственных комплексов. Но при этом целевые установки по созданию таких комплексов в конечном итоге должны быть направлены не на достижение самообеспеченности по большинству видов потребляемой продукции, а на освоение новых перспективных и конкурентоспособных производств для использования преимуществ международного разделения труда и углубления интеграции в мировую

экономическую структуру. Это означает, что появление новых производств, обновление и диверсификация существующих должны в конце концов привести к расширению объема и ассортимента и к качественному улучшению экспортно-импортных операций.

Сбалансированная отраслевая структура в значительной степени характеризует устойчивость и перспективы развития не только региона, но и промышленности в целом. «При этом необходимо отметить, что структуру промышленности трудно изменить простой корректировкой параметров экономики из-за присущего агломерационным процессам свойств гистерезиса и агломерационной ренты» [15].

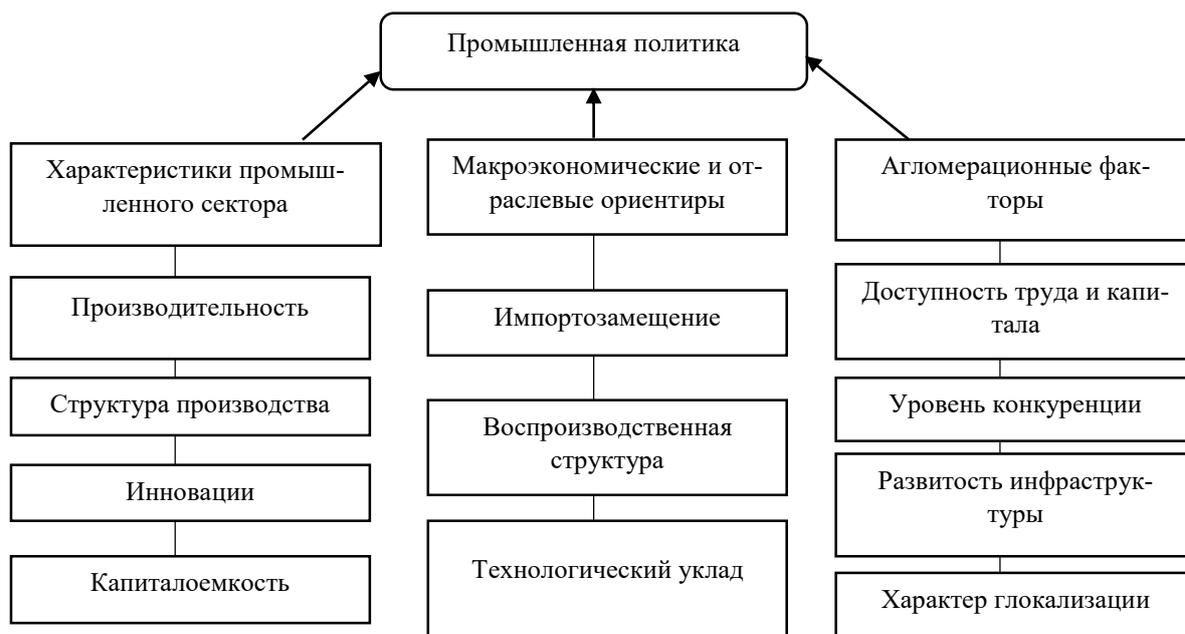
«На основании фундаментальных работ в области индустриальной динамики мы исходим из предположения, в соответствии с которым генезис и динамика промышленных предприятий обусловлены характером межотраслевого перелива капитала крупнейших предприятий-холдингов, стимулирование которого зависит от государственной промышленной политики и управляемых агломерационных факторов, снижающих издержки и повышающих ожидания инвесторов.

Существует взаимосвязь государственной промышленной политики и межотраслевого перелива капитала, отражающаяся в характере режимов ожидания инвесторов, которые могут быть идентифицированы в виде совокупности факторов концентрации производства и их зависимости от издержек обращения, позволяет разрабатывать эффективные инструменты промышленной политики, направленные на процессы диверсификации» [15] бизнес-моделей крупных холдингов в интересах территорий.

Многофакторность указанного явления проявляется в многообразии взаимосвязей, которая позволяет оценивать динамику экономического развития отраслей с целью определения наиболее эффективных направлений государственного воздействия.

На рисунке представлена схема детерминантов промышленной политики, позволяющая осуществлять необходимые динамические обобщения.

Структурно-динамическое моделирование позволяет не только формировать перспективные модели промышленной политики, но и осуществлять необходимые аналитические обобщения с целью определения перспективных отраслей, которые могут выступить драйвером индустриальных преобразований.

Детерминанты промышленной политики в процессе управления структурными преобразованиями
 / The determinants of industrial policy in the process of managing structural transformations

Описанный ранее закон вертикальной интеграции, на наш взгляд, имеет фундаментальное значение и заключается в том, что требуется «нулевая рентабельность всего промежуточного производства», так как извлечение прибыли для добывающих переделов становится деструктивным условием для достижения целей вертикальной интеграции, обеспечения конкурентоспособности и технологичности конечного продукта.

Предлагаемый подход получил поддержку таких специалистов, как Гранберг [17] и В. Наймушин [18], которые считают необходимым ускоренную структурную перестройку народного хозяйства, «переход от преимущественно сырьевого производства к производству высокотехнологичных конкурентоспособных продуктов конечного потребления; формирование и расширение сектора современных инновационно-индустриальных отраслей с последующим выходом их продукции на международные стандарты качества и надежности; декриминализация и де бюрократизация органов государственного, регионального, муниципального и корпоративного управления, подготовка и продвижение управленческих кадров, соответствующих требованиям и условиям неоиндустриальной экономики» [15]. В результате создана теоретико-содержательная база, которая позволяет исследовать отдельные элементы отраслевой и предпринимательской динамики. Однако системное представление указанных процессов как единая

методологическая и инструментальная база отсутствует. Не решена задача обеспечения импортозамещения и промышленного роста.

«Постановка задачи вертикальной диверсификации холдингов или интеграции предприятий по полному циклу производства обусловлена вариативностью развития систем макроэкономического уровня, при формировании общего представления о формах инвестиций как перелива капитала и сводится к поиску сценария максимизации ожидаемой полезности инвестиционного капитала, который в условиях относительно свободной конкуренции самостоятельно стремится к равновесному состоянию наиболее оптимальным способом.

Однако реальная практика переливов капитала свидетельствует о наличии других, особых правил инвестирования, что должно быть отражено в практике формирования государственной и региональной промышленной политики.

Холдинги представляют собой, с одной стороны, институт, обеспечивающий реализацию промышленной политики посредством концентрации материальных и человеческих ресурсов, с другой стороны – институт долгосрочного планирования модернизации отраслей промышленного сектора и отличаются по составу участников, целям создания, способу образования сроком работоспособности, степени интеграции, целевым установкам, рыночному положению и характеру взаимодействия с малыми предприятиями.

Практика развития холдингов свидетельствует, что формирование данного института происходит посредством целенаправленного инвестирования в форме капитальных вложений, финансовых активов, которые часто не совпадают с целями отраслевого или регионального развития. Таким образом, очевидна необходимость разработки механизма направленного инвестирования в системе сопряженного развития холдингов и отраслей промышленного сектора экономики» [15].

Механизм направленного инвестирования позволяет обеспечить достижение целей промышленного развития в отраслях высокотехнологического сектора экономики посредством сбалансированного инвестирования в производственные направления деятельности холдинга в тех регионах, где для этого созданы наиболее приемлемые условия.

В качестве практической реализации предлагается использовать методологию и практику разработки программ долгосрочного развития крупного многоотраслевого комплекса на основе одноступенчатой модели Албаха для синхронного инвестирования и финансового планирования, предусматривающей максимизацию общей стоимости капитала инвестиционной и финансовой программы. Она ориентирована на финансовое равновесие по условиям ликвидности для всего планового периода [19]. Модификация модели позволяет включать в состав ее критериев необходимую систему ограничений, учитывающих требования процессов глокализации и формирования привлекательного «бренда» рассматриваемого региона, что дает возможность выработать уникальные инварианты финансирования инвестиционного капитала и финансовые потоки с учетом региональной системы льгот и поддержки в границах промышленной политики.

Литература

1. Тяглов С.Г., Кузьминов А.Н. Самоорганизационная модель управления импортозамещением в регионе // Вестн. Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2016. № 1 (85). С. 122–130.
2. Romer P. Endogenous Technological Change // Journal of Political Economy. 1990. № 98. P. 71–102.
3. Zagler M. Economic Growth, Structural Change, and Search Unemployment // Journal of Economics. 1998. № 96. P. 63–78.
4. Echevarria E. Changes in Sectoral Composition Associated with Economic Growth // International Economic Review. 1997. № 38(2). P. 431–452.
5. Kuznets S. Economic Growth of Nations, Total Output and Productivity Structure. Cambridge: Harvard University Press, 1971. URL: <http://www.nber.org/chapters/c5973.pdf> (дата обращения: 14.09.2016).
6. Baumol W. J., Blackman S.A.B., Wolff E.N. Productivity and American Leadership. Cambridge: MIT Press, 1989. URL: https://openlibrary.org/works/OL72118W/Productivity_and_American_leadership (дата обращения: 14.09.2016).
7. Disney R., Hasekl J., Helden Y. Restructuring and Productivity Growth in UK Manufacturing // Economic Journal. 2003. № 113. P. 666–694.
8. Baldwin J. R., Wulong Gu. Competition, Firm Turnover and Productivity Growth // Economic Analysis Research Paper Series. 2006. № 42. P. 234–245.
9. Foster L., Haltiwanger J.C., Krizian C. J. Market Selection, Reallocation, and Restructuring in the U.S. Retail Trade Sector in the 1990s // Review of Economics and Statistics. 2006. № 88. P. 748–758.
10. Scarpetta S., Hemmings P., Tressel T., Woo J. The Role of Policy and Institutions for Productivity and Firm Dynamics: Evidence from Micro and Industry Data // OECD Economics Department Working Papers. 2002. P. 329.
11. David P. A. Path Dependence, its Critics and the Quest for Historical Economics. // The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader / G.M. Hodgson (Ed.). Edward Elgar Publishing, 2007. URL: https://books.google.kz/books?id=IDKys_d6rv8C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 14.09.2016).
12. Metcalfe J. S. Evolutionary Concepts in Relation to Evolutionary Economics // The Evolutionary Foundations of Economics / K. Dopfer (Ed.). Cambridge University Press, 2005. URL: <http://pchen.ccer.edu.cn/homepage/Major%20papers%20by%20Chenping/PChenEvoEcoDyn05.pdf> (дата обращения: 14.09.2016).
13. Губанов С. Неиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3–27.
14. Bauman Z. Glocalization and hybridity // Glocalism: journal of culture, politics and innovation University of Leeds. 2013. № 1. P. 12–25.
15. Кузьминов А. Н., Хазуев А. И. Трансформация роли холдингов в структурных преобразованиях промышленного сектора. URL: <http://>

www.e-rej.ru/upload/iblock/894/894834d73e804676b8e7a8cdffc870fc.pdf (дата обращения: 14.09.2016).

16. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // *International sociology*. L., 1999. Vol. 13, B 1. P. 25-40.

17. Grandberg Z. Neo-industrial paradigm and the law of vertical integration // *The Economist*. 2009. № 1. S. 38-41.

18. Наймушин В.Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная «Неоиндустриализация»: выбор современной России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2009. № 2 (6). С. 127-133.

19. Брагинский О.Б. Об оптимизации инвестиционной программы развития крупного многоотраслевого комплекса в условиях ограниченности финансовых ресурсов (информационный аспект). М. : ЦЭМИ РАН, 2013. URL: http://www.smsep.ru/sites/default/files/archive/2013/annotations/braginskiy_annotaciya.pdf (дата обращения: 14.09.2016).

References

1. Tyaglov S.G., Kuz'minov A.N. Samoorganizatsionnaya model' upravleniya importozameshcheniem v regione [Self-organization Management Model of Import Substitution in the Region]. *Vestn. Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. 2016, No. 1 (85), pp. 122-130.

2. Romer P. Endogenous Technological Change. *Journal of Political Economy*. 1990, No. 98, pp. 71-102.

3. Zagler M. Economic Growth, Structural Change, and Search Unemployment. *Journal of Economics*. 1998, No. 96, pp. 63-78.

4. Echevarria E. Changes in Sectoral Composition Associated with Economic Growth. *International Economic Review*. 1997, No. 38(2), pp. 431-452.

5. Kuznets S. *Economic Growth of Nations, Total Output and Productivity Structure*. Cambridge, Harvard University Press, 1971. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c5973.pdf> (accessed 14.09.2016).

6. Baumol W. J., Blackman S.A.B., Wolff E.N. *Productivity and American Leadership*. Cambridge, MIT Press, 1989. Available at: https://openlibrary.org/works/OL72118W/Productivity_and_American_leadership (accessed 14.09.2016).

7. Disney R., Hasekl J., Helden Y. Restructuring and Productivity Growth in UK Manufacturing. *Economic Journal*. 2003, No. 113, pp. 666-694.

8. Baldwin J. R., Wulong Gu. Competition, Firm Turnover and Productivity Growth. *Economic Analysis Research Paper Series*. 2006, No. 42, pp. 234-245.

9. Foster L., Haltiwanger J.C., Krizian C. J. Market Selection, Reallocation, and Restructuring in the U.S. Retail Trade Sector in the 1990s. *Review of Economics and Statistics*. 2006, No. 88, pp. 748-758.

10. Scarpetta S., Hemmings P., Tressel T., Woo J. The Role of Policy and Institutions for Productivity and Firm Dynamics: Evidence from Micro and Industry Data. *OECD Economics Department Working Papers*. 2002, p. 329.

11. David P. A. Path Dependence, its Critics and the Quest for Historical Economics. *The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. G.M. Hodgson (Ed.). Edward Elgar Publishing, 2007. Available at: https://books.google.kz/books?id=IDKys_d6rv8C&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (accessed 14.09.2016).

12. Metcalfe J. S. Evolutionary Concepts in Relation to Evolutionary Economics. *The Evolutionary Foundations of Economics*. K. Dopfer (Ed.). Cambridge University Press, 2005. Available at: <http://pchen.ccer.edu.cn/homepage/Major%20papers%20by%20Chenping/PChenEvoEcoDyn05.pdf> (accessed 14.09.2016).

13. Gubanov S. Neoindustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoindustrialization Plus Vertical Integration (on a formula for the development of Russia)]. *Economist*. 2008, No. 9, pp. 3-27.

14. Bauman Z. Glocalization and hybridity. *Glocalism: journal of culture, politics and innovation University of Leeds*. 2013, No. 1, pp. 12-25.

15. Kuz'minov A.N., Khazuev A.I. *Transformatsiya roli kholdingov v strukturnykh preobrazovaniyakh promyshlennogo sektora* [Transformation of the Role of Holding Companies in the Structural Transformation of the Industrial Sector]. Available at: <http://www.e-rej.ru/upload/iblock/894/894834d73e804676b8e7a8cdffc870fc.pdf> (accessed 14.09.2016).

16. Robertson R., Knondker H. Discourses of Globalization: Preliminary Considerations. *International sociology*. London, 1999, vol. 13, B 1, pp. 25-40.

17. Grandberg Z. Neo-industrial paradigm and the law of vertical integration. *The Economist*. 2009, No. 1, pp. 38-41.

18. Naimushin V.G. «Postindustrial'nye» illyuzii ili sistemnaya «Neoindustrializatsiya»: vybor sovremennoi Rossii [“Postindustrial” Illusions or Systemic “Neoindustrialization”: Choice of Contemporary Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* 2009, No. 2 (6), pp. 127-133.

19. Braginskii O.B. *Ob optimizatsii investitsionnoi programmy razvitiya krupnogo mnogoot-*

raslevogo kompleksa v usloviyakh ogranichenosti finansovykh resursov (informatsionnyi aspekt) [On the Optimization of the Investment Program for the Development of a Large Multi-complex in the Context of Limited Financial Resources (information aspect)]. Moscow, TsEMI RAN, 2013. Available at: http://www.smsep.ru/sites/default/files/archive/2013/annotations/braginskiy_annotaciya.pdf (accessed 14.09.2016).

Поступила в редакцию / Received

4 апреля 2017 г. / April 4, 2017

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ TO HELP THE TEACHER

УДК 377

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-97-102

О ФОРМИРОВАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОТРЕБНОСТИ У СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2017 г. З.И. Асеков^а, О.В. Велиев^а

^аДагестанский государственный педагогический университет, Махачкала, Россия

ON THE FORMATION OF STUDENTS' AESTHETIC NEEDS BY MEANS OF LITERATURE

Z.I. Asekov^а, O.V. Veliev^а

^аDagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia

Асеков Заур Изаметович –
кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367010, Россия.

Zaur I. Asekov –
Candidate of Philology, Associate Professor,
Dagestan State
Pedagogical University,
Yaragskogo St., 57, Makhachkala, 367010, Russia.

Велиев Омар Велиханович –
кандидат философских наук, доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. Ярагского, 57, г. Махачкала, 367010, Россия.
E-mail: o.veliev@bk.ru

Omar V. Veliev –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Dagestan State
Pedagogical University,
Yaragskogo St., 57, Makhachkala, 367010, Russia.
E-mail: o.veliev@bk.ru

Рассматривается актуальная проблема формирования эстетических потребностей у студентов средствами литературы (в частности, на материале произведения поэта Дагестана Р. Гамзатова «Остров женщин»). Особо отмечается роль художественной литературы в воздействии на чувства и мысли, большие потенциальные возможности воспитания, образования и развития. Опыт обучения показывает, что с помощью форм, методов и средств эффективно решаются задачи, связанные с формированием профессионально ценных качеств, особенностей мотивации, активизации индивидуально-творческого самопознания и саморазвития личности студента. Определяется, что формирование эстетических потребностей в процессе художественно-творческой деятельности рассматривается как целостный интегративный процесс.

Цель статьи – изучение влияния эстетической потребности и оценки воздействия различных форм эстетической деятельности средствами художественной литературы. Исходя из этой цели сформулирована задача воспитания творческой, социально активной личности с формированием разумных потребностей, способствующих её духовному и физическому совершенствованию.

Предметом исследования является потребно-мотивационная сфера личности, состоящая из потребностей в познании, эстетической деятельности, эстетическом отношении к действительности.

Научная новизна состоит в том, что впервые в культурологическом исследовании рассматривается формирование эстетических потребностей средствами литературы, а также влияние конкретных форм эстетической деятельности на определённые потребности и их соотношение у студентов-педагогов.

Представленные рекомендации позволят сформулировать подходы и методики к организации эстетической деятельности, их использование в формировании личности студента. В ходе исследования применялись комплексные методики, включающие изучение личности с помощью различных опросников, разработанных и проверенных в ходе проведения эксперимента: опросники для измерения потребностей и эстетического отношения к действительности и к художественной литературе в целом, а также система самооценки, анализ результатов.

В итоге делается вывод, что эстетическая потребность без изучения мотивов, в которых она обнаруживается, является неполной. Мотивы выступают отражением в сознании субъекта его эстетической потребности.

Ключевые слова: эстетические потребности, художественная литература, творческая деятельность, творческий процесс, художественный вкус, студент, Дагестан, личность.

In the article the authors consider the actual problem of the aesthetic needs formation of the students by means of literature (on the material of the Dagestan poet Gamzatov's work "The Island of Women"). They highlighted the role of literature impact on the thoughts and feelings, great potential training opportunities, education and development. The experience of teaching shows that with the help of forms, methods and means we can effectively solve problems related to the formation of professional qualities, the characteristics of motivation, activation of individual creative self-consideration and self-development of the individual student. In the article, it is determined that the formation of aesthetic needs in the process of artistic and creative activity is considered as a holistic integrative process.

The purpose of the article is in the study of the aesthetic needs influence and assess the impact of various forms of aesthetic activity by means of fiction. On the bases of this objective the task of education of creative, socially active personality with the formation of the reasonable needs, contributing to its spiritual and physical perfection was formulated.

The subject of the research of this article is the need-motivational sphere of personality consisting of the need for knowledge, aesthetic activity, aesthetic attitude to reality.

Scientific novelty is revealed in the fact that for the first time in a cultural study the authors examine the formation of the aesthetic requirements by means of literature as well as the impact of specific forms of aesthetic activity to certain requirements and their relationship to students and educators.

The practical significance lies in the fact that the presented recommendations will formulate approaches and methods for the organization of aesthetic activity, their use in the formation of the student's personality. The study used complex techniques, including the study of personality with the help of various questionnaires, developed and tested in the course of the experiment: a questionnaire to measure the needs and aesthetic relationship to reality and fiction in general, as well as the system of self-assessment, analysis of the results.

The study concluded that the aesthetic needs without examining the motives, in which they are found, are not complete. Motives are the reflection in the consciousness of the subject of the aesthetic needs.

Keywords: aesthetic needs, fiction, creative activities, creative process, artistic taste, student, Dagestan, personality.

Роль художественной литературы в совершенствовании воспитательной работы среди молодежи в духе преданности родине и народу всегда была высока. Высоко ценились и образовательные возможности литературы.

Белинский называл литературу «гувернанткой общества» [1], Чернышевский, отмечая наставническую роль художественной литературы, высоко ставил значение творцов ее, называя писателей руководителями, отвращающих читателей «от всего пошлого и дурного» и приучающих любить «доброе и прекрасное» [2].

Природа художественной литературы, ее нравственное воздействие на молодое поколение тесно связаны с глубоким изучением современной жизни. Именно такая тесная и неразрывная связь может сделать произведение близким читателю и дать большой материал преподавателю в проведении идейно-воспитательной, нравственной работы.

Задачи, которые стоят перед писателями, – укреплять связь с жизнью, правдиво и художественно отображать нашу действительность, говорить о новом и обличать всё то, что мешает движению вперед, относятся и к учителям школ, преподавателям вузов. В лекциях, практических и семинарских занятиях педагоги должны широко

разъяснять большое образовательное, воспитательное и нравственное значение литературы.

В наши дни, когда происходит обновление всех сторон жизни общества, одной из важных задач воспитания творческой, социально активной личности является формирование разумных потребностей, способствующих ее духовному и физическому совершенствованию.

Потребности – это прежде всего отраженная в сознании субъекта неудовлетворенность в чем-либо, внутренний стимул человеческой деятельности, имеющий субъективно-объективную природу. Потребности личности, безусловно, зависят от уровня развития данного общества, а также от специфических социальных условий ее деятельности, обнаруживаются во влечениях и мотивах.

Эстетическая потребность относится к разряду духовных и является продуктом длительного исторического развития. Существует множество ее сходных определений: «потребность в эстетическом переживании» (В.В. Неверов), «нужда в удовлетворении эстетического чувства» (П.Л. Рудик), «потребность в эстетическом наслаждении» (К. Островский), как «синтез эмоциональных ассоциаций».

Определяется эстетическая потребность, в частности, как «заинтересованность человека в эстетических ценностях, исходный момент освоения и создания эстетического человеком в разнообразных формах деятельности, и прежде всего в деятельности художественной, в искусстве, где эстетическое начало выражается в наиболее концентрированном виде» [3, с. 266].

Интерес таких наук, как эстетика, теория и история искусства, социология, психология, педагогика, литература к проблемам происхождения и функций эстетической потребности человека подчеркивает, насколько многогранен объект исследования. Философ И.Л. Джидарьян считает, что эстетическая потребность выступает стержневым образованием эстетического знания личности. Специфика ее выражена в предметном содержании и побудительной, мотивирующей силе потребности во всей эстетической деятельности человека.

В этом отношении очень много делает литература. Искусство реализма, постоянно держа руку на пульсе времени, активно реагируя на предстоящие события, осознает свою ответственность за судьбы человечества, собственную причастность к судьбам народов мира. «Всемирная отзывчивость», потребность в любви находится в центре творчества российских писателей. Примером этому является стихотворение Л. Мартынова «Свобода».

*И я употреблю свою свободу,
Чтоб острова на воздух не взлетели,
Материки не провалились в воду
И целые миры не опустели* [4, с. 137].

Эта актуальная тема нашла и находила отражение в произведениях дагестанских поэтов: С. Стальского, Г. Цадасы, А. Магомедова, Казиява Али, Р. Гамзатова, А.-В. Сулейманова и др. Многонациональная литература и сегодня последовательно ищет ответы на самые коренные, общечеловеческие социальные вопросы современного бытия. Эта тема становится «своей», ей служат многие произведения наших писателей, поэтов разных лет, в том числе и произведения Р. Гамзатова. Среди них особое место занимает его поэма «Остров женщин». В центре произведения мысли автора о свободе личности, проблемы ответственности человека за судьбы мира, за всё, что происходит вокруг.

Поэт, полный душевной щедрости к простым людям планеты, верный интернациональному долгу гражданина, проникается мечтой разгадать значение таинственных слов, услышанных им

«однажды звучанье иноязычных слов», что позвало поэта в дальнюю дорогу.

*Должно быть время поисков приспело,
Ведь не напрасно вижу я во сне,
Что птица на плечо присела
И лань золоторогая при мне.
Привычный к сборам, хлопотам, дорогам
Как в горской сказке, жгу тигровый ус.
Когда я, наконец, в седло взметнусь?* [5, с. 327].

И Расул, полпред мира и добра, полный радужных чувств, спешит к заветным берегам, которые сняты и зовут. Автор широко использует богатые творческие возможности, национальные традиции, обычаи родного народа, чтобы решить поставленную перед собой задачу.

Как принято в устном народном творчестве и по обычаю, Расула в дальний путь провожают аул Цада, родные и близкие, жители Махачкалы. Перед дорогой он получает благословение дагестанцев. Тут поэт не забыл произведения старины, где упоминаются о подобных проходах в дорогу. («Песни об Айгъязи», «Песня об Абдулле» и др.).

Поэма «Остров женщин» проникнута личными чувствами, заботой и вниманием к людям далекой страны. Эти задачи всемерно расширяют поэтическую карту Расула. Верный интернационализму, он сам хочет увидеть своими глазами остров, понять судьбу женщин острова.

Чтобы ярче оттенить свою задачу открывателя Острова женщин, поэт вспоминает историю открытий Колумба. Колумб открывал континенты и народы, чтобы закрыть их от других. Его открытия несли «обман, обмен, жестокость, унижение свободных, истребление их».

Расчётливый адмирал не понимал душу народа, его задачей было обогатить испанскую корону.

*Ты никаких кладов не откроешь
На малом островке, мне говорят,
Но занят я не поиском сокровищ
Я все-таки поэт, а не пират...* [5, с. 341].

Такими словами Расул объясняет совсем иную цель. Он хочет увидеть «Остров женщин», узнать ближе судьбу людей края. Верный дружеским чувствам, поэт заверяет, что «и, возвратившись со своих походов, островитян далеких не продаст». Поэт знает, что такое «гноусное злодейство», которое видел Кавказ на своем веку. Он запомнил навсегда слова отца, который рассказывал как «Аулы в пепел превращали и шах персидский и российский царь».

Сердце поэта, как чуткий сейсмограф, остро реагирует на все события времени, его волнуют

судьбы многих народов за рубежом. Он стремится осмыслить все происходящее, его не покидает чувство причастности к тревогам и радостям планеты. Его постоянные размышления над глобальными вопросами времени наполняют творчество разными красками, оттенками и радостями и боли. Проницательный поэт видит как:

*Один своей свободой гордится,
Которую завоевал в бою.
Другой слывет извечною темницей,
Влача судьбину горькую свою* [5, с. 350].

Его отговорить невозможно. Он должен найти и воочию увидеть жизнь острова женщин. Ибо поэт сам представитель малого народа и хорошо знает, как малым народам тоже нужно большое счастье. Он твердо уверен в том, «...что малый остров может стать великим, но не бывает маленькой любви»:

*Недаром родинка – живое чудо,
Цвела на лбу прекрасной Мариам,
Свела с ума великого Махмуда
И жизнь дала божественным стихам...* [5, с. 341].
И еще из жизни великих поэтов Востока:
*Сам Саади сложил к ногам любимой
Свое богатство – мудрость и талант...* [5, с. 341].

На пути к цели, полный раздумий, как встретит его таинственный остров, поэт ни на секунду не забывает свою родину. Горячая любовь к Дагестану, к родному очагу в Цада, к запаху свежего сена и к родным песням, которые он слышит даже издали, усиливают в его душе теплые чувства к людям, лишенным на планете человеческих условий существования. И в этой поэме Расула Гамзатова видна его горячая любовь, потребность сердечного общения с людьми. Осознанное стремление к братству народов одухотворяет поэзию Гамзатова, определяет гражданственность поэзии.

В этом произведении автор высоко поднимает миссию поэта, его назначение. Жизненная широта, беспредельность постоянно обогащает его творчество. Поэтому, размышляя о своих стихах и поэмах, он пишет:

*Облеченный уделом подлунным
Стихотворец Гамзатов Расул
В этом мире извечном и юном
К двум аулам я сердцем прильнул.
И один из них обетованный,
Где меня под напев родника
Ветер в люльке качал деревянной,
Запеленатого в облака...
Другой аул мой в этом мире –
Белый свет, что распахнут всегда.*

*И лежит предо мной на четыре
Стороны от аула Цада* [5, с. 150].

Поэзия, размышляющая и постигающая самую суть жизни, участвующая в её перестройке, требует особой интенсивности словесного строя. Об этом всегда помнил Расул, который открывает все новые истины поэзии и чувства переживания.

Эстетические потребности становятся фактом сознательной деятельности, только конкретизируя и модифицируясь в интересе к видам и формам деятельности, к тем или иным произведениям искусства. Именно интересы являются формой реализации эстетической потребности человека в данной конкретно-исторической ситуации.

Исследователи Е.В. Квятковский, А.И. Буров, Л.П. Лечко в определении эстетической потребности не ограничиваются лишь созерцательной стороной её проявления. Они считают, что эстетическая потребность – «исторически возникшее стремление человека к красоте и деятельности по законам красоты (художественно-эстетическая деятельность)» [6, с. 19]. Деятельность рассматривается как наиболее высокий этап развития эстетической потребности личности. Она может проявляться не только в непосредственном творчестве личности, в создании своего эстетического предмета, но и при встрече с эстетическим предметом и будет выражаться в сотворчестве, в создании «своего» вторичного образа, который также представляет собой акт деятельности.

При этом необходимо учитывать, что развитое эстетическое сознание, совершенный вкус, высокие духовные потребности можно формировать в общении с искусством, произведения которого принято относить к вершинным достижениям художественного гения человечества.

Студенческий возраст является наиболее значимым для восприятия произведений литературы, изобразительного искусства, театра, музыки, кино. Это обусловлено ростом самосознания, проявлением критического отношения к собственному творчеству. Если студент хочет утвердить себя в этом мире, познавая его стереотипы, то со временем все стереотипы в основном познаны и вместо желания быть как все появляется желание осознать свою индивидуальность. А потому все интересы направлены в сторону познания подлинных личностных человеческих ценностей и определения собственного к ним отношения.

Как отмечает Б.М. Неменский, потребность у студентов в искусстве рождается от потребности

в его человековедческом содержании – именно оно необходимо для формирования и развития своей нравственно-эстетической позиции. Рассматривая интересующие студентов общечеловеческие проблемы, очень важно показать, что у этих проблем есть огромная история, запечатленная в развитии искусства (например, тема красоты женщины, темы мужественности, сочувствия и т.д.) [7].

Педагог М. А. Верб определяет эстетическую потребность как одну из высших человеческих потребностей, связанную с удовлетворением особых духовных запросов, лишенных какого бы то ни было утилитарного содержания, запросов в области прекрасного [8].

Автор выдвигает следующие педагогические требования при использовании средств искусства: для правильной организации восприятия очень важно сделать правильный выбор произведения, отвечающего высоким художественным требованиям; подготовка к восприятию может включать вступительное слово о личных впечатлениях ведущего об авторе произведения, необходимую важную информацию; требуется тщательная подготовка самого показа (не перегружать обилием информации, не допускать искажений во время демонстраций репродукций и фонограмм); после показа очень важен комментарий специалиста и обмен мнениями присутствующих.

Словом, яркие персонажи, созданные писателями, служат примером подражания для молодежи, способствуют формированию новой личности, велика роль литературного примера, которому можно подражать, органически превращая в свою собственную индивидуальность самое ценное, взятое из того или иного положительного литературного образа.

В процессе преподавания культурологии, литературы обращается внимание не только на воспитание, но и на проблемы самовоспитания в формировании нового человека.

При анализе произведений прошлых эпох необходимо сосредоточивать внимание не только на идейной и нравственной проблематике, акцент переносится на те идейные стремления, моральные принципы, которые перекликаются с нашей современностью и находят отклик в наших сердцах.

Конечно, основным средством нравственного, морального воспитания являются учебные занятия. Однако преподаватели должны придавать значение внеаудиторным воспитательным

работам со студентами. Необходимо, чтобы преподаватели находили все новые формы внеклассной работы, разнообразили их, проводили плановые посещения театров, концертов с последующим обсуждением, чтобы студенты писали рецензии, аннотации. Очень важно организовывать беседы, диспуты, конференции на темы: «Образ учителя в русской литературе», «Проблемы нравственности в творчестве дагестанских поэтов», проводить юбилейные вечера, посвященные творчеству русских и национальных поэтов и писателей, вечера встречи с писателями, композиторами, художниками, практиковать конкурсы на лучшего чтеца художественных произведений. Необходимо содержательно подходить к встрече со студентами вуза.

Все это поможет быть ближе к студентам, изучать их интересы, будить инициативу, всемерно способствовать их формированию как будущих воспитателей.

Используя привычные формы работы (экскурсии в картинные галереи, беседы о художниках, слушание музыки, просмотры спектаклей и кинофильмов), прежде всего нужно учить студентов фиксировать и оценивать наиболее яркие впечатления, вызванные общением с произведениями искусства (групповые и индивидуальные беседы, обсуждения, диспуты и т.д.).

В работе со студентами можно широко практиковать сравнение вариантов одного произведения: знакомство с инсценировками и экранизациями книги, разными переводами одного текста, разными иллюстрациями к одному произведению, чтение одного текста разными исполнителями, сравнение различной музыки на один текст. Такая форма работы может быть использована при проведении литературно-музыкальных вечеров.

Проблема формирования эстетической потребности, пожалуй, одна из самых актуальных, ведь сегодня на первый план выдвигаются задачи духовного совершенствования личности, реализации её разнообразных запросов и интересов. Однако, к сожалению, долгое время она оставалась без должного внимания со стороны ученых. Обострившееся в последние годы противоречие между ростом образованности и информированности молодежи, с одной стороны, и проявлениями бездуховности, потребительских настроений – с другой требует дальнейших исследований, новых научных подходов в решении задачи формирования эстетических потребностей. Пробуждение у молодежи живого интереса к истинным

ценностям мировой и отечественной культуры должно стать главным ориентиром в работе по совершенствованию духовно богатой личности.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Избранные философские сочинения : в 2 т. М. : Политическая литература, 1948. Т. 2. С. 462.
2. *Чернышевский Н.Г.* Эстетические отношения искусства к действительности. Библиотека «Огонек». М. : Правда, 1974. С. 7.
3. Эстетика : словарь / под общ. ред. А.Л. Беляева и др. М. : Политиздат, 1989. С. 266.
4. *Мартынов Л.Н.* Избранные произведения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1990. Т. 2.
5. *Гамзатов Р.* Собр. соч. : в 5 т. М. : Художественная лит-ра, 1980–1982. Т. 5 : Стихотворения. Поэмы. Литературно-критические статьи и выступления.
6. Проблемы эстетического развития личности школьника / под ред. А.И. Бутова, Е.В. Квятковского. М. : Педагогика, 1987. С. 19.
7. *Неменский Б.М.* Педагогика искусства. М. : Просвещение, 2012. 272 с.
8. *Верб М.А.* Педагогические основы формирования эстетической культуры старших школьников. Л. : ЛГПИ им. Герцена, 1980. 80 с.

References

1. *Belinskii V.G.* *Izbrannye filosofskie sochineniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, Politicheskaya literatura, 1948, vol. 2, p. 462.
2. *Chernyshevskii N.G.* *Esteticheskie otnosheniya iskusstva k deistvitel'nosti* [The Aesthetic Relationship of Art to Reality]. Moscow, Pravda, 1974, p. 7.
3. *Estetika* [Aesthetic]. Dictionary. Ed. by A.L. Belyaev et al. Moscow, Politizdat, 1989, p. 266.
4. *Martynov L.N.* *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, vol. 2.
5. *Gamzatov R.* Collection of works. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1980-1982. Vol. 5 : *Stikhotvoreniya. Poemy. Literaturno-kriticheskie stat'i i vystupleniya* [Poems, Literary-critical Articles and Speeches].
6. *Problemy esteticheskogo razvitiya lichnosti shkol'nika* [Problems of Student's Aesthetic Personality Development]. Ed. by A.I. Burov, E.V. Kvyatkovsky. Moscow, Pedagogika, 1987, p. 19.
7. *Nemenskii B.M.* *Pedagogika iskusstva* [Pedagogy of Art]. Moscow, Prosveshchenie, 2012, 272 p.
8. *Verb M.A.* *Pedagogicheskie osnovy formirovaniya esteticheskoi kul'tury starshikh shkol'nikov* [Pedagogical Bases of Formation of Aesthetic Culture of Senior Schoolchildren]. Leningrad, LGPI im. Gertsena, 1980, 80 p.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-103-104

Вклад в национальный региональный компонент исторического образования (Трехбратов Б.А. Кто есть кто в кубановедении : библиографический словарь-справочник; 2-е изд. Краснодар : Традиция, 2014. 528 с.)

Contribution to the National Regional Component of Historical Education (Trehbratov B.A. Who is Who in Cuban Studies. Bibliographic Dictionary-Guidebook. 2nd ed., Krasnodar, Traditsiya, 2014, 528 p.)

В этом фундаментальном уже 2-м издании ученый-историк и исследователь-кавказовед Борис Алексеевич Трехбратов представил библиографические материалы, включившие в себя краткие биографии и списки опубликованных работ сотен историков, этнологов, краеведов, одним словом – специалистов своего дела, способствовавших развитию исторической науки на протяжении последних двух веков.

Цель проекта автор сформулировал очень коротко – «ознакомить читателей с состоянием исторической региональной науки, увековечить память о людях, внесших хотя бы частицу своих знаний в общую копилку» (с. 4). Таким образом, задуманное не только не вызывает сомнений, но и представляется актуальной научной и общественной задачей, так как словарь-справочник рассчитан в первую очередь на преподавателей истории и кубановедения, музейных работников, журналистов, публицистов, учащихся средних школ и других учебных заведений, на всех, кто относится с большим уважением и благоговением к судьбе своей малой родины – Кубани.

Внимательное знакомство с настоящим изданием убеждает в том, что в число персоналий вошли не только исследователи из Краснодарского края и Республики Адыгея, но и ученые Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Пятигорска, Оренбурга, ближнего зарубежья (Абхазии, Грузии, Южной Осетии) и других регионов. Большое внимание автор уделил ученому сообществу республик Северного Кавказа, в том числе Северной Осетии. При подготовке издания учитывалось общее состояние историко-краеведческой науки на протяжении всего советского и постсоветского периодов, выяснялась тематика научных исследований каждого ученого, ее изученность и актуальные проблемы. В справочнике указаны ученые степени, почетные звания (например, заслуженный деятель науки Российской Федерации или заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики и т.д.), правительственные награды, главные достижения в научной жизни, читаемые курсы лекций, а также публикации в различных изданиях, где содержится информация о научной деятельности того или иного ученого. Одним словом, о каждом, кто представлен в библиографическом словаре-справочнике, имеются максимально полные сведения.

В этом кропотливом исследовании использована информация из таких авторитетных справочников, как «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории» (Саратов), «Современное кавказоведение. Справочник персоналий» (Ростов-на-Дону), «Труженики науки Адыгеи» (Майкоп), «Адыгская (Черкесская) энциклопедия» (Москва) и др. Благодаря этим изданиям удалось по крупицам восстановить краткие научные биографии ученых, имеющих непосредственное отношение к Кубани, которые занимаются исследованием проблем народов, живущих на этой благодатной земле, или же которые были научными руководителями (научными консультантами) по написанию кандидатских и докторских диссертаций молодых кубанских исследователей. В результате получился библиографический словарь-справочник, который по многим позициям может претендовать

даже на энциклопедическое издание. В нем упоминаются имена и дореволюционных интеллигентов, которые, будучи непрофессиональными историками, тем не менее оставили труды по истории. Среди них Айтек Намиток, Пшимахо Коцев, Рамазан Трахо и др.

Автор библиографического словаря-справочника достиг поставленной цели, показав состояние историко-краеведческой науки не только на Кубани, но в целом и в стране. В этой связи необходимо подчеркнуть, что о каждом ученом, попавшем в справочник, имеются только точные биографические сведения и приводятся основные научные разработки с их выходными данными. Можно быть уверенным, что такая методика способствует популяризации конкретных персоналий и окажет помощь исследователям, особенно начинающим, разрабатывающим современные вопросы и проблемы отечественной истории.

Заслуживает внимания и обоснование понятия «кубановедение», которое, как считает автор, является «компонентом содержания образования применительно к Краснодарскому краю» (с. 289). Здесь же подчеркивается, что кубановедение реализуется посредством преподавания одноименного регионального учебного курса, который является обязательным, и рабочего учебного курса «Основы православной культуры», предлагаемого учащимся в качестве предмета по выбору (с. 289). Основная задача преподавания кубановедения – воспитание высоконравственной и духовной личности. Автор-составитель не забыл о давних традициях национального регионального компонента исторического образования. Он подчеркивает, что эти традиции имеют глубокие корни и ведут свое начало еще с досоветского периода. «В школах Кубанской области, так же как и в школах других территорий Российской империи, изучали такие предметы, как “Закон Божий”, “История России” и местную региональную историю» (с. 289). Соответственно существует дореволюционная историография данной проблемы, которая представлена работами местных историков и краеведов Ф.А. Щербины, Е.Д. Фелицына, Н.А. Блюдова, В.М. Сысоева, П.П. Короленко, М.А. Дикарева, А.Н. Дьячкова-Тарасова, К.Т. Живило и других (с. 289).

Необходимо подчеркнуть, что добрые слова сказаны и в адрес всех историков, краеведов, этнологов, оставивших интересные сведения о жизни и быте жителей Краснодарского края. Внимательное знакомство с библиографическим словарем-справочником убеждает в его актуальности и несомненной востребованности читательской аудиторией, особенно специалистами-историками. Работа выполнена с большой теплотой и благодарностью к коллегам-исследователям как прошлого, так и настоящего.

В заключение хочется еще раз поблагодарить и поздравить Б.А. Трехбрatова за ценный труд, в котором собраны отдельные забытые имена, а также добропорядочность, признательность коллегам-историкам, сделавшим многое на благо отечественной науки. Некоторые из них буквально «воскресли» на страницах фундаментального издания, которое восполнит образовавшийся в научном кавказоведении пробел и станет надежным подспорьем не только для ученых-кавказоведов, но и всех тех, кто хотя бы на любительском уровне интересуется различными аспектами истории Кавказа.

В.Д. Дзидзоев,

доктор исторических наук, профессор

кафедры философии и социально-политических наук

Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Вотчинная теория: траектория движения в историографическом пространстве (Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства в отечественной историографии XIX – XXI вв. Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015. 138 с.)

Patrimonial Theory: Trajectory of Movement in the Historiographic Space (Mininkova L.V. Theory of Patrimonial State in the Russian Historiography of the XIX - XXI Centuries. Rostov-on-Don, Izd-vo SFU, 2015, 138 p.)

Историческая наука не продуцирует собственных метатеорий, она заимствует и адаптирует теоретические конструкты из смежных наук. Междисциплинарный теоретический синтез, к которому прибегают историки, одновременно формирует и все направления критики против различных научных версий истории, доказывающих ее теоретическую несостоятельность. Такая болезненная ситуация характерна для современного развития историографии, вызывая «комплекс неполноценности» в сообществе историков. Преодоление его разворачивается по нескольким направлениям, одним из которых можно назвать возросший интерес к теориям среднего уровня. Вотчинная теория как предмет историографического осмысления в монографии Л.В. Мининковой, относится как раз к таковым теориям, составляющим концептуальную базу исторической науки. В конкретной научной ситуации известный методолог Б.Г. Могильницкий противопоставляет теорию среднего уровня, или теорию действия, как он ее стал называть еще в начале 90-х гг., истматовской теории. В этой связи он писал, что если социологическая теория формулирует общие тенденции исторического развития, то историческая теория объясняет механизм конкретного исторического действия, включая и действие самого историка [1]. Последнее подчеркивается в более поздних работах автора [2].

В концептуальном корпусе теорий среднего уровня вотчинной теории полагается, так сказать, генеральский чин (по важности рассматриваемой проблемы), она операциональна и функциональна, ее абстрактная концептуальность хорошо вписывается в конкретную исследовательскую практику, она весьма значима для демонстрации когнитивного потенциала различных метатеорий, научных школ и отдельных ученых. Наконец, она функционирует не только в собственно научно-исследовательском пространстве – уровнями ее бытования является обширное (с трудом вмещающееся и вмещающееся ли в эмпирически зримые берега?) поле исторического сознания. Вотчинная теория «хронически востребована» в сфере общественно-политической борьбы. Анализ этой теории выводит нас, как справедливо подчеркивает автор рецензируемой монографии, на проблемы восприятия государственной власти в общественном сознании России и, уместно будет добавить, проблемы национальной самоидентификации.

Л.В. Мининкова вводит в свое повествование вопрос о степени изученности вотчинной теории и, что особенно важно, прослеживает ее генеалогию. Исходя из того, что общего и комплексного исследования проблемы теории вотчинного государства до сих пор не проводилось, автор ставит перед собой задачу начертить траекторию движения вотчинной теории в историографическом пространстве, определить место, занимаемое в нем. И это в основном удастся. Перед читателем воочию предстает картина конструирования (недаром ведь речь идет о теории действия), рецепции и, естественно, трансформации вотчинной теории. Л.В. Мининкова отмечает, что идея о Московском государстве как о вотчине государя укоренена была в общественном сознании, брала свое начало в летописный период развития отечественной историографии, что эту идею в рамках профессиональной исторической науки высказывал Н.Г. Устрялов. Но заслуга научно-концептуальной разработки этой теории признается за представителями государственной школы русской историографии, причем роль зачинателя, «пионера» по праву отводится К.Д. Кавелину. В данном случае автор следует сложившейся историографической традиции и отмечает, что создание теории предполагало определенный исторический, историографический и философско-гносеологический контексты. Собственно характеристика этого контекста, выяснение предпосылок возникновения в отечественной исторической мысли теории вотчинного государства является одной из познавательных задач исследования.

Однако различные аспекты этой проблемы охарактеризованы Л.В. Мининковой не в равной мере, но наиболее отчетливо – философский (автор выделяет гегельянство и позитивизм, которые обеспечивали строго логическое изложение исторического процесса, представляли основу его научного объяснения). В то же время тезис автора об обусловленности появления вотчинной теории всем ходом развития исторической науки, а также состоянием общественного сознания (обострением в общественной мысли страны, дискуссии о прошлом и настоящем России, ее месте в окружающем мире) не получили, на наш взгляд, конкретного наполнения. Как известно, первым, кто задумался и остановился на проблеме изучения родового быта в русской истории, был Иоганн Филипп Густав Эверс, что неоднократно подчеркивалось в историографии как в дореволюционной, так и советской, фиксируется это утверждение и в современной историографической литературе [3]. Следовало бы представить линию связи «вотчинников» с Ф.Г. Эверсом – их предшественником в изучении родового быта Древней Руси.

Автор монографии, анализируя труды историков, выделяет основные концептуальные составляющие теории вотчинного государства (с. 49). Л.В. Мининкова исходит из общей, генеральной для всех приверженцев исторической концепции государственной школы идеи об органическом вырастании государства из патриархально-родовых отношений. Соответственно и процесс становления и развития вотчинного государства сторонниками этой теории трактуется как органичный, в котором решающую роль играют факторы внутреннего развития. В поле основополагающей концептуальности данной теории входит наличествующая уже у «основоположника» К.Д. Кавелина трактовка вотчинного государства как особой стадии в политическом развитии России, которая характеризуется двойной ролью князя, выступавшего одновременно в двух ипостасях: вотчинника и государя. Кавелин выдвигает тезис о сущностно значимом, в основном негативном влиянии этого периода на последующее развитие России – начала рабства, установление самодержавия. Им отмечается и обратная сторона медали – вотчинный произвол не означал окончательного подавления личности – многих русских людей влекла «необузданная воля, удаль, не знающая ни целей, ни предела» (с. 44). Проявление этой необузданной воли он видит в казачестве и его героях – Степане Разине, Ермаке. Собственно само вотчинное государство рассматривается Кавелиным как промежуточный, переходный этап от родовых отношений к государственным и, что особенно важно, – «зачаткам личности». По Кавелину, родовый строй не непосредственно перешел в государственный, между ними лежал длительный период господства семейных, вотчинных отношений.

Итак, теория сформулирована, определена в важнейших ее характеристиках, и далее начинается самое интересное – бытование/угасание ее в различных историографических средах, движение/торможение в историографическом пространстве. Выявление траектории этого движения, установление признаков этой теории в трудах российских историков нового и новейшего времени, безусловно, является сильной стороной рецензируемой работы. Избранный ракурс отличается новизной и вписывается в контекст современных поисков интеллектуальной истории. И в то же время, на наш взгляд, Л.В. Мининкова не всегда выявляет место, которое занимает проблема вотчинного государства в концептуальной системе конкретного автора, насколько она зависит от его методологических предпочтений, личной индивидуальности и творческой манеры. Автор констатирует, что теория вотчинного государства не встретила поддержки такого признанного научного авторитета, как С.М. Соловьев, «он, в отличие от К.Д. Кавелина... не признавал существования в России промежуточной стадии семейных и вотчинных отношений и вотчинного государства» (с. 6) – содержанием исторического периода от Андрея Боголюбского до Ивана III, по Соловьеву, был переход от родовых отношений к государственным при длительной борьбе этих двух начал. Различие в концептуальных подходах обусловлено (и об этом следовало бы сказать автору) различием в методологических позициях (при общей апелляции к Гегелю для С.М. Соловьева характерно и преломление идей раннего позитивизма) и избранными предметными полями исследования. В результате определенных методологических различий для К.Д. Кавелина основой исторического процесса выступает эволюция родового начала («родовое начало износилось само собою» – определяет несколько иронически эту позицию Соловьев). Для С.М. Соловьева при постулировании родового начала на первый план выходит выявление живой исторической связи событий, живых исторических начал, между которыми главное место занимают личности исторических деятелей и почва (по

смыслу – исторический контекст. – В.К.), на которой они действуют [4]. Именно конкретика реального исторического процесса определяла исход борьбы между родовыми и государственными отношениями. Если исходить из различий методологических позиций К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева, то едва ли следует характеризовать познавательный интерес последнего к проблеме владельческо-вотчинных отношений на отечественной почве как лежащий в рамках теории вотчинного государства. Позволим себе не вполне согласиться с автором в данном случае, поскольку и сам он признает, что для Соловьева при рассмотрении владельческих, вотчинных интересов князей определяющим был сложный общественно-исторический контекст (с. 47).

В ходе дальнейшего исследования проблема соотношения методологического и концептуально-исторического трактуется автором более развернуто и объемно. Различием методологических позиций определяется вариативность теории вотчинного государства. Так, И.Е. Забелин, отмечает автор, «весьма доказательно, первым в историографии» выводит вотчинное государство из особенностей русского семейного быта и соответственно оценивает его позитивно, как органичное для глубоко патерналистского сознания русского общества» (с. 54). Безусловно, автор прав, считая, что стремление историка к выявлению за особенностями быта и этикета культурного кода своего времени, системы ценностей и ментальности общества является несомненной научной заслугой историка и созвучно современной проблематике микроистории и истории повседневности. Соответственно (и это также фиксирует Л.В. Мининкова) вотчинная теория выполняла у Забелина роль глубокого теоретического обоснования культурно-бытовой истории, позволяя включить последнюю в общероссийский исторический процесс.

Теория вотчинного государства, отмечает автор, наполняется новым содержанием в новой историографической ситуации, когда происходит переход от исследования по преимуществу истории государства к многостороннему, многофакторному историческому анализу истории общества. Такой подход к теории вотчинного государства применяется В.О. Ключевским, в работах которого осуществлялся исторический синтез экономической, правовой и политической истории, исторической психологии и исторической биографии. Автор обозначает то проблемное поле, в котором Ключевский рассматривает теорию вотчинного государства. Он затрагивает новую проблему взаимодействия в рамках единого процесса объединения русских земель вокруг Москвы и в первые века существования Московского царства двух начал: вотчинного и государственного. Доминирование первого из них «в сознании московских государей и общества в целом» способствовало, с точки зрения Ключевского, объединительному процессу и в то же время было одной из причин потрясений Смутного времени, сыгравшего важнейшую роль в изживании представлений о государстве как о царской вотчине. В последнем случае автор характеризует взгляды Ключевского несколько противоречиво. С одной стороны, «Ключевский прямо не говорил, что после Смуты вотчинное государство ушло в прошлое»... и оставил вопрос открытым (с. 69). Но буквально на следующей странице содержится утверждение, что выдающийся историк «весьма четко» сделал вывод о завершении существования вотчинного государства в России «в период Смуты, а затем при первых царях из династии Романовых» (с. 70). Далее еще категоричнее: «Смута покончила с состоянием вотчинного государства» (с. 133).

В тех основных проблемных рамках, которые были намечены Ключевским, происходит дальнейшее историографическое рассмотрение теории вотчинного государства. Автор даже оценивает концепцию Ключевского как метатеорию, на основании которой могли создаваться концепции более частного характера. Заслугой автора, на наш взгляд, является сама постановка проблемы – концепция Ключевского как методологическая основа для концептуальных построений последующих авторов, в том числе и тех из них, которые существенно расходились с ним (да и друг с другом) в общеметодологических установках. Вопрос во всяком случае дискуссионный и требующий дальнейшего исследования. Л.В. Мининкова, и это является чрезвычайно интересным, показывает, как на базе проблематики, сформулированной Ключевским, отталкиваясь от его концептуальных построений, дополняется/трансформируется/развивается теория вотчинного государства. Анализируются такие вопросы, как социальная сущность вотчинного государства, хронологические рамки его существования, причины появления и изживания, воздействие на последующее развитие русского общества.

Положительно следует оценить стремление автора к рассмотрению малоизвестных, но содержательно значимых практик изучения теории вотчинного государства. К таковым относится попытка

историка-юриста Г.Г. Тельберга обнаружить признаки изживания вотчинного государства в Соборном уложении 1649 г. Л.В. Мининкова уделяет внимание таким уровням бытования рассматриваемой ею темы, как университетские лекционные курсы и учебная литература по русской истории для гимназий. Содержательные новации, появляющиеся на этом познавательном поле, важны в плане развития теории вотчинного государства и в плане проблематики формирования исторического сознания. Так, в курсе лекций М.К. Любавского вотчинное государство связывалось с феодальными отношениями, что противоречило предшествующей историографической традиции. Трансформация концептуальных построений В.О. Ключевского, отмечает автор, наблюдается и по вопросу о предпосылках изживания вотчинного государства. В отличие от В.О. Ключевского, видевшего эти предпосылки главным образом в бурных событиях Смутного времени, во многом разделявший его концептуальные установки С.Ф. Платонов, связывал их с объединительным процессом и борьбой с Ордой.

Привлекательной, указывает автор, оказалась теория вотчинного государства для отечественных историков марксистского направления, сформировавшегося на рубеже XIX – XX вв. Она заключалась в возможности соединения ее с «выработанными на базе марксизма теоретическими представлениями, а также предоставляемыми ею возможностями критики традиций российской государственности, «всеобщей несвободы», которая была еще хуже, чем в восточных деспотиях (Н.А. Рожков, Г.В. Плеханов).

Л.В. Мининкова отмечает, что в советской историографии, для которой характерно было стремление к разрыву с дореволюционной традицией, происходит отказ от теории вотчинного государства. Причины этого она видит в догматизации марксизма: соединить в единое концептуальное целое базис и надстройку, вотчину и государство оказывается практически невозможным. Теория вотчинного государства «способна выявлять прежде всего исторические особенности Московской Руси..., а господствующая в советской историографии формационная и классовая метатеория была направлена на выявление общих исторических закономерностей» (с. 135). Вопрос о признании или непризнании теории вотчинного государства имел определенную идеологическую подоплеку – вопрос о причинах и характере российской несвободы, исторических корнях самодержавия и даже, в определенном контексте, советского тоталитаризма/авторитаризма. Это тот момент, когда ученые, участники дискуссии, высказывают интересные продуктивные идеи, многие из которых были «не услышаны» в тот конкретный исторический момент, а потом по мере кристаллизации парадигмы забыты и отброшены. Но теория вотчинного государства присутствовала в историографической памяти научного сообщества в виде историографических обзоров, ее элементы включались в построения советских историков.

На современном этапе автор монографии констатирует актуализацию данной теории, ссылаясь на работы А.А. Горского, И.П. Ермолаева, Т.В. Черниковой.

Таким образом, книга Л.В. Мининковой – это не только удачный опыт проблемной историографии. Она заставляет размышлять читателя над историографической судьбой бытования теории среднего уровня, ее дискретными линиями, ее возвратно поступательном движении в интеллектуальном пространстве, что связано как с сопряжением с образами науки и ее культурными доминантами, так и с социальными условиями и запросами общества на конкретно-историческое знание и, наконец, с индивидуальностью исследователя, его жизненными стратегиями. Это позволяет посмотреть на историю науки как на некий сложный процесс, не имеющий телеологической заданности. В определенном смысле теория вотчинного государства выступает и как идейный донор в процессе формирования политического сознания российского общества, подчеркивая его укорененность в национальную культуру. Этот аспект темы достоин отдельной монографии.

Литература

1. Могильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая теория // Новая и новейшая история. 1991. № 6.
2. Могильницкий Б.Г. Методология истории // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аквилон, 2016. С. 272.
3. Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Г. Чичерина. М. : ОГИ, 2004.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1988. Кн. I. Т. I. С. 652.

References

1. Mogil'nitskii B.G. Istoricheskoe poznanie i istoricheskaya teoriya [Historical Cognition and Historical Theory]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 1991, No. 6.
2. Mogil'nitskii B.G. [Methodology of History]. *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki* [Theory and Methodology of Historical Science]. Terminological Dictionary. 2nd edition, cor. and compl. Moscow : Akvilon, 2016, p. 272.
3. Kireeva R.A. *Gosudarstvennaya shkola: istoricheskaya kontsepsiya K.D. Kavelina i B.G. Chicherina* [Public School: Historical Concept of K.D. Kavelin and B.G. Chicherin]. Moscow : OGI, 2004.
4. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times]. Moscow : Mysl', 1988, book 1, vol. 1, p. 652.

В.П. Корзун,
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой современной истории,
Омский государственный университет

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.23683/0321-3056-2017-2-110-111

Четырнадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные отношения в России за 100 лет» (Ростов-на-Дону, 31 марта 2017 г.)

Fourteenth International Gender Readings «Gender Relations in Russia for 100 Years» (Rostov-on-Don, March 31, 2017)

Конференция состоялась в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), наряду с Институтом социологии и регионоведения ЮФУ, соучредителями ее выступили Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор), Департамент социологии Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва), Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС и Донское философское общество. Впервые за четырнадцать лет своего существования ростовские гендерные чтения проходили под эгидой Научной школы «Гендерная и экономическая социология», недавно вошедшей в фазу интегративной институционализации; эту школу возглавляет заслуженный деятель науки РФ, д. филос. н., проф. департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ Галина Георгиевна Силласте.

В этом году формат ежегодных Международных гендерных чтений претерпел значительные преобразования, подтверждающие на практике знаменитый закон диалектики Гегеля о переходе количественных изменений в качественные. Гендерные чтения проходили в три этапа. На первом этапе состоялась видеоконференция соучредителей проекта «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты» на базе Финансового университета при Правительстве РФ и ЮФУ. С приветствиями к участникам проекта и пленарными докладами выступили Л. А. Савченко, председатель оргкомитета конференции, д. филос. н., проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ; Г. Г. Силласте, д. филос. н., проф.; Наран Болдмаа, Phd, доцент кафедры социологии и социальной работы Монгольского государственного университета; А. Г. Тюриков, д. с. н., проф., руководитель департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ; В. А. Лабунская, д. психол. н., проф. Академии психологии и педагогики ЮФУ; А. М. Старостин, д. полит. н., проф. Ростовского государственного экономического университета (РИНХ); Л. Г. Швец, д. полит. н., проф. кафедры государственного и муниципального управления ЮРИУ – филиала РАНХиГС; Т. Г. Лешкевич, д. филос. н., проф. кафедры философии и методологии науки ЮФУ, председатель Донского философского общества; А. А. Осеев, д. с. н., проф. социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Т. А. Марченко, д. с. н., проф. кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ; Н. А. Вялых, к. с. н., старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ЮФУ; Д. Н. Брайко, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии ЮФУ.

В своем выступлении проф. Г. Г. Силласте особо подчеркнула значение научной школы «Гендерная и экономическая социология» как аккумулятора научного опыта, позволяющего представителям самых разных направлений развивать преемственность в передаче знаний, формировать консолидированный научно-исследовательский потенциал как часть научного потенциала российской социологической школы и каждого вуза. По словам Г. Г. Силласте, южное (ростовское) отделение исследовательского комитета научной школы – это форпост современной гендерной социологии, поскольку уже четырнадцать лет гендерные чтения объединяют учёных и практиков разноплановых, гибких, последовательных и творческих.

На втором этапе в рамках секционного заседания «Научные гендерные тренды молодых ученых» были заслушаны доклады студентов, аспирантов и молодых преподавателей вузов г. Ростова-на-Дону. В структуре прошедших гендерных чтений отчетливо выделяются следующие тематические рубрики: теоретико-методологические проблемы гендерных исследований; гендерные стереотипы как фактор и как продукт гендерного поведения; гендерные диспозиции и трансформация гендерного порядка в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни. Предметом оживленной научной полемики стали проблемы формирования образов «своих» и «чужих» людей с

разным этнокультурным внешним обликом в метафорах женщин, гендерные аспекты родительства, роль гендерного фактора в демографическом развитии РФ и многие другие гендерные срезы социальной реальности, имеющие высокое внутринаучное и социокультурное значение.

На третьем этапе (20–21 апреля 2017 г., г. Москва) состоялась Международная научно-практическая конференция «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты» в Финансовом университете при Правительстве РФ, собравшая представителей научного и вузовского сообществ из России, стран Евразийского союза, дальнего зарубежья, органов государственного управления, некоммерческих социальных организаций и СМИ. Институт социологии и регионоведения ЮФУ на площадках аналитических панельных дискуссий и на пленарном заседании представляла профессор Л. А. Савченко, раскрывшая в своих докладах актуальные вопросы использования гендерных ресурсов как важнейшей части социального потенциала государственной экономической, информационной и культурной политики в кризисных и посткризисных условиях развития российского общества и мирового сообщества в целом.

Особенность формата научно-практической конференции состояла в том, что три аналитические панели (Социальная и экономическая политика государства как основа укрепления потенциала гендерного равноправия и благосостояния семьи; «Женщины – власть – управление» в условиях глобализации и столкновения политических интересов, национальных культур и гендерных подходов; Гендерное равноправие в развитии российского общества и государства: взгляд молодежи) предваряли пленарное заседание, а не наоборот. Как отметила Г. Г. Силласте, подобный опыт позволяет сформулировать реальные предложения, выводы для науки и практики. В противном случае, многие ценные идеи и смелые научные замыслы, озвученные на панельных дискуссиях, просто бы повисли в воздухе, как это обычно бывает при традиционном подходе к организации масштабных научных форумов.

По итогам работы Международных гендерных чтений все рекомендованные оргкомитетом доклады будут опубликованы в сборнике научных статей. Однако, с учётом выхода ростовской научной школы гендерных чтений на качественно иной уровень, доклады участников конференции, включая студентов, аспирантов и молодых учёных, будут опубликованы в сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России и за рубежом 100 лет спустя: исторические уроки и социальные горизонты», давшей старт целому ряду межрегиональных и вузовских конференций по гендерной проблематике.

Ожидаемым результатом международной и региональных гендерных конференций является разработка и представление в органы местного самоуправления городов-участников научной школы «Гендерная и экономическая социология» в 2018 г. национального доклада «Новая социальная реальность и гендерное равноправие в России 100 лет спустя». Региональные научно-практические конференции, включая ежегодные гендерные чтения в Южном федеральном университете, и разрабатываемые по их итогам аналитические доклады призваны отразить результаты конструктивно-критического обсуждения в вузах-партнерах достижений и противоречий реализации политики гендерного равенства, сравнить и обобщить мировой, национальный и региональный опыт решения гендерных проблем, а также проблемные зоны сотрудничества государства и общественных, научных организаций в оказании помощи населению, семье, женщине, детям и молодежи в трудных жизненных ситуациях.

Организаторы конференции выражают признательность директору Института социологии и регионоведения ЮФУ, доценту А.В. Серикову, преподавателю Д. Н. Брайко, магистрантам Х.М. Дзауровой и С.В. Василенко за помощь в реализации гендерных чтений. Будем рады в следующем, юбилейном для гендерных чтений, году встретить как постоянных участников форума, так и новых последователей научной школы гендерных исследований.

Л. А. Савченко,

*доктор философских наук, профессор Института социологии
и регионоведения Южного федерального университета*

Н. А. Вялых,

*кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии
и регионоведения Южного федерального университета*

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте <http://translit.net/>, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Tsygankov A.P. *Sovremennye politicheskie rezhimy: struktura, tipologiya, dinamika* [Modern Political Regimes: Structure, Typology, Dynamics]. Moscow, Interpraks, 1995, 296 p.

Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Russia from Ancient Times to Our Days]. Ed. A.N. Sakharov. Moscow, AST, 2017, 1744 p.

Статьи в журналах

Gubanov S. Neoinustrializatsiya plus vertikal'naya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoin-dustrialization Plus Vertical Integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist*. 2008, No. 9, pp. 3-27.

Диссертации, авторефераты

Pas'ko E.A. *Kolonizatsionnaya politika Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya chetvert' XIX vv.)* : dis. ... kand. ist. nauk [Colonization Policy of Russia (the Second Half of the XVIII - First Quarter of the XIX Century)]. Rostov-on-Don, 2003, 240 p.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Mangeim K. *Ideologiya i utopiya* [Ideology and Utopia]. Available at: http://royallib.com/read/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html#20480 (accessed 19.02.2017).

Нормативные и архивные документы

O sredstvakh massovoi informatsii [About the mass media] : zakon RF ot 27.12.1991 No. 2124-1. Moscow, 1991.

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti [Center for Documentation of the Newest History of the Rostov Region]. Fund 5. In. 1. File 35. L. 40.

GOST R 7.0.5-2008. Bibliograficheskaya sсылка. Obshchie trebovaniya i pravila sostavleniya [GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules of compilation]. Moscow, 2008, 30 p.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Akoeva N.B. [Transformation of Traditional Values in the Service Cossacks during the First World War]. *Kazaki i gortsy v gody Pervoi mirovoi voyny* [Cossacks and Highlanders during the First World War]. Proceedings of Russian scient. conf. with intern. partic. Rostov-on-Don, 2014, pp. 123-136.

Научно-образовательный и прикладной журнал
ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.	Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».
2. Исторические науки и археология.	
3. Экономические науки.	

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ – договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Печатный и электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке – через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2017-2.

Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2017. № 2